

ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ ИСТОРИКО-
АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

**АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ ПСКОВА
И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ**

**Тезисы
докладов научно-практической предстоящей
конференции**

Псков 1987

АРХЕОЛОГИЯ, АРХИТЕКТУРА И КУЛЬТУРА ПСКОВА

И. Л. Лабутина

О ПСКОВСКОМ НЕКРОПОЛЕ

Некрополи древнерусских городов периода IX — первой половины XI вв. относятся к числу недостаточно изученных археологических памятников, так как немногие из них сохранились и выявлены. Интерес к ним обусловлен важностью данных по ранней истории города, в частности — составу его населения. В число подобных памятников входит курганное кладбище Пскова. Открытое в 1974 г. в ходе охранных раскопок у педагогического института, оно выявлялось в ходе последующих раскопок на широкой территории, прилегающей к современной ул. Ленина. На площади более 5 тыс. кв. м под культурным слоем обнаружено 53 погребения (1974 г. — 2, 1976 г. — 14, 1978 г. — 8, 1979 г. — 1, 1982 г. — 3, 1984 г. — 2, 1985 г. — 23). В условиях сложной стратиграфии памятника особую важность приобретала подробная полевая фиксация и отчетная документация, в которых максимально объективное отражение остатков должно было четко отделяться от интерпретации. При нерешенности и переотложенности части объектов возрастала роль определения костного материала. К настоящему времени весь материал некрополя обработан антропологами и зоологами (1974, 1976, 1978 гг. — Е. Г. Андреева, И. И. Гохман, В. И. Хартанович; 1979 г. — Е. Г. Андреева, 1982 г. — В. П. Данильченко, Н. Н. Мамонова, судмедэксперт В. Н. Звягин; 1984 г., 1985 г. — В. П. Данильченко, Г. П. Романова).

Материалы некрополя нашли отражение в научной литературе. Их публикация в краткой форме представлена в ежегоднике «Археологические открытия»; кроме того, 17 погребений 1974, 1976, 1979 гг. получили более подробную характеристику в специальных публикациях (И. К. Лабутина, В. И. Кильдюшевский, А. В. Урьева, И. О. Колосова, Б. Н. Харлашов). Второй вид публикаций, содержащий описание погребений, дает возможность обращаться к материалам некрополя как источнику. В публикациях получили предварительную интерпретацию типология и хронология X — первая половина XI вв.) некрополя, были выявлены аналогии. В литературе рассматривался также вопрос о методике раскопок и фиксации объектов некрополя (И. К. Лабутина).

Ряд исследователей привлекает данные памятника в связи с изучением раннего русского города (С. В. Белецкий, В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, К. М. Плоткин, И. К. Лабутина) и в

качестве аналогии (Н. Г. Недошивина, М. В. Фехнер), — преимущественно в общей форме. Материалы публикаций некрополя использованы при рассмотрении данных о «языческом могильнике» в Новгороде (А. С. Хорошев) и исследовании скандинавских отношений с Северо-Западной Русью (А. Стальсберг).

Накопление материала делает возможным рассмотрение вопроса о его представительности и возможностях привлечения для характеристики погребального обряда. Значительный материал 1985 г. до написания отчета может быть привлечен лишь для некоторых аспектов темы.

В составе погребений — 18 закрытых комплексов в узком смысле (собственно погребения без учета погребальных сооружений), 23 нарушенных погребения, 8 — нарушенных или (требует исследования) перемещенных, 4 — перемещенных. О способе погребения с полной достоверностью можно судить по 41 погребению: ингумация — 6 случаев, кремация — 35 случаев. Все остальные (нарушенные или переотложенные) погребения — то остатки кремации. Преобладает кремация на стороне. Вид захоронений по способу помещения останков, как и обряд, определяется для большей части погребений. Кальцинированные кости ссыпались в небольшую материковую ямку или в урну (помещались в ямку или в насыпь, иногда — в основание насыпи). Трупосожжения на месте составляют менее 25% всех погребений по способу кремации. Кости залегали в кострище или в ямке в его границах. Погребальных урн — 16, в том числе 3 — лепные.

Меньше данных о конструкциях погребальных сооружений, особенно о параметрах насыпей. По единичным случаям можно судить о диаметрах насыпей (6—8 м), их высоте (не менее 0,3—0,66 м), ровиках и перемычках. В основании одной из насыпей имелась каменная обкладка, с внешней стороны которой проходила столбовая оградка. Мужские захоронения по обряду ингумации совершены в ямах, обложенных деревом, и в наземной «домовине». Одна из ям перекрывалась накатом.

Состав погребального инвентаря в нетронутым виде представлен в закрытых комплексах (34% захоронений); жертвоприношения вне этих комплексов в большинстве случаев не могут считаться целыми. Все же в их составе имеются датирующие и этнически определяемые предметы, в частности — предметы вооружения (3 погребения), что дает материал для выяснения хронологии памятника и состава населения. Дополнительные данные происходят из частично нарушенных комплексов.

Рассмотрение сохранности объектов некрополя позволяет сказать, что они достаточно представительны для суждения о таких признаках погребального обряда как способ погребения и помещения останков (не менее 77% погребений); дает возможность судить о погребальном инвентаре (не менее 34%). Конструкции погребальных сооружений и состав жертвоприношений вне закры-

тых комплексов могут изучаться на относительно ограниченном материале ввиду нарушения памятника.

Кладбище служило местом захоронения для населения Пскова X — начала XI вв., жившего на территории детинца и посада. Оно существовало в одном комплексе со святилищем, располагавшемся на берегу ручья в окружении курганов.

Л. Н. Большаков

МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОСТРОЕНИЯ КОМПОЗИЦИИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОБОРА МИРОЖСКОГО МОНАСТЫРЯ И БЛИЗКИХ ПО ТИПУ ХРАМОВ ВИЗАНТИИ И РУСИ

Композицию храма можно рассматривать как сочетание пространственных элементов, объединенных в функционально-художественную целостность. Наша задача — проследить принцип формирования этой архитектурной композиции, т. е. реконструировать процедуру разбивки плана и его связь с вертикальными членениями.

В реконструкциях средневековых методов построения архитектурной формы наиболее распространенным является метод геометрического пропорционирования, в котором здание рассматривается как отвлеченная схема, по отношению к которой можно отождествить прием формального анализа ее с принципом творчества. Такое отождествление является, безусловно, ошибкой, и метод анализа готовой формы никак не следует выдавать за реконструкцию творческого метода зодчего.

Для того, чтобы задать правильное направление формальному анализу архитектурных пропорций, следует связать его с общими представлениями о характере художественно-ремесленной деятельности средневековья, а также с данными письменных источников. Важно учесть также данные сметных росписей, которые являются своеобразными «проектными заданиями». Из источников видно, что древние строители описывали свои сооружения в количественных характеристиках, чему соответствует и практика подражания образцам, с которых делались обмеры. Подобные описания удобны были как для отчета заказчику, так и для задания мастерам.

Как показывает история ремесел и науки, профессиональная традиция в средние века передавалась в форме рецептов. Архитектурный метод наиболее простым образом мог быть зафиксирован как последовательность измерений, выполненных одной определенной мерой. Эту последовательность на основании письменных источников можно воссоздать в следующем виде.

На подготовленной строительной площадке определялось место престола, затем через него проводилась ось в направлении на восход солнца, от нее откладывались габаритные размеры постройки и внутренние членения. Такую процедуру легче всего

осуществить, откладывая размеры, заданные одной мерой в целых числах. Мотивы выбора тех или иных пропорций или размеров, пространственное решение и пластическая выразительность, — все это лежит за пределами той простой измерительной процедуры, с которой начиналось строительство, и которую можно теперь воссоздать по обмерам существующих памятников. Таким образом, мы реконструируем не творческий метод, который остается открытым для культурологического, а не формального анализа, но лишь практические приемы.

В работе рассматриваются планы константинопольских храмов Атик-Мустафа-паша-джами и Гюль-джами, собора Мирожского монастыря и церкви Св. Климента в Старой Ладоге.

Метрический анализ сводится к определению общего делителя всех основных размеров каждого памятника в отдельности. Предполагается, что строители пользовались одной мерой для определения всех размеров конкретной постройки, но мера эта не была строго фиксирована, а варьировала от постройки к постройке. Это подтверждается работами по византийской архитектурной метрологии, в которых величина фута определяется в пределах от 0,308 до 0,320 м.

По обмерам Мирожского собора и Климентовской церкви обнаруживаются мерные единицы, равные, соответственно, 0,375 м и 0,380 м, что близко одному из значений русского локтя. Анализ константинопольских памятников дал одно значение фута для обоих храмов — 0,323 м. Полученные в этих единицах размеры сведены в таблицу.

Существует повторяемость размеров в их числовом выражении в византийских и русских храмах, хотя они различны по абсолютной величине, так как заданы различными мерами. Можно заметить предпочтительные числа, что по-видимому, связано с символикой чисел.

Полученные данные говорят в пользу метрического, т. е. модульного, а не геометрического принципа построения архитектурной композиции средневекового храма.

В. В. Седов

ЦЕРКОВЬ НИКОЛЫ XVI в. В ЛЮБЯТОВСКОМ МОНАСТЫРЕ

Церковь Николы Любятковского монастыря расположена на окраине Пскова на левом берегу р. Псковы. Монастырь впервые упомянут в 1571 г., основание его относится к XIV—XV вв. Церковь традиционно датировалась XV—XVI вв. Это маленький храм (9 × 8,6 м, сторона подкупольного квадрата 2,8 м), стоящий на подклете, конструкцию которого образуют четыре квадратных столба, несущие коробовые своды с распалубками в рукавах. С северной стороны имеется помещение с лестницей в подклет, с

востока к основному объему примыкает полуциркулярная абсида без дектора. Фасады храма членятся лопатками на три прясла. Конструкцию собственно храма составляют четыре столба, два из которых — западные — квадратные, а восточные скруглены к востоку на высоту человеческого роста. Купол несут повышенные подпружные арки с небольшим подъемом. Они уже столбов и арок, идущих от столбов к стенам. Световой барабан прорезан четырьмя оконными проемами. Рукава креста перекрыты коробовыми сводами, угловые компартименты — куполками, от которых сохранились только паруса и основания барабанов. Так как угловые компартименты не образуют правильных квадратов, то для устройства барабанов боковых глав применены дополнительные арочки, сводящие пространство перекрываемого помещения к квадрату. Сведений о хорах в храме нет, все столбы были свободны на всю высоту. Неизвестен характер покрытия храма, вероятнее всего, оно было позакомарное-пощипцовое.

Таким образом, церковь Николы представляет собой пятиглавый четырехстолпный одноабсидный храм на подклете. Уже само пятиглавие заставляет отнести его к XVI в. На фоне псковских памятников этого времени храм выглядит необычно. Его одноабсидность, квадратные столбы, узкие повышенные подпружные арки заставляют обратиться к новгородской архитектуре второй четверти XVI в. В это время в Новгороде строится ряд одноабсидных трехглавых (ц. Успения в Колмове 1528 г., Повалы в Кремле 1529 г.) и пятиглавых (ц. Бориса и Глеба в Плотниках 1536 г.) храмов. Наибольшее сходство с Любятовским храмом наблюдается у церкви Бориса и Глеба, построенной (как и ц. Похвалы) новгородской строительной артелью. Размеры его довольно значительны (14 × 14 м, сторона подкупольного квадрата 4 м). Этот памятник также поставлен на подклет, имеющий близкую систему сводов. Основная часть здания — одноабсидный храм с четырьмя квадратными столбами. Центральный барабан несут узкие и очень мало повышенные подпружные арки, боковые главы покоятся на дополнительных арках. Если восточные барабаны открыты в пространство храма, благодаря высоким аркам, связывающим восточные членения с рукавами креста, то западные угловые компартименты связаны с интерьером лишь низкими арками. В верхней части располагаются закрытые со стороны рукавов креста приделы, которые осеняются западными боковыми главами. Палатки-приделы соединяются хорами. В целом, в ц. Бориса и Глеба видим новгородское претворение пятиглавия, выразившееся в том, что боковые главы не воспринимаются из интерьера. Традиционная новгородская крестообразность пространства, выделенность рукавов и отстранение угловых компартиментов от участия в «пространственной игре» демонстрируют стойкость вкусов местных строителей. Узкие повышенные подпружные арки, не играющие конструктивной роли, боковые главы, венчающие замкнутые па-

латки — это лишь знак приятия среднерусских черт. Фасадная декорация и общий облик храма несут в себе черты прочно усвоенной местной традиции, закрепившегося пластического мышления.

При сравнении ц. в Любятове и ц. Бориса и Глеба бросается в глаза сходство конструктивных приемов (устройство малых глав, квадратные столбы, узкие подпружные арки, одноабсидность, характер подклета). Возможное позакомарное (пощипцовое) покрытие, аркосолии в западной стене храма подчеркивают это сходство. Однако, есть и различия: в Любятове западные угловые компартименты открыты в рукава креста высокими арками, отсутствуют хоры, подпружные арки несколько шире, чем в новгородском храме. Ц. в Любятове выглядит не уменьшенной копией новгородской постройки, а осмысленно перенятой схемой, претворенной в другом материале (псковской плитняк) и с отличиями в построении интерьера. Действительно, если учесть иконостас, заслонявший восточные столбы в Любятове, то об интерьере этого памятника можно говорить не как о Т-образном (как в Новгороде), а как о двустолпном со сливающимися ячейками.

Следует констатировать проникновение московских форм (пятиглавия) в Псков через посредство новгородской архитектуры, а не напрямую. На основании близости ц. в Любятове и ц. Бориса и Глеба в Плотниках (1536 г.), исследуемый памятник можно датировать концом 30-х — 40-х годами XVI в. Косвенное подтверждение такой датировки дает исследование иконостаса ц. в Любятове, проведенное Н. М. Ткачевой, которая относит его ко второй четверти XVI в.

Дальнейшее усвоение пятиглавой композиции идет в Пскове в том же направлении, что и в Новгороде: псковские мастера как бы переносят новые конструктивные и образные приемы в сложившийся местный тип, который приобретает лишь новое звучание, не меняя в корне сложившейся схемы. В соборе Рождества Христова Мальского монастыря (середина XVI в.) пятиглаве применено уже при трехабсидности, появилась развитая псковская декорация на абсидах и барабанах. Только формы подклета и новгородское понимание столбов (выступ столба в угловой компартимент), а также позакомарное (пощипцовое) покрытие говорят о происхождении этого памятника от ц. Николая в Любятове.

При том, что в Пскове господствовала устойчивая местная традиция, псковские зодчие обладают необычайной способностью воспроизводить формы и конструкции зданий иных школ. Псковская артель, работавшая в Москве в 70—80 гг. XV в., виртуозно воспроизводит формы раннемосковской архитектуры; ц. Варлаама Хутынского (1495 г.) в Пскове и ц. в Копорье (ок. 1500 г.) повторяют основные особенности новгородской архитектуры. К перечисленным памятникам следует добавить и ц. Николая в Любятове, в общих чертах приближающуюся к приемам новгородской архитектуры XVI в. Памятник в Любятове является интересным при-

мером конструктивной восприимчивости псковских зодчих. Выявленные связи с новгородской архитектурой XVI в. позволяют уточнить характер развития псковской архитектуры после вхождения Пскова в состав Московского государства.

И. И. Лагунин

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ФРАГМЕНТА ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО АНСАМБЛЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПСКОВА

Сообщение подготовлено в связи с разработкой историко-архитектурной части комплексного проекта квартальной реконструкции исторического центра Пскова. Эта работа является продолжением темы сохранения историко-архитектурного ансамбля Пскова XVIII—начала XX вв., поднятой в утвержденном «Проекте детальной планировки исторического центра Пскова», в его разделе «Типология исторической застройки», разработанном Институтом «Ленгипрогор» при участии Псковских специальных реставрационных мастерских и Псковского музея-заповедника.

Фрагмент застройки города (район бывшей ул. Новгородской), предназначенный к реконструкции, является одним из наиболее ценных в ансамбле. Он сформировался на протяжении XV—XX вв. и включает как отдельные историко-архитектурные и исторические памятники данного периода, так и ценные исторические застройки конца XVIII—XX вв. О данном районе можно говорить как о фрагменте ансамбля, окончательно сформировавшегося на основе «Генерального плана Пскова 1774 г.», разработанного выдающимся русским зодчим И. Е. Ставровым. Главным отличительным качеством данного плана является сохранение ценной планировочной структуры древнего города и использование в качестве градообразующих доминант многочисленных памятников самобытного псковского зодчества.

Границы района исторические. Это левый берег Псковы, с юго-востока — крепостная стена Окольного города, с запада — направление стены «посадника Бориса 1309 г.» и, наконец, южной границей служит направление ул. Карла Маркса (бывш. Новгородской). Весь район входит в границы исторического центра и охраняется как единый памятник археологии.

Исторически формирование данного района города происходило в радиальном направлении от центра и начинается после отмирания в конце XI в. языческого некрополя. Вероятно, тогда же складывается направление дороги на Новгород Великий вдоль берега р. Псковы с учетом ее изгибов, которое по мере роста городского посада превращается в Новгородскую улицу — центральную магистраль района. Рост посада определяется развитием системы укреплений города. Старое Застенье было защищено

стенной в 1309 г., Средний город — в 1375 г. Окольный город — в середине XV в. был защищен деревянной, а к XVI в. каменными укреплениями. Таким образом формируется с учетом исторического ландшафта радиально-концентрическая система планировки, которая принципиально сохраняется до сих пор, и система архитектурных доминант (памятники культового и крепостного зодчества), которая служила своеобразным каркасом в городском ансамбле на всем протяжении его жизни.

Значение района возрастает в XVI в., когда в эту часть города переведен Новый торг. С ним связан рост значения таких улиц, как Новая (ныне Некрасова) и ул. Ленина, а также развитие каменного строительства — возведение крупных общественных и купеческих зданий в XVI—XVII вв. До строительства петровских фортификаций особую роль играл речной фасад, оформленный на всем протяжении Псковы культовыми сооружениями. В XVIII в. в районе ул. Казанской образована площадь для солдатских учений и выстроен подъездной дворец Екатерины Иоанновны.

Однако окончательно застройка района сформировалась по Генпланам 1774 и 1778 гг. на протяжении XIX — начала XX вв. Тогда же меняется значение района, который с переносом главного въезда в город с востока на ул. Сергиевскую (Октябрьский проспект) превращается в периферию города.

Дальнейший историко-архитектурный анализ сложившегося района позволит не только разработать проектные предложения по сохранению его архитектурных и планировочных ценностей, но и обеспечить возможность развития такого важного принципа в архитектуре, как преемственность планировочных и строительных традиций. Так, в процессе работы над заданием удалось определить несколько типов разновременной и разнохарактерной застройки, которые могут быть использованы при реконструкции; а также ряд рекомендаций к Проекту.

И. И. Лагунин

ЗДАНИЯ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. В ПСКОВЕ — ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ

Псков сохранил не только шедевры древнего зодчества. Весь историко-архитектурный ансамбль исторического центра, сформированный на основе Генплана выдающегося русского зодчего И. Е. Старова, и отдельные сооружения XVIII—XX вв. имеют значение памятников национальной архитектуры. Список их, подготовленный мною, был рассмотрен и одобрен на Градостроительном совете в 1974 г., направлен в редакцию псковского тома Свода памятников истории и культуры РСФСР, и часть зданий поставлена на государственную охрану. Как правило, речь идет о строениях, пострадавших в годы немецко-фашистской оккупации и береж-

но восстановленных в послевоенный период. В настоящее время вновь прошли сроки амортизации строений прошлых веков, и судьба их не может не тревожить. Особенно редки теперь строения XVIII в. Один из самых ранних таких памятников в Пскове — комплекс Духовной семинарии (ул. Советская, 21). Он включает корпус Старой семинарии, открытой в 1733 г. и получившей специальное каменное здание в 1738 (1740?) г. Оно было выстроено псковским епископом Стефаном Калиновским в тот тяжелый период истории города, о котором новгородский наместник Я. Сиверс писал: «Псков ... мог быть в другом состоянии и не возбуждать такой жалости. У меня нет слов для выражения моих чувств о разорении этого города». Как и в глубокой древности корпус выстроен в технике чередующихся рядов кирпичной и известняковой кладки, «повоем». В 1776 г. после пожара корпус значительно перестроен, получил новое классическое оформление и украшен даже колокольной в центре. Однако до нас он дошел после целого ряда перестроек как второстепенное здание, значительно расширенное в первой половине XIX в. крупными двухэтажными корпусами. Главным стал корпус, выходящий на улицу Великолуцкую (Советскую), с домовою церковью (архитектор Щедрин). На этом история памятника не кончается. Новые перестройки произведены в начале XX в. по проекту А. Павловского. Центр здания со стороны улицы украсился крупным куполом домовою церкви.

Судьба крупных псковских сооружений XVIII — первой половины XIX вв. часто связана не только со значительными перестройками, но и со сменой владельцев, порой неоднократным изменением использования. Упадок города заставлял вновь и вновь обращаться к одним и тем же крупным каменным строениям. Этому способствовали и административные изменения. Такова судьба генерал-губернаторского дома (Октябрьский просп., 7а). Каменное здание на этом месте показано еще на плане города 1740 г. Существующее возведено вскоре после 1781 г., вероятно, статским советником Валуевым, а в 1839 г. за 40 тыс. рублей приобретается у его вдовы в казну. Еще с 1835 г. оно арендуется для гражданского губернатора А. Н. Пещурова, а после приобретения перестраивается под губернаторский дом. К концу XIX в. дом генерал-губернатора еще раз перестраивается (бельведер, веранда). До сих пор сохраняется парк на месте губернаторского дома.

Главное здание комплекса будущей земской больницы заложено в 1780 г. для дворянского училища, которое так и не открылось. Использовалось межевой конторой и долго пустовало. Проект корпуса городской больницы разработан в 1832 г. Интерес представляет и весь больничный комплекс, сложившийся из разновременных строений XIX — начала XX вв. (ул. Малясова, 2). Несмотря на перестройки, главное здание сохранило оформление фасадов в стиле поздней классики.

Замечательным образцом раннего классицизма является

здание Старой почты, украшающее центр города (ул. Советская, 7). Многочисленные перестройки губернского почтамта не коснулись классически ясной композиции сооружения, сохранившего даже структуру интерьеров без значительных изменений. После пожара 1788 г. здание бывшего Путевого дворца восстанавливал псковский губернский архитектор И. Альбрехт.

В 50-е гг. XIX в. приобрело настоящий облик здание современного Дома Советов. Оно выстроено в конце XVIII в. для Присутственных мест, но в 1824 г. передано Кадетскому корпусу и перестроено. Портик главного входа и часовая башня относятся к советскому периоду. Серию угловых опорных зданий рубежа XVIII и XIX вв. возглавляет дом Приюта призрения на углу бывш. ул. Губернаторской и Архангельской (ул. Некрасова, 32). Эти дома представляют интерес в качестве памятников градостроительства и строились по утвержденным «образцовым проектам» (ул. Некрасова, 31, 40, ул. Гоголя, 41).

К замечательным образцам архитектуры первой половины XIX в. принадлежат крупные общественные здания, такие, как комплекс Тюремного замка в виде каре с угловыми башенками и торжественным порталом главного входа. Первое здание губернской гимназии (ул. Урицкого, 4) использовалось ранее и как губернаторский дом, и как госпиталь, а в подвальной части сохранило следы более ранней архитектуры. К образцам так называемого «деревянного классицизма» можно отнести «Дом Софьи Перовской» (ул. Советская, 42), где прошли детские годы революционерки. Комплекс купеческого двора Сафьянщикова (?) приобрел существующий вид тоже после многочисленных перестроек (ул. Карла Маркса, 3), но сохранил весь набор строений. Фасады главного дома и флигеля близки к «образцовым» последнего периода. «Образцовым» является проект (фасады) и здания псковской Консistorии (Кремль, 6), в которой наибольший интерес представляют сводчатые помещения первого этажа (середина XIX в.).

Переходным от позднего классицизма к эклектике является здание Губернской гимназии 1855 г. (ул. Калинина, 5). Оно еще близко к последним «образцовым» домам периода поздней классики, но по проекту должно было получить облик ренессанского палаццо.

Таким образом, серия названных зданий дает представление не только о застройке Пскова XVIII — первой половины XIX вв., но и о его строительной школе, формировании градостроительного ансамбля города, путях развития провинциальной архитектуры вообще и псковской, в частности.

Н. М. Ткачева

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ ИЗ СОБРАНИЯ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Собрание древнерусской живописи Псковского музея, насчитывающее более семисот единиц хранения, сложилось, в основном, в довоенное время. В годы фашистской оккупации музей и храмы города были разграблены; инвентарные книги по разделу «живопись» бесследно исчезли.

В 1948 и 1955 гг. большинство произведений древнерусской живописи было возвращено музею.

Но исторически достоверная атрибуция икон стала практически невозможна: документальный материал, дающий возможность определения хронологических границ — это, в основном, сведения о постройках, перестройках, ремонтах и т. д., храмов, которым принадлежали исследуемые иконы. А именно о происхождении их мы не знали ничего.

Атрибуция же на основе стилистического анализа, сравнения с уже известными памятниками при отсутствии ряда своего рода «эталонов» — памятников, датировка которых достаточно документирована, имеет субъективный характер. Псковская живопись второй половины XV — XVI вв., периода наименее изученного, таких памятников не имеет. В живописи иконостасов, а не отдельных, например, житийных икон, пожалуй, наиболее полно отражаются художественные тенденции времени.

Одним из важнейших аспектов исследования древнерусской живописи Псковского музея стало выявление, раскрытие и атрибуция комплексов памятников.

Необходимо было их выявить, пока памятники не раскрыты, и для определения совместного бытования на протяжении столетий той или иной группы икон в одном иконостасе можно было использовать незаменимый материал, который дает анализ шкалы разновременных наслоений, сопоставление характера и последовательности слоев живописных поновлений, левкасных чинок, различных следов поздней подгонки досок.

Когда были выявлены комплексы и группы памятников, классифицированы все номера, пометы, шифры, в том числе оккупационные, имеющиеся на иконах, была предпринята попытка расшифровки последних. Расшифровка удалась, но в процессе работы выяснилось, что гитлеровские офицеры, руководившие отбором, маркировкой и отправкой произведений искусства в Германию, не пользовались инвентарными книгами музея. Видимо, книги были вывезены раньше. На досках просто обозначался шифр той церкви, в которой найден данный памятник, независимо от того, было ли это музейное помещение или действующая церковь. Но

анализ и сопоставление всех надписей дал возможность подойти вплотную к решению вопроса о происхождении памятников.

Из имеющихся в собрании музея сейчас уже известно происхождение комплексов из ц. Николы в Любятове, ц. Николы со Усохи (Бобров Ю. Г., Ткачева Н. М., Псковская живопись XV—XVI вв. — В кн.: Древний Псков. М., 1986) и ц. Новое Вознесение.

Церковь Успения с Пароменья в довоенное время была одним из хранилищ музея, поэтому определение иконостаса ее представляло наибольшую сложность.

По выработанному методу были подобраны все иконы комплекса, и лишь на одной из них, иконе деисусного ряда, была обнаружена разборчивая музейная довоенная пометка с названием церкви (Усп. П.). Фото из архива ЛОИА подтверждает правильность заключения о происхождении иконостаса из Пароменской церкви.

Иконостас сохранился почти полностью. В собрании музея отсутствуют: средник деисусного ряда (трехфигурный «Деисус») и четыре иконы из праздничного ряда (одна из них, «Успение», хранится в Ульяновском обл. художественном музее).

Впервые Пароменская церковь упоминается в летописях под 1444 г. (постройка), далее в 1521 г. (постройка каменной церкви), в 1608 г. (крупный пожар, при котором церковь очень пострадала), в 1613 г. возобновлена (сведения из дневника К. К. Романова, 1925 г., архив ЛОИА). Ю. С. Спегальский считал, что существующая церковь построена в 1521 г., а современный облик, в общих чертах, она получила в конце XVII — начале XVIII вв.

Декор иконостаса можно отнести к первой трети XVIII в., но навершие и по форме и по характеру резьбы соответствует началу XVII в., т. е. относится ко времени замены тяблового иконостаса на резной.

При последней реконструкции иконостаса «бочкообразная» рама, обрамляющая композицию «Новозаветная Троица», была сохранена. В художественном институте им. Репина под руководством Ю. Г. Боброва раскрыты: иконы праздничного ряда, иконы пророческого ряда, 4 иконы деисусного ряда: «апостол Андрей» (по картотеке Матфей), «апостол Филипп», «апостол Иуда», «архангел Гавриил» (по картотеке Михаил). Иконы пророческого и праздничного рядов созданы в конце XVI — начале XVII вв., иконы деисусного чина можно отнести к середине XV в.

Деисусный ряд создан, по-видимому, для иконостаса церкви, построенной в 1444 г., а увеличены доски в размерах за счет приставок по бокам, когда иконостас монтировался в новой, более просторной по размеру, каменной церкви 1521 г. Праздничный ряд этого древнего иконостаса, по-видимому, настолько обветшал к началу XVII в., что появилась необходимость его замены. И в конце XVI — начале XVII вв., при замене тяблового иконостаса на резной, были написаны пророческий и праздничный ряды, разме-

ры которых (по ширине) соответствуют ширине деисусных икон с надставками. Колористический строй поздних икон подчинен живописи образцов XV в.

Иконостас Успенской с Пароменья церкви, созданный в XV—XVII вв. является не случайным сборным иконостасом, но исторически сложившимся живописным комплексом. Манера письма икон деисусного ряда, в которых живописная пластика ликов сочетается с тонкой графикой ассиста, украшающего одежды, позволяет отнести эти иконы к числу лучших произведений Псковской живописи середины XV в.

Разновременная живопись иконостаса ориентирована на целостное восприятие.

Если произведенная в 1983 г. атрибуция иконостаса ц. Николы со Усохи дала впервые возможность представить целостный архитектурно-художественный ансамбль середины XVI в., то атрибуция иконостаса Пароменской церкви позволяет видеть, как блестяще мастера умели решать и более сложные задачи, видеть, наконец, ценность псковской живописи не в ретроспективности отдельных произведений, а в том, что мастера Пскова сумели, сохраняя местные художественные традиции, создавать произведения, отвечающие эстетическим принципам своего времени.

А. Б. Алешин

ИССЛЕДОВАНИЕ И АТРИБУЦИЯ КАРТИН ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ В ПРОЦЕССЕ РЕСТАВРАЦИИ

1. Более десяти лет продолжается научно-реставрационное сотрудничество между Псковским музеем-заповедником и мастерской реставрации и техники живописи Института им. И. Е. Репина. Около 200 произведений станковой темперной и масляной живописи из музея прошли полный комплекс исследовательских, консервационных и реставрационных работ в лабораториях мастерской. Последняя является учебно-реставрационным центром подготовки будущих художников-реставраторов в высшей школе.

Примерами реставрационно-исследовательских работ сотрудников и студентов мастерской института на произведениях масляной живописи из Псковского музея могут служить новооткрытые картины: «Портрет барона И. Ю. Фредерикса» К. Л. Христинека, «Интерьер католического собора» Н. де Гейзелара и «Портрет прусского офицера» Н. С. Фроста.

«Портрет неизвестного» XVIII в., поступил в мастерскую реставрации института в 1982 г. (студентка-реставратор И. Стренковская, руководитель А. Б. Алешин). В процессе изучения материальных признаков картины (основа, грунт, техника нанесения живописных слоев, конфигурация картины, размер) появилась

объективная возможность соотнесения произведения с типичными для XVIII в. парадными портретами 70—80-х гг. Техника и особенности написания различных деталей лица, прически, одежды, регалий дали основания для предположения, что автором является Карл Людвиг (Логгин) Христинек (1732—1794 гг.) — один из крупнейших портретистов этого периода. Проведение идентификационных исследований общих признаков на аналогах, а также сравнение рентгенограмм с различных произведений мастера подтвердили правильность атрибуции. Сравнительный анализ монограммы, обнаруженной на тыльной стороне портрета в процессе раздублирования, с авторскими подписями и монограммами на известных картинах художника из собраний Эрмитажа и Русского музея позволили атрибутировать портрет, как подлинное произведение К. Л. Христинека. Подбор библиографических и иконографических материалов дает основания для предположения, что на портрете изображен банкир графов Орловых, а в последствии Екатерины II — Иван Юрьевич Фредерикс (1723—1779 гг.).

Картина «Интерьер католического собора» неизвестного голландского художника проходила комплексное исследование и реставрацию в мастерской с 1982 по 1984 гг. (реставратор — студент С. Серышев, оптико-физические исследования — В. А. Давыдов, атрибуция — А. Б. Алешин). Технично-технологическое исследование структуры произведения, анализы лаковых покрытий, системы паркетажа и слоев нанесенных в процессе предыдущих реставраций позволили отнести данное произведение к голландской школе живописи XVII в. Техника исполнения архитектурных деталей и стаффажа определила круг художников — вероятных авторов (Франс Франкен II, Петер Неффе, Вольфганг де Смет, Бараталамеус ван Бассен, Эсайс Ван де Вельде, Николас де Гейзелар). При проведении операции по утоньшению и выравниванию лаковых покрытий была выявлена плохочитаемая монограмма. Комбинация съемов в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах спектра, а также съемки с применением различных светофильтров дали возможность прочесть подпись: N GISELAER F. Было установлено, что подпись находится в авторском слое живописи и перекрыта поздними лаками. Графологический анализ монограмм и подписей художника на картинах из различных музеев (Эрмитаж, галереи Вены, Утрехта, Амстердама) за период с 1625 по 1650 гг. дает основание отнести произведение кисти Николаса де Гейзелара (1592?—1654 гг.) и определить время его создания тридцатыми годами XVII в. Разбор историко-библиографических и искусствоведческих материалов по проблемам голландской живописи XVII в. позволяет отнести данное произведение к переходному периоду развития голландского архитектурного пейзажа от архитектурных фантазий к реальности.

«Портрет неизвестного офицера» атрибутирован на основе выявленной в процессе раскрытия авторской подписи (студент —

реставратор С. Серышев, руководитель — А. Алешин). Проведенные историко-библиографические исследования и поиски в архивах дали возможность установить, что автором полотна является известный французский живописец первой половины XIX в. Себастьян Фрост (1790—1856 гг.) — ученик Ж. Б. Рено и выпускник Академии 1812 г. Портрет вероятнее всего был написан в 1834 г. в Пруссии во время остановки там художника, направляющегося в Россию. Как известно, в России Фрост некоторое время давал частные уроки рисования в Петербурге, а в 1836 г. стал членом Академии. Наиболее известным произведением художника в России можно считать «Портрет Петра I», который был гравирован Р. Ролле в Париже. Место нахождения оригинала неизвестно. Таким образом, хранящийся во Пскове «Портрет прусского офицера» можно считать единственным произведением Фроста, представленным в советских музеях.

Ю. Е. Линцбах

АТРИБУЦИЯ ИКОНЫ «ПРОРОКИ» ИЗ СОБРАНИЯ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ

В 1981 г. в мастерскую реставрации и техники живописи Института им. И. Е. Репина поступила икона из собрания Псковского музея, значащаяся по каталогу: «Пророки Зоровавель и Иоиль». Икона находилась под записями конца XIX в. По характерному геометрическому орнаменту на полях, по манере записи, а также по размерам щита иконы и особенностям крепления досок было сделано предположение, что памятник происходит из того же иконостаса, что и несколько ранее раскрытых в мастерской икон псковской школы конца XVI — начала XVII вв. Это — иконы «Благовещение», «Рождество Христово», «Сретение», «Преполовление», «Воскрешение Лазаря», «Преображение» и одна из пророческого чина иконостаса, по каталогу значащаяся: «Пророки Софоний и Нафан».

На всех этих иконах были многослойные темперные и масляные записи, в целом повторяющие композицию и рисунок автора. Сходство слоев записей на разных иконах позволило предположить, что каждое поновление охватывало весь иконостас. Характерно также, что на всех иконах авторская позолота фонов и полей почти полностью утрачена (вероятно соскоблена), так что, например, на иконе «Пророки Софоний и Нафан» авторской надписи на фоне не сохранилось.

С самого начала осмотра вновь поступившей иконы удивили некоторые иконографические несообразности. Во-первых, вызвало сомнение изображение царя Зоровавеля, который пророком не был, в пророческом чине иконостаса. Во-вторых, текст пророчества на свитке Зоровавеля принадлежит пророку Захарии, хотя и

имеет косвенное отношение к Зоровавелю (Ветхий Завет. Захария. 8. 13). В-третьих, показалось странным, что пророк Иоиль изображен в одеждах пустычника, хотя пророчество на его свитке действительно принадлежит пророку Иоилу (Ветхий Завет. Иоиль. 3. 18).

Возникло предположение, что здесь мы столкнулись или с намеренным исправлением, или с ошибкой поновителей.

Большие надежды возлагались на результаты физико-химических исследований. Но, к сожалению, рентгенографирование иконы показало только наличие записей, приблизительно совпадающих по рисунку с авторским изображением, наличие авторской графы, довольно хорошую сохранность авторского красочного слоя. Никаких следов надписи на фоне не выявлено, а толстый слой свинцовых белил на изображении свитков в слое записи полностью исключил возможность прочтения авторских текстов пророчеств.

Таким образом, прояснить ситуацию могло только полное раскрытие авторского изображения. Из-под двух слоев грубых, поздних записей, фрагментарных прописок, чинок левкаса, олифных наслоений открылась прекрасная икона, которая по своим стилистическим и живописным особенностям может быть отнесена к концу XVI — началу XVII вв. Предположение о том, что она происходит из иконостаса, что и перечисленные в начале иконы, подтверждается сходством их живописной манеры.

Как и ожидалось, авторская позолота на фоне почти полностью утрачена, так что от авторской надписи не осталось ничего, кроме двух небольших частиц киновари, а также графы, по которой можно судить лишь о высоте букв и месте расположения надписи. Кроме того, открылась графа, очерчивающая нимб «Зоровавеля», в то время, как «Иоиль» изображен без нимба.

Свитки же были поновлены дважды, причем тексты в обеих записях абсолютно совпадают по содержанию. Авторские тексты пророчеств на свитках — совсем иные. Установление принадлежности новооткрытых пророчеств должно определить, кто же все-таки изображен под именами «Зоровавель» и «Иоиль».

Текст пророчества на свитке «Зоровавеля» гласит: «Так говорит Господь. Радуйся зело дщи Сионова, проповедуй, дщи Иерусалимова. Се Царь твой грядет кроток». В Ветхом Завете среди пророчеств Захарии находим: «Ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на молодом осле...» (Ветхий Завет. Захария. 9. 9).

Дополнительное подтверждение того, что на иконе действительно изображен пророк Захария, мы находим в журнале «Изограф», выпускавшемся Синодальной типографией в Петербурге в 1882—1885 гг. В одном из выпусков этого журнала есть прорись иконы «Похвала Богородицы» и иконографическое ее описание.

Среди пророков, изображенных вокруг Богородицы есть и Захария. Описание гласит: «Захария — юноша, безбородый, с короткими волосами, в правой руке держит серп, в левой — хартию: «Радуйся зело дщи Сионова, проповедуй дщи Иерусалимова, яко царь твой грядет. Захарей. 9.». Изображение Захарии на прориси иконографически подобно изображению на исследуемой иконе. Текст пророчества на свитке «Иоиль» гласит: «Воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от Израиля». В Ветхом Завете в 4-й книге Моисея «Числа» мы находим: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых». Это пророчество принадлежит волхву Валааму. Становится понятным и отсутствие нимба, и одежды пустычника у Валаама находят себе объяснение.

В том же описании иконы «Похвала Богородицы» в журнале «Изограф» читаем о Валааме: «...изображен в пещере, в самом низу иконы; без нимба, с белой повязкой на голове, борода круглая, небольшая, в левой руке восьмиугольная звезда, в правом — хартия: «Воссияет звезда от Иакова и восстанет человек от Израиля и погубит князи Моавля и пленит вся сыны Сифовы. Израил сотвори крепостию. (4 Моис. 24)».

Итак, на новооткрытой иконе изображены пророк Захария и волхв Валаам. Остается только догадываться, какими мотивами руководствовались поновители прошлого века, переделывая их в Зоровавеля и Иоиль. Могли быть причины, связанные с меняющимися богословскими установками. Но вероятно также ошибка по невнимательности или недостатку знаний поновителей при уже утраченной к моменту поновления надписи на фоне.

Атрибуция этого памятника дает возможность определить его место в пророческом ряду иконостаса. Тот факт, что волхву Валааму принадлежит первое мессианское пророчество, а также то, что в иконе «Похвала Богородице» он изображен в самом низу, в пещере, свидетельствует о том, что его изображение должно быть наиболее удалено от центра пророческого ряда. А направление движения Захарии и Валаама влево на нашей иконе приводит к выводу, что икона помещалась в правом конце пророческого ряда.

Художественные достоинства этого памятника несомненны. Изысканность рисунка, сложность движения фигур, связанность их друг с другом, плотность и цельность композиции, живописная тонкость при ограниченной палитре восхищают зрителя.

Атрибуция в данном случае не только дает возможность памятнику занять свое место в сложной и точной композиции всего иконостаса, но и открывает пути для дальнейших более глубоких иконографических изысканий.

НОВЫЕ СФРАГИСТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ПСКОВЕ

Сфрагистическое собрание псковского происхождения в настоящее время превышает 700 экземпляров. Однако большинство печатей происходит из так называемого «архива» (комплекса, обнаруженного раскопками 1960—1962 гг. в Довмонтовом Городе). В силу специфики эта находка не отражает реального соотношения институтов власти в средневековом Пскове, а характеризует лишь деятельность одной канцелярии на сравнительно коротком отрезке времени (60-е годы XV — начала XVI вв.).

Значительно показательнее в этом отношении состав находок, обнаруженных в черте города вне «архива». В основном исследователи оперируют материалами, собранными в свод псковских печатей 1960 г. (В. Л. Янин). После публикации этого свода были изданы единичные находки (В. Д. Белецкий, С. В. Белецкий, И. К. Лабутина, О. К. Волочкова, Т. В. Сергина). Между тем, в фондах Псковского музея-заповедника и Эрмитажа хранится целый ряд сфрагистических памятников, еще не введенных в научный оборот. Несколько экземпляров были найдены при археологических раскопках. Подавляющее большинство печатей и пломб были обнаружены во время осмотров по берегам р. Великой, регулярно проводимых псковскими энтузиастами-коллекционерами (В. Кольцов, И. Федоров и др.).

В докладе рассматриваются неопубликованные печати и пломбы из фондов Псковского музея-заповедника и Эрмитажа.

М. В. Рождественская

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА О ПСКОВСКОМ КНЯЗЕ ВСЕВОЛОДЕ-ГАВРИИЛЕ

Речь идет о трансформации литературного образа псковского и новгородского князя Всеволода-Гавриила (ум. в 1138 г.), сложившегося на основе летописных и агиографических сочинений (Псковские летописи, Житие князя и Служба ему), в поэтическом сознании нового времени на примере стихотворения советского поэта Вс. Рождественского (1895—1977 гг.) «Сын Мстислава, княжич Мономаха...» (Всеволод Рождественский. Стихотворения (Библиотека поэта, большая серия). Л., 1985, с. 208). В настоящей работе восстанавливается литературная история стихотворения, написанного в 1922 г. и переработанного автором на протяжении десятилетий. Цель работы — проследить, как менялся в соответствии с этим поэтический образ князя. Автор работы не имеет в виду определить степень соответствия этого образа реальным историческим данным.

Впервые стихотворение под названием «Князь» появилось в

печати в 1923 г. в цикле из пяти стихотворений «Китеж» (Записки передвижного театра, 1923, № 56, с. 3). Образ легендарного затонувшего града Китежа в поэтическом сознании Вс. Рождественского в 1920-е гг. ассоциировался с образом всей России, охваченной пожаром недавних революционных лет. (Ср. в неопубликованном стихотворении 1918 г.: Ты в исступлении все та же (И пусть Интернационал) Тебе в пожарах и миражах (Стоглавый Китеж Показал)). Позже этот образ локализуется: «Китеж» — это «верфь, оставленная кораблем», «гранитный музей/сад», «гробница славы» и т. д., то есть Петербург в преломлении, характерном для постсимволистского литературного сознания начала XX в. «Китеж» у Рождественского как стихотворный цикл 1923 г. — это еще и стилизованная Русь во всей прелести ее неяркой природы и древних монастырей (в некоторых стихотворениях присутствуют псковские реалии).

Помещенный в подобный стилистический и образный контекст, облик князя Всеволода-Гавриила приобретает отчетливую агиографическую окраску. Совпадение имени автора и героя делает князя защитником и покровителем поэта и позволяет Вс. Рождественскому развернуть литературную аналогию: атрибут князя-воина — это меч, атрибут поэта — слово. (О многообразной символике понятия «меч» в феодальной Руси см., например; Д. С. Лихачев. Устные истоки художественной системы «Слова о полку Игореве» — Сб. исслед. и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М., Л., 1950). Таким образом «Князь» — стихотворение о роли «бедного как небо ремесла», т. е. поэтического слова в современной поэту действительности. Много позже, в 1966 г., Вс. Рождественский вспоминал о 1-й редакции «Князя» в связи с увиденным им иконописным изображением своего патрона. Как оказалось, надпись на мече Всеволода, приведенная по этому поводу в частном письме, не точна. Она переводится как «чести своей никому не отдам». Однако именно княжеский меч дал толчок стихотворению, как сообщает поэт в том же письме, и на этом главном образе строится весь текст. Во 2-й редакции «Князя» в конце 1930-х гг. (См. книгу лирики Вс. Рождественского «Окно в сад», 1939) тема меча и слова как оружия разрастается до темы воинской доблести, защиты родины и гибели за нее. Ассоциативный ряд, вызванный этими двумя понятиями, в стихотворении един.

Поэтическая характеристика князя Всеволода-Гавриила у Вс. Рождественского оказывается близкой летописной двухчастной княжеской похвале-некрологу, где обычно князь одновременно «святой» и «воин», причем «воинская» тема во 2-й редакции конца 1930-х гг. усилена. (Ср. летописные характеристики князей Всеволода, Мстислава и др. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях). В изображении Всеволода-Гавриила поэтом угадан особый, «псковский вариант представлений о благом князе», выделенный В. И. Охотниковой при исследовании «Повести о Довмонте»

(Л., 1985). Стихотворение Вс. Рождественского, как и летописная княжеская похвала, двухчастно. Параллель «князь-воин» и «князь-святой» в редакции 1922 г. сменяется в редакции 1939 г. параллелью «князь-воин» и «поэт (воин)», внимание автора переносится с князя на поэта, причем связующими звеньями этих двух частей служат имя «Всеволод» и ключевое понятие «меч».

Великая Отечественная война обострила внимание к древней русской истории, и Вс. Рождественский в 1943—1944 гг. снова обратился к своему давнему стихотворению, в котором так явственно звучала тема поэтического слова как главного оружия поэта (вариант 2-й ред.). Позже, в итоговом за 20 лет работы сборнике избранного 1956 г., Вс. Рождественский поместил 2-ю редакцию, но снял название и опустил последнюю строфу, как, по-видимому, слишком декларативную. Но и здесь «воинская» тема остается главной в характеристике князя. Так исторический факт, легенда и вымысел сплетаются воедино и, наложенные на поэтическое мироощущение первых послереволюционных лет, а затем конца 30-х и начала 40-х гг., создают образ, неожиданно перекликающийся со своей древнерусской литературной первоосновой.

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ

А. Р. Артемьев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА ПСКОВИЧЕЙ В XIII — НАЧАЛЕ XVI вв.

Высокий уровень развития военного дела в Псковской земле был предопределен ее непосредственным соседством с враждебными Ливонией (на протяжении 480 км) и Литвой (250 км). За период с 1233 по 1533 гг. Псковская земля не менее 44 раз подвергалась нападениям противника, ответив на них с 1262 по 1502 гг. более чем 40 походами.

В феодально-вечевой республике существовал определенный способ распределения воинской повинности среди населения — «разруб», впервые зафиксированный под 1341 г. Помимо «рубленных людей» были «охвочие», то есть идущие воевать по своей охоте (1463 г.), но всегда отдельно от первых (1341, 1406, 1408, 1463 и 1471 гг.). Существовало несколько разных по количеству мобилизованных вариантов «разруба» (1480, 1495, 1500 и 1501 гг.).

Псковское войско делилось на «доспешную рать», состоящую из воинов в доспехах и на конях, и «пешцов», вооруженных щитом, сулицей и луком. Полки делились на более мелкие подразделения — «стяги» (1480, 1498, 1501 гг.). Один-единственный раз в источнике названа численность войска во время похода 1343 г. — 5000 человек. Для средневековья — это огромная цифра.

В составе «рубленных» людей были представлены все социальные слои псковского общества: псковичи, пригорожане и население волостей, включая, по-видимому, и смердов.

Походы «охвочих людей», насчитывающих в своих рядах до 1500 человек (1471 г.), по нашему мнению, имеют ту же социальную и экономическую основу, что и походы новгородских ушкуйников на Волгу и Каму (В. Н. Вернадский). Псковское боярство, также как и новгородское, возглавляло и направляло это движение, выплескивая избыток «черных людей» под немецкие мечи. Возможность «легкой наживы» отвлекала городские низы Пскова и пригородов от социальной борьбы, смягчала внутренние противоречия феодально-вечевой республики.

При археологических исследованиях Пскова и его пригородов обнаружены все виды древнего оружия и защитных средств, большая часть которых относится к исследуемому периоду.

Наиболее многочисленную коллекцию составляют наконечники стрел. В Пскове их найдено около 200, причем 20% из них —

арбалетные. В Изборске количество последних достигает 40% (от 130 экземпляров). Наконечники арбалетных стрел встречены также в Вороначе, Велье, Котельно и Гдове, а стрелы от лука — в Вороначе, Кобыле и Красном.

Следующей по численности категорией предметов вооружения являются наконечники копий и сулиц. В Пскове их найдено свыше 50, столько же обнаружено в Изборске, по одному в Острове, Велье и Красном, причем, к XIII—XV вв. относятся только три типа: удлиненнотреугольные, рогатины и пики. Втоков от копий известно меньше, около 30 их встречено в Пскове, более 10 в Изборске, по одному — во Вреве и Красном.

В Пскове найдено свыше 70 топоров, из которых около 30 являются боевыми, несколько меньше последних обнаружено в Изборске и по одному экземпляру известно из Острова и Вышгорода.

Широко известны мечи-реликвии псковских князей Всеволода и Довмонта. Около десяти перекрестий и наверхий мечей и сабель происходит из раскопок Пскова. Наконечник ножен от меча и два перекрестия встречены в Изборске, еще два перекрестия — в Красном.

Уникальным по своей полноте и сохранности является целый доспех, найденный при раскопках Довмонта города в помещении бывшей канцелярии владычных наместников Пскова. Из различных частей города происходят свыше 20 пластинок от панцирных доспехов, а также обрывки и кольца нескольких кольчуг. Обрывок кольчуги, отдельные кольца и фрагменты кольчужно-панцирного доспеха обнаружены в Изборске.

Оборонительные сооружения Пскова и пригородов хорошо изучены исследователями (П. А. Раппопорт, В. В. Косточкин, В. Д. Белецкий, А. Н. Кирпичников). Не совсем ясна лишь периодизация и типология крепостного строительства в Земле. Новейшие исследования позволяют утверждать, что, вопреки мнению П. А. Раппопорта, до конца своего существования вечевая республика не имела крепостей регулярной и близкой к ней планировки, а Москва против ожидания (Н. Н. Масленникова) не принимала участия в делах ее градостроительства. Более того с 80-х гг. XV в. политика экономических преобразований великокняжеской администрации в Пскове оказалась в противоречии с оборонными нуждами республики.

Т. Н. Джаксон, Т. В. Рождественская

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СЕМАНТИКЕ ТОПОНИМА ИЗБОРСК

Изборск — один из десяти древнейших русских городов, относимых летописью к IX в. Под 862 г. в легенде о призвании трех варяжских братьев сообщается, что один из них, Трувор, «сбде...

Изборсть». Последующие упоминания Изборска относятся к значительно более позднему времени: 1241, 1303, 1330 и т. д.

Изборское (Труворово) городище расположено на высоком мысу при впадении небольшой речки Смолки в Городищенское озеро. Через последнее р. Сходницу, Мальское оз. и р. Бдеху Изборск связан с Чурским оз. В Городищенское оз. впадает ручей, образованный из 30 ключей, называемых Словенскими. «Книга Большому Чертежу» (1627 г.) определяет местоположение Изборска «на Словенских ключах». Именно с микропонимией Изборска, надо думать, связана зафиксированная в поздних источниках патронимическая легенда о вторичности имени «Изборск» по отношению к имени «Славенск», равно как и указание Псковской 3-ей летописи (XVII в.), что Трувор сел «в Словенскъ».

Существующие в историографии варианты толкования топонима «Изборск» можно объединить в три большие группы: скандинавскую, финско-скандинавскую и славянскую.

Ряд исследователей, сторонников норманнской теории происхождения Древнерусского государства, начиная еще с Г. Ф. Миллера (первая половина XVIII в.), настаивал на скандинавском характере этого имени. Мнение, возводящее «Изборск» к Isaborg («город на Исе») не было, однако, достаточно убедительно аргументировано, ибо его основанием всякий раз являлась общая методологическая установка того или иного автора, будь то А. Л. Шлецер (1809), П. А. Мунк (1874) или П. Юхансен (1930). Наиболее яркий образец такой позиции содержится в работе новейшего западногерманского историка Г. Шрамма (1982), делающего топонимические выкладки лишь на базе своей концепции о существовании на Руси скандинавских «опорных пунктов».

Подобная трактовка встретила отпор еще со стороны М. В. Ломоносова (1749), Н. М. Карамзина (1816), П. Буткова (1840) на том основании, что река Иса, приток реки Великой достаточно удалена от Изборска.

В существующих на сегодняшний день археологических материалах Изборска не находят подтверждения ни проникновения сюда скандинавов, ни пребывания здесь одного из легендарных братьев Рюрика (В. В. Седов, 1986). Весьма показательным оказывается также отсутствие фиксации этого имени в древнескандинавской письменности, сохранившей названия по меньшей мере семи из десяти древнейших русских городов. И наконец, зафиксированное в русских источниках написание «Изборськъ» (только через -з- и без -ъ- после него) указывает на невозможность отождествления форманта Из- с названием реки Исы (Иссы).

Финско-скандинавская теория впервые сформулирована Ю. Трусманом (1894), который подвел свое «доказательство» к априорному утверждению, что «Изборск» — «чудского происхождения», как и прочие «древнейшие названия местностей во Псковско-Печерском крае», и увидел в корне «Иса» эстонское

isa — «отец», что за ним повторили В. С. Иконников (1908), Н. Ф. Окулич-Казарин (1913) и Б. Б. Кафенгауз (1969). Во второй части композита Трусман, однако, усмотрел слово «готского или шведского происхождения» и произвел тем самым финско-скандинавский гибрид со значением «замок при Изе». Д. А. Мачинский (1986), исходя из гипотезы А. И. Попова о наименовании р. Великой из финского «Иса» (что значит «великий, высокий, длинный», тоже встал в ряд сторонников финско-скандинавского происхождения топонима «Изборск», поместив свой «град на Исе», или «Велиград», «Вышеград» на р. Великой. В приводимой исследователем лингвистической аргументации допущена неточность, ибо форма местного падежа «Изборце» может быть образована и от «Изборк», и от «Изборск»; в то же время топонимы Isburg и Useborg на картах Московии конца XVI — начала XVII вв. являются не отражением древнего названия, как подразумевает автор, а лишь транскрипцией местного звучания, сопровождаемой характерным для топонимии народно-этимологическим переосмыслением.

Существует также несколько толкований «Изборска» на славянской основе. Р. А. Агеевой выделены критерии определения славянского названия, а именно: массовая повторяемость топонима, особенно в древних восточнославянских областях, равномерная его рассеянность и наличие параллелей в западно- и южнославянских языках. Действительно, множественность «Изборсков» и отсутствие четкого ареала их распространения (в районе Пскова, недалеко от Минска, на Полотчине и др.), рано как и существование общеславянских корней *big* (*bog*) *ber*, глагола *jizbirati*, суффикса — *bskь* убеждают в правомерности такой трактовки.

Исследователи, считающие «Изборск» славянским, сходятся в том, что он образован при помощи суффикса — *ьскь*, наиболее продуктивного для восточнославянской территории с выходом на северо-запад (С. Роспанд, 1974), доминировавшего в названиях городов в самый ранний период (В. А. Никонов, 1965), участвовавшего преимущественно в образовании отгидронимических и отапеллятивных топонимов (В. В. Седов, 1970). Анализ материала показывает также, что суффикс — *ьскь* в топонимии семантизируется как показатель укрепленного места (С. Роспанд, 1974).

Некоторые исследователи возводят «Изборск» к имени собственному «Изборск» (И. Миккола, 1921; С. Роспанд, 1972, В. В. Седов, 1982). В. П. Нерознак приводит этот вариант как один из двух возможных, но справедливо подчеркивает при этом, что в восточнославянском антропонимиконе это имя не встречается. Кроме того, следует отметить, что при топонимизации личные имена предпочитали possessивные суффиксы — *жь*, — *ипь*, — *овь* и т. д., но не — *ьскь*.

В. П. Нерознак полагает также, что имя «Изборск» можно непосредственно связать с древнерусским «изборъ» в значении «вы-

бор». В краеведческой литературе это толкование встречается нередко, только «изборъ» объясняется авторами как «сбор» (отсюда «Изборск» — «место сбора русской рати»). Субстантив «избор» (= «выбор») от глагола *jьbirati* фиксируется всеми словарями славянских языков. Древнерусские тексты дают параллельную форму «выбор». Словарь русских народных говоров приводит значение «сбор (ягод, трав)», картотека псковского областного словаря — «сбор меда в бору». Псковские материалы дают и еще одно значение: «ярмарка». В словаре Садник-Айтцетмюллера приводятся отглагольный субстантив от **birati* — древнерусское «Боръ», равно как и приставочные «изборъ» и «поборъ», в значении «налог, сбор, дань» (чему имеются летто-литовские параллели). Подчеркнем, однако, что ни в одном из приведенных значений «избор» не является географическим апеллятивом, а потому его топонимизация посредством суффикса — *ьскь* представляется проблематичной.

Наконец, последний славянский вариант топонима «Изборск» представлен лишь в краеведческой литературе, где отмечается, что, может быть, название города происходит от слова «бор» (= «лес»). Действительно, географической терминологией зафиксировано еще одно значение корня **bog* —, по-видимому, связанное не с **birati*, а с общевосточнославянским «лес». По данным В. М. Мокиенко, в западно- и восточнославянских диалектах лексема *bogъ* развивает значение «низкое, сырое место». Семантические сдвиги лексемы «бор» наблюдаются на всем славянском ареале. «Изборск» в таком осмыслении означает «укрепление, выросшее вне низкого и сырого места», что в целом соответствует топографии Изборской крепости. И все же такой вариант происхождения названия «Изборск» требует дальнейшего анализа с точки зрения исторического словообразования.

Таким образом, вопрос о возникновении топонима «Изборск» по-прежнему остается открытым. С уверенностью можно говорить только о его славянском происхождении.

В. В. Седов, Д. А. Петров

КАМЕННЫЕ ХРАМЫ В ГОРОДАХ, МОНАСТЫРЯХ И ПОГОСТАХ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Хорошо известны памятники архитектуры в самом Новгороде. Однако каменное строительство в Новгородской земле не оценивалось и не изучалось. Здесь предпринята попытка дать возможно более полную сводку по строительству каменных храмов XIV—XVI вв. в пределах Новгородской земли.

В домонгольское время в городах Новгородской земли каменное строительство велось в Ладого (5 храмов), Старой Руссе (1 храм) и в Торжке (храм Бориса и Глеба, по легендарным сведениям 1038 г.).

В XIV в. строительство ведется в Торжке, где сооружается Спасо-Преображенский собор 1364 г., формы собора аналогичны «большим храмам» Новгорода второй половины XIV в. (по гравюрам XVII—XVIII вв.). Сооружение собора было отмечено почти всеми русскими летописями. Под 1372 г. в числе каменных храмов упоминается ц. Климента в Торжке. Согласно Новгородской третьей летописи в этом городе в 1372 г. существовало три каменных церкви.

В Старой Руссе в XIV в. строится лишь один храм — Николы 1371 г. К XV в. относятся еще 5 храмов. Это — ц. Бориса и Глеба 1403 г., построенная новгородскими купцами-прасолами, ц. Георгия с бесстолпным приделом Благовещения 1410 г., и капитальная перестройка («реставрация») Спасо-Преображенского собора в Спасском монастыре архиепископом Евфимием II в 1442 г. К 1445 г. относится постройка ц. Дмитрия. Предполагаем, что ц. Мины на Торгу, ранее относимая в XIV в., была сооружена в середине XV в. (по архитектурным формам).

Летописью отмечены работы архиепископа Евфимия II по ремонту ц. Георгия в Ладого в 1445 г. К этому же времени относится собор Никольского монастыря в Ладого, построенный на основании стен собора XII в.

В Порхове известны три каменных храма: Никольский собор 1412 г., ц. Рождества Богородицы (по архитектурным формам может быть отнесена к первой половине — середине XV в.), а также ц. Спаса с приделом Олигитрии (упоминается в 1584—1585 гг.), перестроенная в XVII—XVIII вв. В соседних с Порховым Опоках известны два храма: ц. Николая, придел Егория и монастырская ц. Ильи, придел Благовещение (упомянуты в 1576, 1584—1585 гг.). В Вышгороде мы знаем о каменной ц. Михаила Архангела (упомянута в 1584—1585 гг.).

В Орешке существовала каменная ц. Спаса, позднее Иоанна Предтечи, известная по плану 1758 (упоминается каменная под 1568 г.). А. Н. Кирпичников относит храм к концу XV — началу XVI вв., считая его единовременным с «крепостными стенами московской поры». Характер плана позволяет нам предположить обычную четырехстоланую конструкцию, а не «бесстолпный храм с крещатым сводом». Вытянутый объем, крупная апсида церкви приближает ее к новгородским постройкам второй половины XV в. (ц. Симеона в Зверине Монастыре 1468 г. и Николы в Гостинополье около 1475 г.).

В Яме раскопками А. Н. Кирпичникова открыт храм Михаила Архангела, датированный второй половиной XIV в. (Г. М. Штендер). Предполагаем, что эта церковь могла быть сооружена одновременно со строительством крепости в Яме Евфимием II в 1448 г. Об этом свидетельствует характер плана. В Копорье известен храм Преображения, опубликованный А. Н. Кирпичниковым и датированный Г. М. Штендером первой половиной — серединой XVI в. Однако полное совпадение планов и фасадов этой

церкви в ц. Варлаама Хутынского 1495 г. в Пскове позволяет нам передвинуть дату этого сооружения ко времени около 1500 г.

Есть сведения о существовании каменного храма XV—XVI вв. в Юрьевском монастыре в Кореле (И. П. Шаскольский).

Возможно существование каменного храма во «владычном городке» Молвотицы. Во время длительного строительства укреплений Ивангорода были сооружены каменные храмы Успения и Николы с конструкцией, необычной для русской архитектуры. В Ржеве в первой трети XVI в. сооружен Спасо-Преображенский собор.

Рассматривая вопрос о строительстве каменных храмов в Новгородской земле нельзя не упомянуть о многочисленных монастырских церквях XV—XVI вв. В представляемом списке мы опустили монастыри ближайшей новгородской округи. К XIV в. относится ц. Рождества Богородицы в Коневском монастыре (1398 г., строительство Арсения Коневского). К XV в. относятся храмы в следующих монастырях: ц. Преображения 1407 г. в Спасском Верендском (строительство архиепископа Иоанна); ц. Троицы 1415 г. в Видогощенском Преображенском (то же); ц. Троицы, придел Николая, в Троицком Ксенофоновом (1418 г.); ц. Троицы 1419 г. (строительство князя Константина Дмитриевича); ц. Николая 1443 г. (строительство архиепископа Евфимия II) в Кречевском; ц. Николая (того же времени?) в Косинском; четыре храма в Отней пустыни: а) Трех Святителей 1452 г. (строительство архиепископа Евфимия II, вновь построена архиепископом Ионой в 1462 г.); б) ц. Иоанна Предтечи 1462 г.; в) ц. Онуфрия Великого 1462 г.; г) трапезная ц. Николая 1463 г. (все — строительство Ионы); две церкви Савво-Вишерского монастыря: а) Покрова; б) Саввы Вишерского (обе — 1464 г., строительство Ионы); две церкви в Перекомском монастыре: а) ц. Богоявления 1466 г. (строительство Ефрема Перекомского); б) ц. Николы, придел Ефрема (по описи 1581—1582 гг. — на новом месте); ц. Николая (по архитектурным формам — 60-е гг. XV в.) Папоротского; ц. Николая (около 1475 г., строительство архиепископа Феофила в Гостинопольском; ц. Николая (по архитектурным формам — вторая половина XV в.) Медведицкого; ц. Николы (упомянута в 1500 г.) Никольского монастыря Грузинского погоста; ц. Николы и трапезная ц. Покрова (XV—XVI вв.) в Островском монастыре.

К XVI в. относятся церкви в следующих монастырях: три храма в Тихвинском: а) Успенский собор 1507—1515 гг. (строительство Дмитрия Сыркова, мастер Фрязин); б) трапезная ц. Рождества 1581 г., в) надвратная ц. Вознесения 1591—1593 гг.; два храма в Александро-Свирском: а) Троицкий собор (XVI в.), б) трапезная ц. Покрова 1533—1536 гг. (мастер Игнатий); две церкви в Николаевском Беседном: а) ц. Николая, б) ц. Иоанна Предтечи (обе — после 1560 г.); собор Иоанна Богослова в Черемнецком (середина XVI в., псковские мастера — Е. Н. Глезер); две церкви Клопского монастыря: а) Троицкий собор 1562 г. (повтор-

ное строительство), б) трапезная ц. Николая того же времени; ц. Николы в Сторожевском (вторая половина XVI в. — Е. В. Кондрарьева); ц. Николы в Андрусовой пустыни (упомянута в 1582—1583 гг.); трапезная ц. в Николо-Медведитском монастыре (по архитектурным формам — середина XVI в.).

Известно существование каменных храмов в погостах Псковской земли, однако исследователи не обращались к аналогичному материалу по Новгородской земле, так как не сохранилось ни одного памятника. Единственным точно датированным храмом в новгородских погостах является ц. Прокопия в погосте Прокофьевском на Белой Бежецкой пятины, построенная архиепископом Евфимием II в 1442 г. С большим основанием ко времени самостоятельности Новгородской земли относится ц. Николы в Бурехах, упоминаемая как каменная в 1500 г. В Вотской пятине известна каменная ц. Антония Онтоновского на Волхове погоста (упомянута в 1582 и 1583 гг.). В Шелонской пятине — четыре храма: ц. Рождества Богородицы с приделом «на полатех» Дубровенского погоста (упоминается в 1576, 1584—1585 гг.), ц. Успения Богородицы, придел Пятницы Карачюницкого погоста (упоминается в 1576 г.), ц. Николы Передольского погоста (упомянута в 1581—1582 гг.) и упомянутая ц. Николы в Бурехах (упоминается в 1500, 1581—1582 гг.). В Деревской пятине — три храма: ц. Успения в с. Кунья гора на р. Хохуле Сытинского погоста (упоминается в 1581, 1582, 1620 гг.), ц. Троицы, придел Николы, в с. Сутоки Черенчетцкого погоста (упомянута в 1581—1582 гг.), ц. Николы в Полоновском погосте (упомянута в 1620 г.). В Обонежской пятине — два храма: ц. Андрея Первозванного, придел Покрова, в Ондреевском Грузинском погосте (упомянута в 1582—1583 гг.), ц. Рождества Рождественского на Паше погоста (упомянута в 1582—1583 гг.). Возможно существование каменной ц. Троицы (XV в. ?) в с. Троица на берегу оз. Ильмень.

Приведенные сведения позволяют оценить масштаб строительства за пределами Новгорода и его ближайшей округи. Всего выявлен 71 акт строительства, из них (считая точно датированные) в XIV в. — 5 (4 в города, 1 в монастыре), в XV в. — 30 (11 в города, 17 в монастырях, 2 в погостах), в XVI в. — 13 монастырских церквей и собор в Ржеве. 10 храмов в погостах суммарно датируются XV—XVI вв. Интересно сравнить количество каменных храмов в погостах Псковской земли (около 25) и Новгородской (12). Полученные данные позволяют говорить об отсутствии в XIV—XV вв. крупных строительных центров в Новгородской земле. Исключение, может быть, составляют Старая Русса (6 храмов в городе, 2 в окрестностях) и район верхней Шелони (8 храмов). В других областях каменные храмы сооружались, вероятнее всего, новгородскими артелями.

В. В. Седов

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР В РЖЕВЕ — ПАМЯТНИК НОВГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ XVI в.

В Ржеве до Великой Отечественной войны существовал Спасо-Преображенский собор. В 1943 г. он был до основания разрушен и, казалось, совершенно недоступен для изучения. В архиве Музея архитектуры им. А. В. Шусева автору удалось обнаружить план собора, выполненный в 1927 г. А. Л. Якобсоном (Арх. 212). В фототеке Музея сохранилось несколько фотографий собора (I—7216, V—39238), позволяющих оценить его архитектуру.

Собор был расположен на правом берегу Волги, называвшемся с начала XVI в. «князь Дмитровской» стороной. Если на левом берегу, на «князь Федоровской» стороне, располагалось укрепление Ржева, то «князь Дмитровская» не была укреплена. Храм стоял на некотором расстоянии от реки, рядом с позднейшими торговыми рядами. Впервые он упомянут как каменный в начале XVII в. в описи Федора Дурного, составленной по приказу патриарха Филарета. В это время памятник считался в Патриаршей Спасской слободе и «стоял пуск». В XVIII—XIX вв. собор подвергался значительным переделкам; придел и колокольня выстроены в 1755 г., сени у южных и северных двеней — в 1820 г., в 1872 г. стены собора поновлялись. В результате этих переделок собор получил классицистическую декорацию, к световому барабану были добавлены четыре глухих. В исследовательской литературе памятник упоминался лишь однажды (А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества. М., 1936, с. 156). Исследователь отнес его к примитивным, провинциальным новгородским памятникам.

Это был довольно большой (15×15 м) четырехстолпный одноглавый одноабсидный храм. Конструкцию составляли четыре массивных квадратных столба. Своды рукавов крестакоровые, угловые компартименты также перекрыты коробовыми сводами (восточные — с осью щелыги восток-запад, западные — север-юг). Последние в угловых компартиментах подтверждают первоначальное одноглавие собора. Между столбами перекинута очень узкая (около 1/3 толщины столба) повышенная подпружная арка. Выше располагался световой барабан. О хорах не имеем положительных данных, скорее всего, в этом памятнике их не было. Фасады храма разделены на три прясла довольно узкими лопатками, завершение (видимо позакомарное) утрачено. Восточный фасад определяет полукруглая мощная абсида. Старых декоративных мотивов на фасадах храма различить не удастся. План собора несколько неправилен, расположение столбов и абсиды сбито, что привело к неправильному сочленению сводов и разнице пролетов. Памятник, кажется, не имел подклета. Вся кладка его выполнена из кирпича.

Характеризуемый памятник действительно находит ближайшую аналогию в новгородских храмах. Кирпичная техника кладки и узкие повышенные подпружные арки указывают на первую половину XVI в. Узкие повышенные арки появляются в новгородской архитектуре с начала XVI в., возможно, под влиянием Пскова (К. К. Романов). Если ц. Прокопия на Ярославовом дворище (1529 г.) и ц. Климента (1520 г.) достаточно далеки от ржевского памятника (первая — трехабсидная, с западными круглыми столбами, вторая — с чертами, подражающими новгородской архитектуре XIV—XV вв.: трехлопастное покрытие, угловые палатки, пониженные подпружные арки), то такие храмы Новгорода как ц. Филиппа (1526 г.) и ц. Бориса и Глеба в Плотниках (1536 г.) обнаруживают сходство с ржевским собором не только в размерах, но и в общем характере форм, даже деталях. В этих храмах встречаем те же массивные квадратные столбы при одноабсидности плана, узкие повышенные подпружные арки, узкие лопатки, троечастноделящие фасады. Есть и некоторые отличия: в Ржевском соборе отсутствует подцерковье, в новгородских памятниках угловые компартименты перекрыты либо полукоробовыми сводами (ц. Прокопия, ц. Филиппа и др.), либо дополнительными световыми барабанами, образующими пятиглавие (ц. Бориса и Глеба) или трехглавие (ц. Успения в Колмове 1528 г.). Перекрытие в Спасском соборе этих помещений коробовыми сводами в сопоставлении с неправильностями разбивки плана позволяет говорить о провинциальных (но не «примитивных») чертах в исследуемом памятнике. Если новгородские храмы 10—30-х гг. XVI в. представляют типы, близкие к ржевскому собору, то более поздние храмы значительно меняют свои формы. К. К. Романовым было указано на участие новгородских мастеров в постройке церквей, аналогичных Спасскому собору в Ржеве (ц. Филиппа, ц. Бориса и Глеба). Эти памятники в завершении фасадов имели полуципочное покрытие, что позволяет предположить таковое в Ржеве. Эти храмы обладают некоторой компромиссностью: при новгородском плане использовались новые (московские или псковские) детали: повышенные подпружные арки, позакомарное (поципочное) покрытие, в некоторых случаях — трех- или пятиглавие. Теми же компромиссными чертами обладает и Ржевский собор. Это позволяет с уверенностью приписать его постройку новгородским мастерам и включить его, наряду с ц. Успения в Белозерске 1552—1553 гг. (исследование С. С. Подъяпольского), в круг памятников, характеризующих распространение новгородских форм в пределах Московского государства. Как видим, новгородское зодчество и после падения самостоятельности создает свои, характерные формы и даже переносит их за пределы Новгородской земли.

Несколько слов о датировке памятника. С 1503 по 1521 гг. «князь Дмитровская» сторона, на которой построен Спасо-Преображенский собор, принадлежала удельному ржевскому князю

Дмитрию Ивановичу. Возможно, что этим князем и был заложен каменный городской собор в его части города. После 1521 г. правобережная сторона Ржева перешла к Русскому государству. Высказанное предположение несколько подтверждается тем, что удельные князья начала XVI в. продолжают строить храмы в своих владениях (Трубчевский собор начала XVI в., собор в Рязани конца XV — начала XVI в. и др.). Новгородские формы Ржевского собора можно также объяснить «удельными» вкусами ржевского князя, не желавшего обращаться к московским артелям. Однако все это лишь предположения. Во всяком случае датировка собора не выходит за границы первой трети XVI в.

С. В. Тарасов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ДРЕВНЕГО ПОЛОЦКА (НОВЫЕ ДАННЫЕ)

Полоцк — древнейший город на территории Белоруссии, впервые упоминаемый в «Повести временных лет» под 862 г. В работах советских археологов А. Н. Лявданского, М. К. Каргера, П. А. Раппопорта, Г. В. Штыхова и др. уже сложилось определенное представление о древней планировочной структуре Полоцка, его топографии.

Новые материалы получены в результате археологических раскопок в Полоцке, которые проводились Институтом истории АН СССР совместно с Полоцким историко-археологическим заповедником, в 1986 г. Исследованиями были охвачены такие районы древнего города как Заполотье и Нижний замок, надпойменные террасы вдоль р. Полоты и Двины, район Волового оз., где по преданию находилось капище Перуна. Всего заложено 3 раскопа и 6 шурфов, общей площадью 340 кв. м.

Заполотье. Здесь находилось два раскопа (60 и 170 кв. м). Мощность слоя в первом раскопе составила от 0,8 до 1,0 м. Слой сильно перемешан, испорчен поздними перекопами и сохранился в нетронутом виде только в некоторых материковых ямах, где обнаружены материалы XI—XIII вв.

Намного интереснее оказался второй раскоп, целью которого было исследование остатков оборонительных сооружений, существование которых известно по письменным источникам XVI в. Это была траншея длиной 22 и шириной 4 м, которая в южной части на площадке за рвом имела расширение до 12 м. Мощность слоя на площадке составила до 1 м. Раскоп полностью прорезал ров, его глубина — 3 м, ширина 8 м. В заполнении прослежены следы конструкций из заостренных кольев диаметром 5—10 см, которые стояли с наклоном ко внешней стороне рва, и бревно длиной 2,45 м, заточенное на 6 граней, которое, очевидно, принадлежало стене заполотского «острога». Следы последнего обнаружены на внутренней площадке.

Отрог Заполотья представлял собой стену в виде двойного частокола: плотно вкопанные друг к другу заостренными концами кверху бревна. Расстояние между первым и вторым рядом около 2 м. О высоте внешнего ряда можно сказать только приблизительно, что она была около 1 м. О втором ряде более определено: 3-метровое бревно на метр вкапывалось в землю.

Время возведения укреплений предварительно можно отнести к рубежу XIII и XIV вв., так как они перекрывают материковые ямы с материалами XII—XIII вв., и в свою очередь перекрываются незначительным, сильно поврежденным слоем XV—XVI вв.

Заполотский посад был одним из крупнейших городских концов. По подсчетам Г. В. Штыхова он занимал площадь около 16 га. Есть основания полагать, что в XII—XIII вв. он был даже несколько больше и играл традиционную роль центра ремесла и торговли.

Нижний замок. Большой интерес представляют результаты раскопок 1986 г. на Нижнем замке в Полоцке. Территория его известна как место, на котором располагалась часть Великого посада. Последний перестал здесь существовать после 1563 г., когда по приказу Ивана Грозного отсюда было выселено посадское население и построена Стрелецкая крепость (Стрелецкая слобода), возведен «Вал Ивана Грозного».

Попытки исследовать данную территорию предпринимались неоднократно (Л. Д. Поболь, Г. В. Штыхов). Исследователи отмечали сильную нарушенность слоя поздними перекопами при мощности от 1 до 2 м, наличие материалов X—XI вв. В 1986 г. во дворе детских спортивных школ заложен небольшой раскоп (60 кв. м) и несколько шурфов (2×2 м). Мощность слоя в раскопе составила 1 м, в одном из шурфов — 2,5 м. Слой черный, рыхлый, однородный. Всюду в 0,2—0,4 м над материком зафиксирована глиняная прослойка мощностью от 10 до 40 см. Под этой прослойкой обнаружена лепная посуда VIII—IX вв. и раннекрюговая IX—X вв.

Как известно, лепная посуда, характерная для круглых курганов полоцких кривичей, в Полоцке до сих пор была встречена только в двух местах. Это — Полоцкое городище (площадь 0,7 га) и селище (0,3 га). Оба этих памятника располагаются на правом берегу р. Полоты напротив Нижнего замка, в то время как обнаруженное селище (площадь по предварительным подсчетам не менее 3 га) на левом берегу реки.

На основании недошедших до нас письменных источников, о которых имеется упоминание, картографических документов XVI—XX вв., и исходя из геологических и гидрографических особенностей местности в данном районе, можно предположить, что древнейшее Полоцкое городище и вновь открытое на Нижнем замке селище до середины XVI в. составляли единое целое. Весьма вероятно, что во время значительных фортификационных работ по укреплению полоцких замков, северная часть сильно вы-

тянутого мыса, на котором располагалось городище, было отрезано от территории Нижнего замка новым руслом Полоты. Одновременное существование старого и нового русла четко зафиксировано на шведском плане 1707 г., следы земляных работ прослеживаются на плане Полоцка 1918 г.

На основании вышеизложенного развитие топографической структуры Полоцка предположительно можно представить следующим образом:

1. В древнейшее время Полоцкое городище и территория современного Нижнего замка представляли собой единое целое. Полоцк возник как город с детинцем не островного, а мысового типа.

2. Площадь Полоцка IX—X вв. ограничивалась естественными природными условиями: р. Полотой с юго-востока, юга и юго-запада; ручьями и небольшими речками с востока и севера. Очевидно, древнейший посад Полоцка охватывал всю территорию современного Нижнего замка.

3. В конце X — начале XI вв. происходит резкое увеличение городской территории. Укрепленный детинец переносится на Верхний замок, где в середине XI в. возводится Софийский собор. В это же время возникают и многочисленные городские посады, в том числе и Заполотский.

4. В XII—XIII вв. город растет за счет увеличения территории посадов. Возникают посадские поселения на левобережье Зап. Двины: Экимань, Кривцов посад, Слобода, Островский. В это же время появляются монастыри: Спасский и Борисоглебский (возможно, чуть раньше Богородицкий монастырь и Иоанна Предтечи на Острове), которые помимо религиозной выполняли и определенные социальные функции.

5. Вплоть до середины XVI в. топографическая структура города не претерпевала значительных изменений по сравнению с периодом Киевской Руси. Изменения XVI в. были вызваны длительным периодом Русско-Ливонских войн и необходимостью фортификационного укрепления Полоцка.

П. Д. Малыгин

К ТОПОГРАФИИ ЮЖНОЙ ЧАСТИ НИЖНЕГО ГОРОДИЩА ТОРЖКА XI—XIV вв.

Один из важнейших разделов изучения древнерусских городов составляет топография их. Изучение топографии средневекового Торжка осложнено отсутствием до конца XVI в. полноценных письменных источников. В связи с этим, основным источником по изучению топографии Торжка, и в частности его кремля, являются результаты археологических раскопок.

В 1984—1985 гг. в южной, периферийной части Нижнего городища была вскрыта площадь около 464 кв. м. В состав раско-

на входила траншея площадью 84 кв. м, которой впервые была осуществлена полная прорезка правого берега р. Тверцы. Траншея и дала основные материалы для реконструкции топографии южной части Нижнего городища. Выявлено 9 основных этапов в застройке этого района на протяжении XI—XVIII вв. Причем, почти для всех этапов угадывается общий принцип застройки, связанный с тем, что у береговой линии р. Тверцы как раз против траншеи лежит большой камень-валун, служивший своеобразным причалом.

1-й этап соответствует возникновению в конце X—начале XI вв. поселения. Представлен двумя рядами тонкого частокола, который оформлял спуск к реке.

2-й этап (XI в.). Территория застраивается жилыми постройками. Первоначально было сооружено жилое здание с «двойными стенами». Представляется, что пространство между двумя срубами (шириной до 0,5 м) служило своеобразной галереей, которая носила скорее символический, чем практический характер. В более поздний период к западу от этого двойного сруба сооружено еще одно жилище, от которого сохранились остатки печи-каменки.

3-й этап (конец XI в.). Вдоль берега впервые сооружается мостовая шириной до 4 м, покоящаяся на мощной подушке из бревен. Спуск к реке оформлен настилом из жердей, двумя рядами мощных свай и остатками вымостки.

4-й этап (первая половина XII в.) представлен настилом мостовой шириной около 4 м, а также остатками сруба, оконтуривавшего яму для выброса железного шлака. Именно в этом срубе в 1985 г. найдена первая новоторжская грамота-азбука на бересте начала XII в.

5-й этап (рубеж XII и XIII вв.) связан с появлением первых оборонительных сооружений в данном районе и включением южной части Нижнего городища в состав Торжокских укреплений. Укрепления представлены срубом размерами 4,5×4,5 м. К нему примыкают остатки вымостки, ориентированной на камень-причал. Вымостка эта, видимо, соединяла мостовую с берегом реки через ворота в крепостной стене.

6-й этап (XIII в.). Оборонительные укрепления представлены остатками двух четырехстенных срубов шириной до 4,25 м, между которыми был сделан проход в стене шириной 1,25 м. Он соединял мостовую внутри крепости с берегом реки. На склоне берега вскрыты деревянные конструкции, служившие своеобразными контрфорсами, не позволявшими осыпаться берегу.

7-й этап (конец XIII—начало XIV вв.). Впервые нарушена связь мостовой улицы с берегом реки. Вместо срубных конструкций стен сооружен частокол. Его сооружение, видимо, временно и связано с периодом после какого-то разорения крепости, возможно, после 1315 г., когда тверской князь Михаил «кремник повеле разнести».

8-й этап (первая половина XIV в.). Мостовая улица вновь соединена с берегом реки, но теперь уже мощной вымосткой из плах и бревен. Вымостка проходит между двумя четырехстенными срубами крепостной стены толщиной 4,5 м и образует ворота шириной 3—3,25 м. Перед стенок к вымостке-спуску с обеих сторон примыкают еще две вымостки, которые, видимо, служили для разъезда перед воротами. Проезд в стене оформлен как ворота между двумя срубами, а не как ворота в срубе (башнеобразные ворота). Миниатюры и рисунки с изображениями Торжка позволяют говорить о существовании в Торжокской крепости как башнеобразных, так и простых ворот, над которыми располагались заборолы. Стены срубов, обращенные к реке, — это двойные стены. Прежде всего эта особенность касалась усиления стены. Одновременно эта конструкция могла использоваться и для воротной решетки, которая опускалась по пазам между двумя рядами бревенчатых стен. По крайней мере никаких конструкций, связанных с воротными полотнищами, не было обнаружено.

Слои второй половины XIV—XVII вв. на данном участке не сохранились, они сивелированы в XVIII в. при перепланировке города. В связи с этим, проверить выдвинутую мною на основании дореволюционных раскопок гипотезу о существовании каменных укреплений на Нижнем городище в XIV—XV вв. пока не удалось.

Материалы XVII—начала XVIII вв. фиксируют в данном районе уже глухую деревянную стену; несколько южнее вскрытого участка располагалась глухая «угольная башня, что к Борисоглебскому монастырю». Крепостная стена в это время по-прежнему состояла из срубов.

Последний 9-й этап застройки рассматриваемого участка падает на XVIII в., когда Торжокской крепости уже не существовало. На месте мостовых улиц пролегла набережная, к западу от нее был построен каменный дом, из подвала которого через колодец-отстойник к реке была проведена водоотводная труба.

Таким образом, на протяжении с XI по середину XIV вв. топография южной части Нижнего городища в целом была связана с существованием в данном районе пристани и спуска к реке, и за исключением одного периода (связанного с разорением крепости) фактически не менялась. Лишь в XVII в. (может быть в XVI—XVII вв.) общая структура топографии этого района кардинально изменяется, что связано с новыми фортификационными приемами и устройством пристаней в более удобных местах.

Я. Я. Граудонис

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУРАЙДСКОГО ЗАМКА

Руины Турайдского замка находятся в г. Сигулда на правом берегу р. Гауя. Это — Турайда, упомянутая в Ливонской хронике.

В XI—XIII вв. эта территория была густо заселена, выделялась хорошо развитой экономикой и имела большое стратегическое значение, поскольку здесь проходили важные дороги от устья Даугавы к северу и северо-востоку. Уже в XII в. развитие общественных отношений привело к зарождению раннефеодальной государственности. Ливонская хроника вождем Турайды называет Каупо, наряду с ним упоминает старейшин и лучших людей.

Когда во второй половине XII в. в Прибалтике началось нашествие католической церкви и немецких феодалов, из-за внутренних противоречий Каупо перешел на сторону завоевателей и способствовал быстрейшему покорению пригауйских земель. Уже в 1206 г. немцы считали Турайду покоренной, а в 1207 г. распределили окрестную территорию между орденом меченосцев и рижским епископом. Для укрепления своей власти в 1214 г. рижский епископ построил в Турайде небольшую крепость, которая позднее была расширена и неоднократно перестраивалась. Долгое время Турайдский замок был административным центром Рижского епископства.

Во время Ливонской войны государство епископа было ликвидировано, Турайдский замок становится принадлежностью местных помещиков. В связи с распространением огнестрельного оружия каменные замки-крепости потеряли военное значение, а помещики не хотели и не сумели содержать постройки обширного замка в должном порядке. Началось их разрушение и уже в начале XIX в. от когда-то мощного Турайдского замка остались только руины.

Учитывая историческую роль этого замка и его значение как памятника архитектуры, было принято решение об его реставрации. Для научного обоснования реставрации с 1976 г. ведутся археологические исследования территории замка. Своеобразие археологических раскопок заключается в том, что они ведутся одновременно с работами реставраторов-консерваторов.

Археологические раскопки были нацелены прежде всего на изучение оборонительной системы. Работа показала, что под отложениями XVIII—XX вв. нижняя часть оборонительной стены сохранилась на высоту до 3—5 м. Фундаменты ее были сооружены из крупных валунов в известковом растворе. Сама стена вокруг основной территории замка (толщина до 2,2 м) была построена из кирпича, а стена, защищавшая южный форбург (толщина 1,18 м) из валунов. При постройке фундаментов оборонительной стены каменщики применяли три различных приема: 1) если котлован вырывался до материка, то на нем клались крупные валуны и заливались известковым раствором; 2) если между дном котлована и коренной породой оставался слой глины, то сначала клались небольшие камни слоем до 50 см толщины и только над ним уже клались большие валуны на растворе; 3) если в котловане имелись грунтовые воды, на дне его клались дубовые бревна, на которых и устраивался фундамент. Правильность выбра-

ных приемов строительства подтверждает то, что фундаменты безупречны и сегодня.

Раскопками во дворе замка выявлены подвалы, остатки построек XIII—XVIII вв. — в южном форбурге обнаружена кузница XVI в., там же открыт своеобразный водосток, расчищены остатки печей XIV—XV вв., которые были приспособлены для обогрева помещений горячим воздухом. В северной части двора, судя по инвентаризационному акту 1590 г., исследованы постройки с подвалами — складские помещения, пивоварня епископа и другие помещения. Открыта мостовая шириной около 9 м, выложенная из небольших камней, из более крупных выстроен водосток.

Археологами исследованы также башня у северного входа и башня у главного входа. Последняя построена в XV в. уже с учетом применения огнестрельного оружия, а разрушена по всей вероятности шведами в XVII в. Начато также исследование северного форбурга, существование которого было установлено только археологическими работами.

Удачными с точки зрения реставрации памятника являются наблюдения археологов, которые дали возможность выяснить конструкцию как отдельных узлов строений, так и целых построек. Используя данные, полученные археологами, успешно проведена реставрация части оборонительной стены и некоторых других объектов.

Под отложениями XIV—XX вв. обнаружены строительные остатки деревянного замка ливов, в том числе срубы построек, оборонительный вал и следы древнейшей оборонительной системы городища.

Находки — орудия труда, оружие, предметы повседневного обихода, керамики, украшения, стройдетали, образцы стройматериалов, кости животных. Все это значительно пополняет базу источников не только по истории древней Турайды и Турайдского замка, но и по истории Латвийской ССР в целом.

М. В. Шорин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ КУЛЬТОВЫХ КАМНЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИХ ДАТИРОВКИ

Культовые камни — одна из наименее изученных категорий археологических памятников Северо-Запада. При историко-культурной интерпретации этих объектов крайне важно установление времени их изначального функционирования. Однако, определение хронологии и культурной принадлежности крайне затруднено ввиду некоторых особенностей культа камней (распространенность у многих народов, широкие хронологические рамки его бытования, определяющие в свою очередь многослойность структуры верований). Даже в том случае, если камни имеют знаки, датировка затруднена из-за крайне скудной информативности по-

следних. Раскопки пространства вокруг камней не дают достаточного материала из-за характера культа (минимум материальных остатков), отрыва культовых мест от поселений, а в случае, если археологический материал имеется, нет гарантии, что он относится ко времени начала функционирования объекта.

В такой ситуации естественно привлечение возможностей анализа ближайшего археологического окружения камней, позволяющего в случае выявления определенной категории памятников, топографически связанных с культовым объектом, говорить об их хронологической связи. В этом направлении в настоящее время сделано очень мало (К. Хофман — для культовых камней территории ГДР; К. М. Плоткин, А. А. Александров — о связи культовых камней Псковщины с культурой длинных курганов).

Многочисленно проведено картографирование археологических памятников из ближайшего окружения культовых камней, расположенных на территории Ильменского бассейна. Рассмотренные микро-регионы достаточно обширны, чтобы делать соответствующие выводы (75—150 кв. км). Культовые валуны имеют следы искусственной обработки (различной формы углубления, знаки), об использовании их в сакральных целях свидетельствуют этнографические данные.

Наряду с анализом археологического окружения исследуемых объектов прежде всего в тех микро-регионах, где археологические памятники могут быть не полностью известны, дополнительно использован метод археолого-ландшафтного анализа, под которым понимается не только наличие тех или иных памятников в округе, но и сам характер ландшафта. Последнее позволяет судить о возможности той или иной хозяйственной деятельности, а следовательно, об эпохах, когда эти ландшафты могли быть обитаемы.

Картографирование выявило различное время первоначального освоения исследуемых микро-регионов, широкое разнообразие археолого-ландшафтных ситуаций. С целью объективизации выводов возможно начало функционирования культового камня не связывается с датировкой ближайшего памятника, соседство с которым может оказаться случайным, а рассматривается микро-регион в целом.

Среди исследованных выделяются микро-регионы, освоение которых стало возможным в связи с повсеместным распространением трехполья в конце XIII—XIV вв. В этот период происходит освоение более тяжелых почв водоразделов, что привело к возникновению в конце XV в. широкой сети сельских поселений, зафиксированных писцовыми книгами. Этот процесс нашел археологическое выражение в массовом распространении жальников XIII—XV вв. или поселений, возникших в это время в тех районах, где жальники отсутствуют.

В связи с распространением исследуемого культа в более ранний период за возможное начало функционирования камня можно принять время первоначального заселения микро-региона.

Таким образом, даже в эпоху позднего средневековья на вновь освоенных территориях происходит воспроизводство культа камней.

Установить хронологию и изначальную связь исследуемых объектов с конкретными археологическими культурами более раннего периода на рассмотренных материалах не удалось (определенный тип памятников, постоянно сопутствующих культовым камням, не выделяется).

Достаточно обоснованные датировки, как и культурную принадлежность, можно будет установить лишь в процессе комплексного изучения культовых камней с привлечением возможностей не только археолого-ландшафтного анализа, но трасологии, археологических раскопок, радиоуглеродного анализа остатков ритуальных кострищ.

В. Жулкус

ЗЕМЛИ ЛИТОВСКОГО ПОМОРЬЯ В X—XII вв.

Исследуемый регион охватывает литовского побережья Балтийского моря от границы Латвийской ССР до р. Нямунас. Это территория южных куршей и скалвов.

Вопрос о границах между куршами, скалвами и жемайтами на археологических материалах впервые попытался решить А. Тау-тавичюс, который разграничил племена куршей и жемайтов, а памятники низовьев р. Нямунас отождествил с землей Ламата.

Картографирование памятников конца I—начала II тыс. н. э. на крупномасштабных картах, что позволило автору уточнить рубежи этих племен. Оказалось, что почти всюду между памятниками куршей, скалвов и жемайтов существуют межплеменные пространства шириной от 10 до 40 км. Причины существования этих необжитых земель прежде всего следует искать в особенностях географической среды.

На основе археологических материалов рубежа I и II тыс. н. э. удалось выделить территории отдельных земель, известных по письменным источникам XIII в. Южнокуршская земля Мегува простиралась вдоль моря на юг от низовьев р. Швентойи на 22—25 км. Восточная граница земли проходила по р. Акмяна-Дане на отдалении 12—15 км от моря. Площадь земли в X—XII вв. достигла 250 кв. км. Земля Пилсотас на севере почти смыкалась с Мегувой. На юг вдоль моря и Куршского залива она простиралась на 20 км, на восток от побережья отходила на 10—13 км. Площадь земли Пилсотас составляла 150—170 кв. км. Полоса лесов шириной около 10 км отделяла Пилсотас от Ламатской земли. Южным рубежом последней были окрестности р. Шиша и устье р. Нямунас. Восточная граница этой земли проходила в 25—27 км от Куршского залива, а западной границей служила р. Миния. Площадь земли составляли около 500 кв. км.

Большую часть территорий приморских земель занимали леса, болота и торфяники приморской литориновой равнины (Мегува и Пилсотас), болотистые низменности в долинах лимно- и флювиоглациальных дельт (Ламата). Поселения располагались на холмистых местностях, ближе к рекам, в зонах более плодородных почв. В X—XII вв. в землях Мегува и Пилсотас было 20—25 более крупных поселений, в Ламате — около 40. Наибольшая плотность населения отмечена в земле Пилсотас.

Социальная структура приморских земель (прежде всего Мегувы) раскрывается при помощи статистического анализа инвентаря захоронений в могильниках. С IX по XI вв. происходило заметное членение общества (число богатых и бедных погребений росло за счет погребений среднего достатка), одновременно уменьшалось число погребений с оружием (от 37—40% в VIII в. до 20% в XII в.), что указывает на обезоруживание свободных общинников. Начиная с X в. увеличивается количество погребений богатых воинов, зарождается дружина, расцвет которой приходится на XI в., а упадок — на XII в. Наличие погребений безоружных мужчин, чаще всего бедных инвентарем, свидетельствует о наличии в раннесредневековом обществе людей, не имевших права носить оружие, — рабов. Во второй половине X в. появляются захоронения купцов (с весами и гирьками). Оказалось, что часть их очень богатые, другие же лишены даже копья. Можно предположить, что среди немногочисленных купцов одни были свободными и могли заниматься свободной торговлей, другие же служили феодалу.

В торговом отношении приморские земли были тесно связаны со странами Балтики. Клады серебра, могильники с большим количеством бронзы в захоронениях, импортные изделия указывают на трассы важнейших торговых морских и сухопутных путей. Некоторые изменения в направлении этих путей произошли в XII в., после закрытия пролива из моря в Куршский залив у основания Куршской косы и открытия Клайпедского пролива. Важнейшие торговые центры часто становились административными и политическими центрами земель. Исследования могильника и поселения одного такого центра в Паланге показали широкие связи этого центра с западнославянскими землями. Среди них следует искать и зачатки раннефеодальных городов.

Во второй половине или конце XI в. в землях южных и северных куршей назрели условия для возникновения раннефеодального государства в форме конфедерации 5 земель. Еще в X в. началась экспансия куршей в земли жемайтов, отмечена активная межплеменная торговля, морские походы и грабежи куршей в Балтике. Расцвет южнокуршских земель приходится на XI в., а в XII в. уже отмечается спад, сопровождавшийся децентрализацией, — вместо 5 земель в середине XIII в. упоминается уже 9 земель. Усилившиеся соседи стали притеснять куршей, в конце XII в. начался натиск жемайтских племен. В Ламате на рубеже XII и

XIII вв. отмечаются черты прусской культуры. Исторические источники свидетельствуют, что в первой половине XIII в. южнокурские земли попали в зависимость от жемайтов.

И. Ч. Вашкявичюте

К ИССЛЕДОВАНИЮ КОНТАКТОВ ЗЕМГАЛЬСКИХ И КУРШСКИХ ПЛЕМЕН

В изучении этнической истории балтских племен особое место отводится исследованию межплеменных контактов. Западная граница земгалов в Литве достигает р. Вента. Могильник Павирвите является наиболее отдаленным на юго-запад земгальским могильником. В могильнике обнаружено 183 погребения, в том числе: 113 труположения X—XIII вв., 32 трупосожжения X—XIII вв. и 38 поздних (XVII—XVIII вв.) погребений.

Погребения по обряду труположения находились в долбленых гробах, в ямах с закругленными концами глубиной 40—50 см. Для взрослых устраивались ямы размерами 200×60 — 250×80 см, для детей — 150×60 — 120×50 см. Умершие лежали вытянутыми на спине со сложенными на груди руками. Преобладал обычай противоположной ориентации — мужчин хоронили головой на Ю-ЮВ, женщин — на С-СЗ. У головы мужчин лежали один-два наконечника копий, на бедренных костях — широкий боевой нож-меч, орудия труда (ножи, косы) — в области поясницы — ног, украшения (шейная гривна, фибула, браслет, перстни, бусина) — на том месте, где их обычно носили. Головы женщин украшали головные венки, на груди — пара булавок, на руках по браслету.

Труположения X—XII вв. по погребальному обряду и по инвентарю являются земгальскими, но часть вещевого материала из этих погребений явно не соответствует тому, что принято считать земгальским: ремни и их металлические части, боевые ножи с прямой спинкой в ножнах, многочисленные перстни и бусы, некоторые фибулы, косы, гребешки, удила.

Трупосожжения не образовывали отдельной территории, а были разбросаны среди труположений. Они разнообразны, их можно разделить на 4 группы: 1 — погребения в небольших круглых ямах (40—70 см в диаметре и 50—60 см глубиной, погр. 27, 58, 59, 72, 77, 78, 148), погребальный инвентарь сложен на дне, а наверху насыпи — сожженные косточки и пепелище; 2 — погребения в ямах, подобных тем, что устраивались для труположений, кальцинированные кости, уголь, зола и инвентарь сложен в дополнительной яме, которая находится в одном или другом конце ямы (погр. 46, 49, 63, 71, 80, 87, 97, 100, 101, 102); 3 — погребения в больших круглых ямах (в диаметре около 2 м), инвентарь и косточки концентрируются в одном месте и на одном уровне (погр. 3, 61, 65, 89); 4 — погребения, которые по своей величине не от-

личаются от третьей группы, но дно этих ям вымощено небольшими камушками, инвентарь отсутствует (погр. 126, 127).

Погребальный инвентарь 1—3 групп захоронений — идентичен и характерен для куршских могильников. Это двухлезвийные мечи, черешковые с шипами наконечники копий, широколезвийные топоры, фибулы, булавки, браслеты, ремни, перстни и т. д. Часть инвентаря побывала в огне. Трупосожжения датированы X—XIII вв.

Трупоположения оставлены земгалами, а трूपосожжения — куршами. Таким образом, в могильнике Павирвите в X—XIII вв. среди земгалов хоронили по своему обряду курши. Видимо, существовало смешанное население. Влияние куршской культуры проявляется и в инвентаре земгальских погребений.

Н. В. Флит

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ПСКОВСКОЙ ГУБ.)

Система образования является одним из показателей развития общества, отражением его экономического и социального уровня.

Исследование учебных реформ 1786 и 1804 гг. на северо-западе России, и в Псковской губ. в частности, дает представление об одной из сторон деятельности правительства в области просвещения в конце XVIII — начале XIX вв.

В это время в России впервые создается четкая система в деле народного образования. Заметно увеличилось число школ: с 6 училищ в период с 1786—1803 гг. (сюда не входит военно-сиротская школа и духовная семинария) до 18 в 1824 г. (сюда не входят 8 духовных училищ). Если число учеников в губернии в 1786 г. составило 63 человека, то в 1803 г., накануне новой реформы, уже 386 учеников. К 1824 г. в светских школах училось 582 ученика (в духовных училищах — 808).

Рост числа школ и учеников потребовал и увеличение количества учителей. Среднее число учителей в Псковской губ. в период с 1786 по 1803 гг. составило 12 человек. К 1824 г. в светских училищах их было уже 37, в духовных — 24 человека.

Финансирование школ в период с 1786 по 1804 гг. не носило упорядоченного характера. В период претворения в жизнь реформы 1804 г. оно принимает более четкий и регулярный характер и осуществляется в большей степени государством, хотя старые виды финансирования через городские думы, городские общества, а также посредством пожертвований отдельных лиц, оставались весьма существенными (в Пскове и губернии относительное упорядочение финансов в области просвещения происходит в период с 1808 по 1815 гг.).

Представляет определенный интерес сословный состав учащихся

ся. В своей массе, в уездных городах в период с 1786 по 1803 гг. это дети купцов и мещан. В период с 1804 по 1824 гг. социальный состав несколько меняется. Это характерно для Псковской гимназии, где 50% учеников были детьми офицеров, хотя доля купеческих и мещанских детей оставалась весьма значительной. Надо отметить, что среди учащихся приходских и уездных училищ мы встречаем все категории городского населения, включая и крестьян.

Духовенство в претворении в жизнь реформы 1786 и 1804 гг. прямого (организационного) участия практически не принимало. Но поставляя выпускников семинарий для обучения учительской специальности, оно имело влияние на учебный процесс. Этому способствовало и то, что во втором десятилетии XIX столетия начинает вводиться в школах новый предмет — Закон Божий.

Школьные реформы 1786 и 1804 гг. имели в Псковской губ. определенный успех. Увеличилось число городских школ, большим стало число учеников и учителей, улучшилось финансирование. Однако основная масса населения — крестьянство в сельской местности оставалась неграмотной, она была лишена возможности учиться, так как государство не отпускало для сельских школ денег на их учреждение, и дело обучения здесь было отдано на усмотрение помещиков, которые не желали давать своим крестьянам возможности стать грамотными, о чем свидетельствует практическое отсутствие школ в деревне.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ Н. Э.

В. В. Седов

ПЕРВАЯ ВОЛНА СЛАВЯНСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА

До славянского расселения в древних Новгородской и Псковской землях проживало сравнительно немногочисленное прибалтийско-финское население. Памятниками I тысячелетия до н. э. и первой половины I тысячелетия н. э. его являются городища и селища с текстильной керамикой. Значительный пласт гидронимов финно-угорского происхождения в этих землях свидетельствует о том, что древнее население не было вытеснено славянами. Какое-то время пришлое население жило на одной территории с финно-уграми, пока последние не были ассимилированы и вошли в состав древнерусской народности.

В освоении славянами северо-западных земель выделяется несколько этапов.

Наиболее ранние памятники, которые можно связывать со славянским этносом в Новгородской и Псковской землях являются длинные курганы — невысокие валообразные земляные насыпи, расположенные обычно в могильниках вместе с круглыми. Среди последних есть и синхронные длинным (они также были коллективными усыпальницами) и более поздние курганы древнерусского времени (IX—XII вв.). Умерших хоронили по обряду трупопожжения.

Все особенности погребального ритуала ранних длинных курганов имеют аналогии в похоронной обрядности основной массы славянства начала средневековой поры, известной по памятникам пражского типа. Длинные курганы раннего периода во всех деталях обрядности сопоставимы с курганами VI—VII вв. (тоже коллективными усыпальницами) славянского населения, Волыни, Прикарпатья и Повисленья. Различия наблюдаются лишь в форме погребальной насыпи. Существенно и то, что обрядность длинных курганов обнаруживает генетическую преемственность с последующими восточнославянскими погребальными древностями.

Вещевые находки в погребениях ранних длинных курганов единичны. К их числу принадлежат В-образные рифленые пряжки, которые по среднеевропейским аналогиям датируются не позднее V в. н. э. Бляшки-скорлупки по материалам эстских каменных могильников датируются от II до начала VI в. н. э. К V—VI вв. принадлежат и бронзовые пинцетки из длинных курганов,

которые имеют и более ранние аналогии в поздних памятниках провинциально-римских культур Средней Европы.

Таким образом, можно утверждать, что создателями культуры ранних длинных курганов стали славяне, расселившиеся в середине I тысячелетия н. э. в бассейнах озер Псковского и Ильменя среди прибалтийско-финского населения. Обычай сооружать длинные курганы зародился уже на Северо-Западе. Эволюция обрядности от грунтовых захоронений на погребальных площадках, окруженных ровиками, к погребениям в курганных насыпях прослеживается и на юго-западном побережье Псковского оз., и в бассейне Мсты, и на Чагодищи. Присутствие в культуре ранних длинных курганов отдельных прибалтийско-финских элементов оправдан. Это — результат взаимодействия славянского населения с местным.

Материалы словаря псковских говоров (С. М. Глушкина) и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот (А. А. Зализняк) свидетельствуют, что древненовгородский диалект (из которого позднее выделился псковский) не был результатом дифференциации восточнославянского языка, а образовался ранее последнего непосредственно из праславянского. В частности, древненовгородский диалект не знал второй палатализации — фонетического процесса, происходившего в праславянский период. Точное время второй палатализации определить затруднительно, но несомненно, что хронология этого процесса взаимосвязана с периодом проникновения в праславянский язык лексики из восточногерманских языков, которое имело место в первой половине I тысячелетия н. э.

Говоры населения, оставившего культуру ранних длинных курганов, и составляли древненовгородский диалект. Ареал ранних длинных курганов охватывает на западе бассейн Псковского озера с р. Великой и простирается в восточном направлении через бассейны Ловати и Мсты до Мологи и Чагодищи и территориально соответствует древненовгородскому диалекту.

Вопрос о том, какими путями и откуда расселились славяне в Новгородской и Псковской землях, пока не может быть решен на археологических материалах. Можно только утверждать, что обширные пространства Верхнего Поднепровья и Подвинья вплоть до VII—VIII вв. были заселены племенами днепровских балтов. Следовательно, славяне в бассейнах Ильменя и Псковского озера какое-то время были оторваны от остального славянского мира. На основе данных топонимии Ю. Удольф попытался показать один из возможных путей миграции славян в Новгородско-Псковскую землю из бассейна Вислы через Понеманье и Полоцкое Подвинье.

К этнической истории славян Приильменя прямое отношение имеет также культура сопок. Отличие последней от культуры ранних длинных курганов, проявляемое в топографии поселений и керамических материалах, дает основание утверждать, что куль-

тура сопки оставлена другой, второй волной славянского освоения Северо-Запада. Если культуры других курганов можно связывать с кривичами, то население, погребальными памятниками которых были сопки, со всей определенностью можно считать словенами «седоша около Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ».

Эта вторая волна славянского расселения на Северо-Западе и привела к членению древненовгородского диалекта на собственно новгородский (ареал сопки с подосновой культуры ранних длинных курганов) и псковский (регион культуры ранних длинных курганов, не затронутый второй волной миграции славян).

К. М. Плоткин

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. В НИЗОВЬЯХ р. ВЕЛИКОЙ

Топонимические исследования выявили в Псковском регионе наличие местных названий прибалтийско-финского и балтского происхождения (Ю. Г. Трусман, Р. А. Агеева).

Двойственный характер дославянской гидронимии указывает на некоторые особенности заселения края. До появления славян здесь, по общему мнению всех исследователей, обитало редкое немногочисленное население прибалтийско-финского происхождения, которое Х. А. Моора назвал «собственно чудью». По мнению С. К. Лаул, эти племена были близкородственными предкам южной воды. Сравнительно широкое распространение балтской гидронимии, вероятно, объясняется особенностями славянского продвижения, в ходе которого вместе со славянами в этот регион проникали отдельные группы населения балтского происхождения (В. В. Седов, М. Х. Шмидехельм).

Со славянской колонизацией связан мощный пласт сравнительно ранних славянских гидронимов (Р. А. Агеева). Исследования лексики псковских говоров также намечает однородную и весьма архаичную группировку, охватывающую регион Псков — Изборск — Гдов — Опочка (А. С. Герд). Известны также ранние славянские заимствования в вырусском диалекте эстонского языка.

Основные черты этнической истории региона ясны, но этническая принадлежность конкретных памятников и хронология этнических процессов остается дискуссионной.

К дославянскому периоду в бассейне нижнего течения р. Великой относятся древнейшие следы обитания на северной оконечности мыса Псковского городища, датируемые концом I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э. Они представлены находками фрагментов сетчатой керамики, доживающей в Прибалтике до середины I тыс. н. э., фрагментов сильнопрофилированных сосудов с насечками и зашипами по венчику, получивших распространение на дьяковских городищах в начале I тыс. н. э., единич-

ными украшениями. Встречены также каменные орудия, характерные для древностей Прибалтики эпохи раннего металла (II в. до н. э. — I в. н. э.). Непотревоженный слой этого времени не сохранился.

К VI—VII вв. относятся могильники с длинными курганами и слой Псковского городища, содержащий остатки построек с углубленными полами. Второй половиной I тыс. н. э. датируются также городища-убежища и культовые городища (Блонты, Карныхново, Кухва-Михайловский), малоизученные селища с лепной керамикой, культовые камни-следовики.

Проблема этнической принадлежности культуры длинных курганов дискутируется в науке со времен А. А. Спицына. Одни исследователи считают их памятниками кривичей, другие приписывают их сооружение дославянскому населению. Существенно, что потомки населения, оставившего в окрестностях Пскова длинные курганы, продолжали жить здесь и в последующую эпоху. Они представляли собой ту этническую основу, на которую накладывались все последующие волны пришельцев.

В VIII—IX вв. в округе Пскова наблюдается увеличение численности населения за счет появления крупных поселений (слой Псковского городища, содержащий остатки наземных построек с очагами или глинобитными печами, городище Камно). По соседству формируется крупный племенной центр в Изборске. Хозяйственный уклад обитателей псковских городищ поднимается на более высокий уровень: переложная система земледелия, специализированные производства ремесленного характера. Социально-экономические сдвиги связаны с усложнением всего культурного комплекса, изменениями в погребальном обряде. Они сопровождалась и, возможно, обуславливались появлением новых групп населения извне. Новые черты в домостроительстве, керамике и типах украшений находят параллели в более южных областях, что позволяет предположить инфильтрацию населения через земли полочан и смоленских кривичей. Распространение сопковидных курганов, среди которых есть собственно сопки, указывает на приток населения из ареала культуры новгородских сопки. Эта волна колонизации позволяет считать, что в VIII—IX вв. славяне составляли основной этнический массив населения Пскова и его округа.

Процесс градообразования, охвативший в конце I тыс. н. э. весь Балтийский регион, также сопровождался определенными изменениями в этническом составе населения. Включение Пскова в сферу древнерусской государственности и превращение его с рубежа IX—X вв. в поселение раннегородского характера способствовали усложнению этнического состава его населения. Находки скандинавских украшений в культурном слое и погребениях разрушенного курганного некрополя указывают на присутствие некоторого количества варягов. В керамическом комплексе X—XI вв. выделены типы гончарной керамики с богатой орнамента-

цией западнославянского происхождения, что позволило В. Д. Белецкому сделать вывод о появлении в Пскове групп западнославянского населения. В округе города помимо курганных могильников с малыми полусферическими курганами известны отдельные погребения и, возможно, целые грунтовые могильники латгалов. По сведениям XIV в. известно, что псковичи брали дань с латгальской области Талава, а в состав псковских владений входила р. Опочна, протекавшая «в Латыголе».

Лишь в XI в. происходит нивелировка культурных традиций различного происхождения на основе сложившихся форм городской культуры Древней Руси.

А. М. Микляев

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ НА ЮГЕ ПСКОВСКОЙ ОБЛ.

В сводке В. В. Седова 1974 г. был учтен максимум данных об этом типе погребальных памятников на конец 60-х годов. В последующий период банк данных о культуре данных курганов количественно возрос и качественно изменился. Во-первых, была установлена связь этих памятников с определенным типом ландшафта — составными борами на песчаных почвах озерно-ледниковых равнин и других водно-ледниковых образований. Во-вторых, В. И. Михайлов выявил устойчивую повторяемость форм и обрамлений насыпей в Бежаницком р-не (материалы не опубликованы). Дальнейшие наблюдения приводят к мысли, что особенности, подмеченные им, свойственны не только Бежаницкому р-ну и носят не локальный, а временной характер. В-третьих, было показано, что непосредственными предшественниками людям, соорудившим могильники с длинными курганами, были носители днепро-двинской культуры и культуры штрихованной керамики, основой хозяйства которых было скотоводство и (в меньшей степени) земледелие. В-четвертых, были обнаружены селища и городища культуры длинных курганов и даже металлургическая мастерская.

Первое селище культуры длинных курганов на юге Псковщины найдено А. М. Микляевым еще в 1962 г. близ д. Шершни в Усвятском р-не. До сих пор оно не исследовано. В 1967 г. И. А. Воцилло и Р. С. Минасян описали серию могильников и синхронных им селищ на юго-западном берегу оз. Сенница. В 70-х годах Е. Н. Носов открыл селища культуры длинных курганов в Новгородской обл. Чуть позже М. А. Миролюбов обнаружил селища в р-не Борисоглеба на Ловати. В 1979 г. А. М. Микляев выявил слой с железными шлаками и керамикой культуры длинных курганов в торфянике близ д. Дубокрай на западном берегу оз. Сенница, а В. И. Михайлов нашел селище с насыпанным на нем курганом близ д. Бардово в Бежаницком р-не. В 1983 г. отряд ЛГУ

обнаружил еще одно селище в пойме северного побережья оз. Сенница. Накопленный материал показывает, что селища культуры длинных курганов расположены в поймах рек и озер или на прилегающих к ним сниженных участках местности, не используемых в наши дни.

Первое городище с керамикой культуры длинных курганов В. И. Михайлов выявил близ д. Рожново в Невельском р-не. В 1982 г. Ю. М. Лесман начал исследования памятника, но они не были продолжены. В том же году А. М. Микляев выявил два селища, примыкающих к городищу с севера и юга. В 1986 г. Б. С. Короткевич и В. И. Михайлов нашли в Невельском р-не еще четыре городища, одно из которых также сопровождается селищем.

В 1986 г. В. В. Коноваленко и А. М. Микляев подводными разведками обнаружили в оз. Сенница на глубине около 1,5 м остатки металлургической мастерской (близ хут. Мосты). Эти — скопление бревен и плах, уложенных поверх торфа. На скоплении находятся груды обожженных камней с массивными кусками шлака — остатки домниц. Все сооружение имеет форму овала до 14 м в диаметре. Найдено несколько обломков от сосудов культуры длинных курганов.

Сейчас уже нет сомнений в правоте палеогеографов (прежде всего — А. В. Шнитникова), утверждавших, что на всем протяжении I тыс. н.э. уровень воды был все еще значительно ниже современного. Носители культуры длинных курганов и предшествующих ей культур раннего железного века имели возможность использовать участки местности, ныне непригодные для жилья и хозяйственной деятельности. В ту пору многие озера не существовали и на их месте были торфяники. Другие озера имели значительно меньшую площадь и в их поймах можно было пасти скот, вести заготовку кормов на зиму и даже устраивать пашни на богатых почвах бывших донных отложений. Кроме того, множество современных болот в I тыс. н.э. было торфяниками, за счет которых также увеличивалась производственная территория. Низкий уровень наземных и грунтовых вод позволял устраивать поселения там, где сейчас жить невозможно. Для могильников явно отводились непригодные для хозяйственного использования боровые песчаные почвы.

Культура длинных курганов — сложное и протяженное во времени явление, внутренняя хронология которого пока недостаточно открыта. Мы не в состоянии еще выявить происхождение этой культуры, неизвестна ее судьба. Возможно, культура длинных курганов генетически связана с предшествующими культурами раннего железного века, ареал которых она наследует, и недостающее звено пока скрыто от нас водами озер и торфяной толщей. Носители днепро-двинской культуры уже в начале I тыс. н.э. имели специализированные мастерские по добыче и обработке железа и производству керамики (Черная гора), что свидетельствует об отделении ремесла от прочих занятий. Обнаруженная железо-

делательная мастерская культуры длинных курганов говорит о том, что этот процесс зашел еще дальше. Наличие возле городищ синхронных им селищ позволяет рассматривать эти памятники как своего рода города с посадами, а городища без селищ — как своего рода замки. Можно думать, что население, оставившее нередко огромные по площади и количеству насыпей могильники, городища с посадами и без них, мастерскую по добыче железа, уже вступило на феодальный путь развития, имея основой хозяйства скотоводство и земледелие, скорее всего не подсечное.

Какому же народу принадлежит культура длинных курганов. Очевидно, кривичам, как показал В. В. Седов. Балтская топонимия в ареале этой культуры позволяет видеть в кривичах восточных балтов, ассимилированных славянами уже в составе древнерусского полиэтнического государства.

Н. В. Лопатин

ПАРАЛЛЕЛИ В КЕРАМИКЕ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ И ДРЕВНОСТЕЙ ТИПА ТУШЕМЛИ — БАНЦЕРОВЩИНЫ

Давно замечено (А. Н. Лявданский, Я. В. Станкевич), что керамика из некоторых длинных и круглых курганов верхних течений Западной Двины и Ловати находит аналогии на городищах и селищах типа Тушемли — Банцеровщины. В литературе предложено несколько вариантов объяснения этого факта. 1) Курганы севера Белоруссии являются погребальными памятниками северо-западной части древностей типа Тушемли — Банцеровщины (Г. В. Штыхов, Л. Д. Поболь, И. П. Русанова, А. Г. Митрофанов, В. Б. Перхавко). 2) Некоторые параллели в керамике двух культур обусловлены их контактами (В. В. Седов, М. Э. Аун). 3) Керамика ранних (псковско-новгородских) длинных курганов в целом сходна с керамикой типа Тушемли — Банцеровщины; не исключена генетическая связь двух культур (Р. С. Минасян, С. В. Белецкий, Г. Н. Пронин).

Изучение керамики псковских длинных курганов показывает, что ее основную группу составляют слабопрофилированные сосуды, которые можно сгруппировать в 4 вида, не имеющие между собой четких границ. 1) Сосуды, непрерывно сужающиеся от венчика до дна (Лезги, курган 3). 2) Сосуды близкой формы, стенки которых в верхней части почти вертикальны (Дорохи). 3) Сосуды со слегка намеченными шейкой и плечиками (Съезжее, Михайловское). 4) Сосуды со слегка суженной верхней частью (Атки). Кроме этого, в псковских длинных курганах известны сосуды, имеющие разные варианты ребра или уступа в верхней части (Северик, Совий Бор, Дорохи). Они не образуют больших серий и наверняка не едины по происхождению.

Четыре основных вида представлены во всех частях ареала псковских длинных курганов; неравномерная количественная

представленность не позволяет проследить локальные особенности керамического набора. Возможно, для северной части ареала характерна более приземистая керамика.

Данный набор форм сопоставлен с керамическими комплексами поселений и грунтовых могильников, объединяемых обычно в культуру типа Тушемли — Банцеровщины (Тушемля, Демидовка, Акатово, Узмень, Дедиловичи). На этих памятниках керамика редких форм из псковских длинных курганов (с ребром или уступом) не обнаружена. Полный набор остальных форм (1, 2, 3, 4) дают Узмень и Дедиловичи. На других памятниках керамика выделенных по псковским длинным курганам видов встречается в следующих сочетаниях: Тушемля — 2, 3; Демидовка — 2, 3, 4; Акатово — 1, 2, 3.

На памятниках типа Тушемли — Банцеровщины встречается и керамика, неизвестная в псковских длинных курганах. На Демидовке это многочисленные ребристые формы южного (колочинского) облика и формы с сильно суженной верхней частью. На Тушемле — горшки второй группы по П. Н. Третьякову, аналогии которым единичны. Акатово, Узмень и Дедиловичи дают серию посуды с довольно сильно профилированными венчиками, а Узмень и Дедиловичи — также серии фрагментов от сосудов с сильно суженной верхней частью.

Таким образом, установлено неполное соответствие керамических наборов культуры псковских длинных курганов и древностей типа Тушемли — Банцеровщины. Наиболее велики отличия от керамики псковских длинных курганов комплексов Демидовки и Тушемли. Более близки керамике псковских длинных курганов комплексы селища Дедиловичи, селища и могильника Узмень, сходные также между собой. К ним, возможно, примыкает керамика могильника Акатово, но для нее характерны и некоторые южные черты, сближающие ее с керамикой Демидовки.

В дальнейшем для сравнения керамики псковских длинных курганов и типа Тушемли — Банцеровщины необходимо исследовать керамику поселений культуры псковских длинных курганов, а также локальные различия керамики в пределах обеих культур. Проблему соотношения рассматриваемых культур можно решить только при их всестороннем изучении.

В. Я. Конечский

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ НАСЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В ПРИИЛЬМЕНЬЕ

Культура псковско-новгородских длинных курганов, характеризующаяся целым рядом присущих только ей признаков, представляет собой яркое явление в древней истории Северо-Запада. Основное содержание этнокультурного процесса здесь, и прежде всего в его историческом центре — Приильменье, сводится к взаимо-

действию упомянутой культуры с другой широко представленной здесь группировкой — культурой сопков. Это взаимодействие шло прежде всего по линии аккультурации и ассимиляции носителей культуры длинных курганов, а его конечный результат означал сложение единого древнерусского населения. Однако в Приильменья этот процесс обладал существенными региональными особенностями. Один из таких вариантов иллюстрируется материалами комплекса памятников (курганы с труположением и трупосожжением, жальничный могильник и селище) у д. Каменка в бассейне р. Мсты, оставленных группой населения, которая в течение нескольких веков развивалась в условиях относительной изоляции.

В типологически близкой и компактно расположенной группе насыпей с погребениями по обряду трупосожжения раскопано 7 курганов диаметром от 7—8 до 12 м при высоте 0,5—0,8 м. Погребения обнаружены в четырех: в двух — одиночные, в третьем — 2, еще в одном — 5 захоронений. Все представляли собой материковые ямки диаметром до 0,4 м и глубиной 0,2—0,3 м, заполненные кальцинированными костями. Находки — фрагменты лепной керамики баночной формы, ножи с прямой спинкой, наконечники стрел (ромбические и срезни), бронзовый спиральный перстень, В-образная пряжка.

В раскопанных древнерусских курганах (диаметром 6—9 м, высотой 0,8—1,3 м, без каменного венца в основании), содержащих погребения по обряду труположения головой на юго-запад в грунтовых ямах, имелись какие-то деревянные конструкции, впоследствии обрушившиеся. Среди находок: гончарная керамика, проволочные спиралеконечные височные кольца со следами разрушившихся бусин, подковообразная фибула, стеклянные и сердоликовые бусы, железные ножи, кресало, оселок. Курганы датируются концом XI — началом XII вв.

На жальнике исследовано 26 погребений с обкладками различных, чаще подпрямоугольных форм. Ориентация основной части погребенных — юго-юго-запад. Находки представлены широколезвийными ножами, грибовидными пуговицами, черной овальной бусиной с белым узором и венчиками-очельями из штампованных бляшек. Датировка погребений — вторая половина XII — первая половина XIII вв.

На селище вскрыта площадь 384 кв. м при мощности культурного слоя 0,05—0,3 м. Зафиксированы развалы печей-каменок, хозяйственные и столбовые ямы. Среди находок: бытовые предметы, в том числе ножи с прямой спинкой и трехслойные древнерусские, серп архаической формы и др. Украшения представлены бусами (глазчатыми и лимонками), грушевидным бубенчиком, фрагментом подковообразной фибулы. Керамика селища — фрагменты лепных и круговых сосудов. Лепным горшкам свойственная баночная форма, находки керамики ладожского типа практически отсутствуют.

Погребальные памятники у д. Каменка подразделяются на три культурно-хронологических пласта, отражающих этапы формирования единого в культурном отношении средневекового населения Новгородской земли. Непрерывность функционирования данного комплекса подтверждается материалами селища. Подобная линия развития погребального обряда, уникальная для Приильменья, имеет аналогии в местностях, где традиции культуры длинных курганов были наиболее устойчивы. Процесс самобытного развития погребальных памятников прерывается с появлением жальничной традиции, восходящей к культуре сопков и впоследствии становящейся господствующей в Новгородской земле.

В. Я. Конецкий

РАСКОПКИ СОПОК У д. ЗАРУЧЕВЬЕ В БАССЕЙНЕ р. МСТЫ

Подавляющее большинство раскопанных сопков сосредоточено в долинах Волхова, Ловати и других крупных рек Ильменского бассейна, т. е. в чисто сопочных районах. Однако к востоку от Ильменя, прежде всего в пределах Валдайской возвышенности, сопки нередко соседствуют с памятниками культуры длинных курганов, что не исключает возможности взаимодействия обеих культурных традиций. Исследование сопкообразных насыпей в таких «смешанных» ситуациях представляется особенно важным. В 1980—1981 гг. экспедицией Новгородского музея раскопано 2 сопки в комплексе памятников у д. Заручевье, неподалеку от истока р. Волмы, правого притока р. Мсты. Кроме 10 сопков высотой 3,5—8,5 м здесь отдельно располагались 3 уплощенные насыпи высотой 1,5—2 м и 8 курганов XI в.

Сопка 1 (высотой 8,5, диаметром 30 м) возведена в три приема на материковой подрезке высотой до 2,5 м. В основании насыпи прослежен зольный слой, развалы камней, 2 погребения в материковых ямках, одно из которых, содержащее кости лошади, — безинвентарное, а в другом найден обломок бронзовой спирали. В центре площадки зафиксировано основание тонкого столба, забутованное камнем. Первоначальное ядро насыпи имело высоту 3,5 м. На его вершине устроена каменная кладка. В слое подсыпки мощностью 1,2 м, отделенном гумусной прослойкой, зафиксированы 4 погребения, в одном из которых найден бронзовый пинцет, скопление птичьих костей и каменные кладки. Рядом с ними отмечены небольшие зольные пятна. С верхним слоем подсыпки (0,9 м) связано погребение с фрагментами керамики ладожского типа.

Сопка 2 (высотой 3,6 м, диаметром 17 м), насыпанная в один прием, располагалась на природном подрезке высотой до 1,5 м. В основании насыпи — зольный слой с отдельными камнями и 2 погребения. Одно из них находилось в материковой ямке, а дру-

гое в виде россыпи костей на поверхности основания сопки. В ямном погребении встречена железная цепь из восьмеркообразных звеньев с небольшим штырем на конце и бронзовые накладки от ларца со множеством мелких бронзовых гвоздиков. Третье безинвентарное погребение зафиксировано примерно на середине насыпи. Здесь же находилась и каменная кладка.

Проведенные раскопки показали типичность исследованных насыпей, прежде всего сопки I, на фоне известных памятников этого типа. Наиболее характерными деталями являются многоярусность насыпи, наличие каменных конструкций, незначительное количество погребений, находка несожженных птичьих костей, подобная тому, что широко известно из материалов классических раскопок Л. К. Ивановского на р. Ловать и др. Особый интерес представляет зафиксированное в сопке I основание топкого столба. Ранее подобная деталь в сопках не фиксировалась, за исключением одного случая в раскопках В. П. Петренко близ Старой Ладogi. Будучи вертикальной осью насыпи такой столб делал возможной точную привязку в горизонтальной плоскости различных каменных конструкций и погребений на разных ярусах сопки.

Немногочисленный вещевой инвентарь, встреченный в обеих сопках, эклектичен по происхождению и имеет аналогии на широком пространстве от Скандинавии до Смоленского Поднепровья. К сожалению, он позволяет датировать исследованные насыпи не точнее чем концом I тыс. н. э. Немногочисленность погребений при огромном объеме насыпей, сложность погребального ритуала позволяют поставить вопрос о сопках как о памятниках, имевших не только погребальные функции, но и являвшихся своеобразными сакральными объектами, а также о социальной среде, в которой сооружались подобные насыпи, требовавшие колоссальных трудовых затрат.

В. И. Шадыро, Л. В. Дучиц

ДРЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ БЕЛОРУССИИ

Культурно-археологическое своеобразие северо-запада Белоруссии связано с тем, что в раннем железном веке здесь обитали племена двух балтских культур: днепродвинской и штрихованной керамики.

В раннем железном веке территория Верхнедвинского, Миорского и Браславского р-нов, исключая окрестности Браславских и Освейских озер была малонаселенной. Кроме того, наличие на многих поселениях керамики с шероховатой и гладкой поверхностью ранних образцов (Барсуки, Урагово), характерной для прибалтийских древностей, свидетельствует о разноплеменности на-

селения региона. В ряде мест существовали и «островки» с иноплеменным населением (Тясты).

К середине I тысячелетия на смену культурам раннего железного века приходит новая, которая существенно отличается от них. Северо-запад Белоруссии становится зоной проникновения с одной стороны племен, представленных древностями с характерной гладкостенной и облитой керамикой, с другой — носителей тушемлинско-банцеровской культуры. Археологически фиксируется большая активность со стороны первых. Незначительный процент присутствия керамики тушемлинско-банцеровской культуры не влияет на общий культурный фон рассматриваемого региона. Следует констатировать, что западнее линии Освея — Дисна и левобережья р. Дисны проникновение древностей тушемлинско-банцеровской культуры ограничено. Ранние насыпи культуры длинных курганов, которые генетически связаны с тушемлинско-банцеровской культурой, здесь не зафиксированы.

Погребальные древности северо-запада Белоруссии известны с последней четверти I тысячелетия, что связано с колонизацией региона славянами. Они представлены насыпями, в плане круглой, овальной, реже удлиненной формы и единичными длинными курганами (Рацкий Бор, Вята, Потино, Игнаино, Субовщина). Выделяется четыре группы погребальных памятников с присущими каждой из них локальными различиями: дисненская, браславско-миорская, освейская и босинская. По обряду погребений и характеру находок наиболее близки дисненская и освейская группы. Хронологически выделяются курганы VII—IX вв.; X — начала XI вв. и XI—XII вв. В количественном отношении разница между ними незначительна. Для ранних курганов характерны захоронения кальцинированных костей в ямах, на материке, в насыпи или у ее вершины преобладают остатки кремации на материке. Кости помещались в сосуд или накрывались сосудом, перевернутым вверх дном. Для погребального инвентаря характерны ножи, калачевидные кресалы с язычком, пряжки, проволочные кольца и узкопластинчатые височные кольца с заходящими крючкообразными концами, грибовидные и трапециевидные подвески, спиральные пронизки, лимоновидные бусы, бусы из синего и темно-красного стекла.

Наблюдается эволюционная связь между курганами с кремацией и ингумацией.

Среди общих особенностей погребальных древностей следует отметить приземистую форму сосудов, обилие ножей, наличие в погребениях с ингумацией лепных сосудов, раннее появление ингумаций в подкурганых ямах.

В раскопанных насыпях, расположенных на рубеже с Литвой (Опса, Устье, Богино), не выявлено почти ни одной характерной черты культуры восточнолитовских курганов. На правобережье

Западной Двины, несмотря на соседство с латгалами, не обнаружено ни одной типично латгальской вещи.

Можно предварительно наметить пути славянской колонизации северо-запада Белоруссии. Первая волна славянского расселения относится ко времени не ранее VII—VIII вв. Это были носители уже сложившейся культуры длинных курганов, продвижение которых шло по левобережью Западной Двины. В течение VIII—IX вв. славяне, впитавшие в значительной мере элементы балтской культуры, довольно глубоко проникли в рассматриваемый регион (Свила, Опса, Устье, Рацкий Бор, Богоино). Этому во многом способствовала его малонаселенность. В X—XI вв. увеличивается приток населения, о чем свидетельствует возникновение новых сельских поселений и курганных могильников Лесная, Укля, Заборные Гумна, а также освоение старых городищ (Браслав, Прудники).

Таким образом, к концу I—началу II тысячелетия кривичи широко заселили северо-запад Белоруссии. Каждая курганная группа, несмотря на общие черты, имеет свои особенности, свидетельствуя о сложности племенной структуры древнерусского населения.

И. А. Бажан, С. Ю. Каргапольцев

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

В докладе предложена впервые составленная сводка пряжек с В-образной рифленой рамкой — одной из самых интересных и малоизученных категорий раннесредневековых древностей. Такие застежки представлены в комплексах весьма отдаленных регионов (от Центральной Европы до Приуралья и от Балтики до Черного моря) и могут в силу этого служить индикаторами синхронизации региональных систем относительной хронологии. От определения их датировки, кроме того, во многом зависит и хронология культур лесной зоны Восточной Европы (восточнолитовские и длинные курганы, пеньковская культура и др.).

В отечественной историографии утвердилось мнение о бытовании этих пряжек в VI—VII вв., в европейской же хронологической системе они обычно датируются V в. Возникающее противоречие нуждается в разрешении.

Обратившись к европейскому материалу, мы убедились, что во многих деталях пряжки эти весьма разнообразны и по ряду стилистических признаков распадаются на 12 основных групп. Установлено, что самые ранние находки (тип «Витково») происходят из центральноевропейских комплексов 350—450-х гг. (ступень по Эггерсу — Годловскому). Можно предположить, что исходными формами послужили пряжки, декорированные зооморфными изображениями, где рифлением показана грива зверей. Такие вещи широко бытовали по римскому лимесу и в среде германских

федератов. К ступени относятся и пряжки типов: «Ферманд» (с целым рядом других родственных ему типов), «Майнц — Грайфенклауштрассе» (распространенный исключительно на Рейне и верхнем Дунае) и «Глувчице» (особенно характерный для комплексов «эпохи Аттилы»).

В конце IV — начале V вв. появляются пряжки типа «Притцир — Полибино», а несколько позднее и «Риттерсдорф — Понизье».

Ко II ступени по К. Бёнеру (450—525 гг.) относятся пряжки типов «Наумбург», «Нордфридхоф — Бердутинск» и «Цебельда», а к III ступени (525—600 гг.) — пряжки с «рубчиками» типа «Ятрус».

На рубеже VI и VII вв. в Западной Европе происходит последний всплеск моды на пряжки с рифлением. Почти повсеместно последнее заменяется гравировкой и насечками, при этом происходит постепенная потеря В-образности рамки и усложнение формы и орнамента щитка.

Когда же попадают рифленые пряжки в лесную зону Восточной Европы? На Северо-Западе они представлены тремя интеррегиональными группами («Витково», «Притцир — Полибино», «Риттерсдорф — Понизье») и, естественно, могли оказаться здесь в любой момент их бытования, от конца IV до начала VI вв., однако комплекс из Таурапилса (третья четверть V в.), имитация вставок на язычках (Линдора, Курово, Памисус, Рекучяй) и деградированный вид звериных головок на некоторых экземплярах (Засвирь) заставляют склониться к мысли, что, скорее всего, это могло произойти не позднее середины V в.

Что же касается поздних типов, то ни типа «Ятрус» (VI в.), ни дериватов VI—VII вв. здесь уже не встречается.

Таким образом, при синхронизации с европейской хронологической шкалой у нас нет оснований говорить о VI—VII вв. для рифленых В-образных пряжек. Стилистическая же близость этих вещей практически исключает возможность их спонтанного появления в различных регионах, сама идея и технология их рифления должна была передаваться в ходе этнокультурных контактов эпохи Великого переселения народов, выявление которых невозможно без уточнения абсолютной датировки самих пряжек.

Е. А. Шмидт

О КУЛЬТУРЕ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ СМОЛЕНСКОГО ТЕЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ

Рассматриваемая территория охватывает левобережье бассейна Западной Двины от р. Межи на севере до границы БССР на юге и до водораздела с бассейном Днепра на востоке. В ареале смоленско-полоцких длинных курганов этот район занимает как бы срединное положение.

В пределах этой территории во второй половине I тысяче-

тия н. э. установлено наличие трех археологических культур, сменявших друг друга: тушемлинской, длинных курганов и древнерусской.

Культура длинных курганов представлена двумя видами археологических памятников: курганными группами и поселениями. Однако последние пока не подвергались детальному изучению, тогда как курганы неоднократно раскапывались в ряде мест.

Основные материалы, характеризующие культуру длинных курганов данной территории, получены в результате раскопок значительного количества курганных насыпей у деревень Заозерье, Шугайлово, Акатово, Дроково, Заборье, Ковали, проведенных автором, и дореволюционных раскопок у деревень Слобода, Ковали, Дроково.

Курганные группы в этом районе располагаются на песчаных берегах в непосредственной близости от водоемов и включают от нескольких насыпей (Акатово, Заборье) до 20 и более (Заозерье, Шугайлово, Слобода). В каждой из больших групп есть курганы округлой формы и удлиненные или длинные, тогда как некоторые небольшие группы состоят только из округлых курганов (Акатово, Ковали); но по характеру погребального обряда и сопровождающему инвентарю, без сомнения, относятся к культуре длинных курганов.

Основой погребального обряда было обязательное трупосожжение, совершаемое, чаще всего, вне кургана, и помещение остатков кремации в глиняную урну или в округлую материковую ямку с дальнейшим возведением над погребением курганной насыпи. Размещение остатков трупосожжения в кургане имеет различные варианты и заметно различается в деталях, что говорит об отсутствии устойчивого, строго ограниченного определенными рамками погребального ритуала. Трупосожжения на месте сооружаемого кургана единичны, но удалось установить, что на костре женщин помещали головой на запад.

В нескольких случаях зафиксировано сожжение вместе с умершим различных животных (лошадь, медведь и, возможно, некоторые другие).

Глиняные урны, помещаемые в нормальном или перевернутом положении, как и другие сопровождающие сосуды, составляют своеобразный, но достаточно определенный и устойчивый керамический комплекс, включающий горшковидные сосуды нескольких типов и миски. Орнаментированные сосуды составляют небольшую часть от всей керамики. Чаще орнамент состоит из оттисков конца палочки, обмотанной веревочкой, составляющих ряды или зигзаг, и таких же оттисков по краю венчика. Реже встречается ногтевой орнамент, а в одном случае были нарезки. Сосуды в погребениях часто несут следы вторичного обжига. Керамика аналогичных форм встречена и в культурном слое синхронных поселений данного района. В погребениях использовались также и берестяные урны.

Металлические украшения, обнаруженные в погребениях, дают основание для реконструкции женского убора. На голове, как правило, был венчик, составленный из нескольких рядов бронзовых спиралек, разделенных бронзовыми пластинками, или же включавших только одни спиральки. К такому венчику иногда прикреплялись биэсовидные и трапециевидные подвески. Дополнялся венчик бронзовыми или серебряными серповидными с заходящими концами височными кольцами. Украшением шеи были ожерелья из стеклянных или пастовых бус преимущественно синего и желтого цветов, включавшим иногда костяные подвески в виде птичек и астрагалов мелких животных. Иногда встречаются шейные гривны с костьюевидными и седловидными концами. На руках — спиральные в несколько оборотов браслеты и перстни. Кроме того, в женских погребениях найдены: пряжки, подковообразные фибулы, ножи, костяные гребни и некоторые другие предметы.

Мужские погребения содержат единичные металлические предметы: ножи, трубочки для трута, поясные пряжки, фибулы, удила, ботало и др., но встречаются погребения и безынвентарные.

Хронологические рамки культуры длинных курганов определяются VIII — началом X в. Верхняя дата все более подтверждается находками аналогичных предметов в Гнездове, где культурный слой датируется концом IX и X вв.

На большинстве курганных кладбищ этой культуры погребения прекращаются в конце IX — начале X вв. и захоронений последующего времени не содержат. Исключением являются две курганные группы у Заозерья и Слободы. Аналогичная картина характерна и для верхнего Поднепровья.

Погребальный инвентарь имеет аналогии в синхронных балтских древностях (латгалы, восточные литовцы). Комплекс признаков дает основание для отнесения культуры длинных курганов этой территории, как и смежных, к особой группе населения, близкой по культуре к балтским племенам, но заметно отличающейся от культуры восточнославянского массива более южных территорий.

В. В. Енуков

СУДЬБЫ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Проблема дальнейших судеб носителей культуры смоленских длинных курганов давно привлекала внимание исследователей. В современной историографии существует две основных точки зрения на решение этой задачи. В. В. Седов считает, что длинные курганы являются основой формирования части древнерусской курганной культуры. Переходным звеном, по его мнению,

были круглые курганы с трупосожжениями IX—X вв. Согласно второй точке зрения, наиболее полно сформулированной И. И. Ляпушкиным, преемственность между длинными курганами и более поздними памятниками отсутствует. В настоящей работе сделана попытка рассмотреть имеющиеся на сегодняшний день материалы по данной проблеме. При их анализе ареал памятников типа смоленских длинных курганов был разделен на регионы: восточный, включающий в себя территорию Смоленщины, и западный, охватывающий Северную Белоруссию.

Длинные курганы Смоленского Поднепровья являются предметом многолетних исследований Е. А. Шмидта. Ему принадлежит обоснование датировки этих памятников VIII—началом X вв. Между ними и древнерусской курганной культурой XI—XIII вв. образуется хронологическая лякуна, которую, по предложению ленинградских археологов, заполняют могильники типа Вязовеньки, Пиличек, Куприно (раскопки А. Н. Лявданского). К ним можно присовокупить курганы в Катыни, Нижних Немыкарях, Ямполье, Гончаренках (А. Н. Лявданский), Тимошово (Н. И. Савин), Доброселье, Васильево (Е. А. Шмидт), Сумароково (В. В. Енуков), а также северо-западную группу из четырех курганов в Колодне (А. Н. Лявданский и В. В. Енуков). Возможно, к этой группе древностей также относятся курганы Колупаево (А. Н. Лявданский) и Русаново (И. С. Абрамов). В данном случае мы не будем касаться Гнездова, памятника, отличающегося значительным своеобразием.

Насыпи перечисленных курганов имеют, как правило, круглую форму. Остатки трупосожжения, обычно одного, чаще всего размещались на материке. Круговая керамика, хорошо известная в этих курганах (Васильево, Катынь, Куприно, Ямполье, Доброселье, Сумароково), позволяет, по крайней мере, часть их надежно датировать временем не ранее X в. Эти курганы отличаются от длинных отсутствием погребального инвентаря балтского облика, столь характерного для последних.

В курганах с лепной керамикой, относящихся к выделенной группе, не было найдено датирующих вещей. Существует вероятность того, что часть этих курганов сооружена во время, когда еще бытовали памятники типа смоленских длинных курганов. Сравнение керамики показывает, что наряду с общими чертами и сосудов из длинных курганов и курганов выделенной группы (приземистость, небольшие размеры) имеются и отличия (более плавный профиль, мягкий переход к венчику у последних).

Таким образом, анализ материалов Смоленского Поднепровья, в первую очередь, инвентаря, не позволяет сейчас говорить о генетической связи длинных курганов с древнерусской курганной культурой XI в. через цепочку переходных памятников.

Погребальные памятники западной части ареала культуры смоленских длинных курганов представлены в основном насыпями круглой формы с одним погребением. На западе они доходят

до границы с Литвой, а отдельные из них известны от верховьев Великой (Казиха) на севере до Птичи (Озерцо) на юге.

Большинство относительно полно исследованных могильников этого региона имели в инвентаре признаки X в. Это, например, темно-фиолетовые глазчатые бусы (Богин, Опса), бочонковидные гирьки (Довбор), дирхем X в. (Поречье). В ряде погребений отмечены совместные находки лепной и круговой керамики (Старое Село, Слободка, Черневичи) или одной круговой (Глинище, Вышадки, Озерцо, Опса, Плусы, Слободка). В Рудне был обнаружен горшок, подправленный на круге.

В последней четверти I тыс. н.э. на территории Белоруссии погребальные памятники культуры смоленских длинных курганов занимают господствующее положение. Курганы, отличные от них, редки (Бельчица, Бононь, курган 3 в Загорье). Характер происхождения последних неясен. Возможно, появление некоторых из них имеет социальные корни.

Помимо сельской местности, следы присутствия носителей культуры смоленских длинных курганов имеются в ряде городов Полоцкой земли, которые стоят в ряду древнейших (Полоцк, Витебск, Лукомль, возможно, Браслав). Все это позволяет полагать, что в конце I тыс. н.э. они составляют основное население территории Северной Белоруссии.

Выявление погребальных памятников культуры смоленских длинных курганов, относящихся к X в., делает правомерным предположение о том, что на территории Северной Белоруссии они доживают до начала сложения обрядности, по которой труп не сжигался. Анализ материалов, в первую очередь керамических, фиксирует присутствие элементов культуры смоленских длинных курганов в труположениях XI в. Обычные для нее приземистые лепные горшки с высоким плечиком и маленьким венчиком встречены в курганах Рацкого бора, Браслава, Опсы, Загорья, Черневичей, Шо, Денисенюк, Домжериц, Кублищино. В ряде случаев в труположениях обнаружены украшения балтских типов, характерные для культуры смоленских длинных курганов. Это, например, гривна с серповидными заходящими концами из Рудни, головной венчик из спиралек и разделительных бляшек из Денисенюк.

Все изложенное дает основание полагать, что на территории Северной Белоруссии в формировании курганной культуры XI в. участвовало население, оставившее поздние погребальные памятники культуры смоленских длинных курганов.

Н. А. Ефимова

**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУРГАНА 22 МОГИЛЬНИКА ЯНОМОЛЕ
(К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ БОЛЬШИХ КУРГАНАХ
КУЛЬТУРЫ СМОЛЕНСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ)**

Анализ могильников культур длинных курганов показывает, что во многих из них вместе с длинными и невысокими круглыми

ми насыпями встречаются и отдельные полусферические, достигающие высоты до 2 м, иногда и выше. Как правило, они в могильниках единичны, довольно часто имеют четко выраженные ровики у основания, в них не прослеживается каменных венцов и обкладок. Насыпи этого вида имеются в бассейне Ильменя, юго-восточной Эстонии, Полоцком Подвинье и в Смоленском Поднепровье. Высокие насыпи в составе могильников рассматриваемой культуры не привлекали специального внимания, в силу трудоемкости раскопок исследовано крайне малое число их (Репьи, Залахтовы, Слободка, Яномоле, Горско).

Почти все погребения в больших курганах представлены остатками кремации на стороне. Способы их помещения в насыпи в целом характерны для культуры длинных курганов. Подавляющее большинство погребений безинвентарно. Возможно, остатки погребального инвентаря не собирались с места сожжения намеренно.

Одна из таких высоких насыпей — курган 22 в могильнике Яномоле в Даугавпилсском р-не Латвийской ССР, находящемся на левом берегу Даугавы, была раскопана в 1984—1985 гг. Конусообразный курган высотой около 3 м и диаметром 17—20 м с крутыми склонами был расположен на третьей надпойменной террасе и выделялся как центральный в группе. Под основание насыпи был выбран небольшой песчаный холм высотой 0,5—0,6 м, диаметром до 10 м. За счет подрезки его склонов была оформлена овальная платформа и всход на нее шириной около 6 м. На платформе совершались обряды, предшествовавшие похоронам. С небольшими ритуальными кострами, сжиганием тонких веток и травы связаны небольшие углубления с углисто-зольными заполнениями, углистые включения на склонах и у подножия платформы, мелкие угольки на ее поверхности. Небольшие костры локализованы, в основном, в северной части платформы. В ее юго-западном секторе был разожжен мощный костер, оставивший кострище до 18 кв. м и довольно сильную прокаленность материка под ним. Остатки этого костра равномерным слоем толщиной 6—8 см были рассыпаны почти по всей платформе, перекрыв частью и всход на нее.

Следы последующих действий связаны уже непосредственно с погребением. В северо-восточном секторе платформы перпендикулярно всходу, как бы перекрывая его, была вырыта овальная яма размерами 1,7×1,1 м, глубиной до 1,2 м. Точно такая же яма находилась в противоположном конце платформы. Заполнены обе ямы зольно-углистым слоем. Ритуальный огонь возжигался дважды, о чем свидетельствуют две интенсивных угольных прослойки в заполнениях. Рядом с ямой у всхода зафиксировано несколько столбовых ямок. На платформе совершено два захоронения — трупосожжения на стороне. Погребение 3 помещалось в ямке 18 см глубиной и вокруг нее. Рядом найдены фрагменты гончарной керамики X—начала XI вв. без следов действия огня.

Погребение 4 занимало площадь 0,65×0,4 м. Косточки вместе с углем и золой были разбросаны по поверхности кострища. Среди них найден фрагмент сильно оплавленной бусины со следами металла и обломок костяного предмета подтреугольной формы без следов огня. Сходные предметы найдены в Глинище под Полоцком (X в.) и в Вышадках (X—начало XI вв.).

Над погребениями была возведена песчаная насыпь высотой до 1,3 м. На южном склоне ее на подсыпке из светлого песка открыто небольшое вытянутой формы кострище погребения 2, совершенного в неглубокой ямке. В завершение этого этапа курган был досыпан до высоты 1,7 м. В таком виде насыпь простояла некоторое время, достаточное для образования тонкого слоя дерна.

На четвертом этапе верхняя поверхность насыпи была выровнена и на ней совершены действия, приведшие к образованию тонкой прослойки сероватого чуть углистого песка с включениями угольков. Затем курган был досыпан светлым рыхлым в верхних слоях кумусированным песком и по его поверхности были рассыпаны кальцинированные кости погребения 1. Размеры его достигли высоты 3 м и диаметра 17—20 м.

По аналогичному или весьма близкому образцу формировались и другие высокие насыпи рассматриваемого периода. Наличие некоторых несхожестей, фиксируемых в этих памятниках, отражает, может быть, динамику развития обряда. Пока среди немногочисленных исследованных больших курганов наибольшим сходством с Яномольским обладает курган в Слободке Витебской обл. Объединяют эти насыпи размеры, размещение погребений в насыпи, почти полное отсутствие инвентаря, за исключением керамики, и, главное, сложный подготовительный ритуал, предшествовавший совершению захоронений, а также датировка X—началом XI вв. Хронология больших курганов в целом остается пока весьма широкой — от VII (Репьи) до начала XI в.

Сложным подготовительным ритуалом и наличием платформы насыпи этого вида обнаруживают некоторое сходство с третьим типом волховских сопков (по В. П. Петренко), пожалуй, наиболее сакрализованным по ритуалу, в которых в инвентаре и обряде прослеживаются некоторые балтские черты, родственные культуре смоленских длинных курганов.

Состояние изученности памятников не позволяет однозначно определить, являются ли большие курганы отражением существования различных погребальных традиций в культурах длинных курганов или речь должна идти о развитии одного обряда захоронения, подвергшегося трансформации под влиянием иных погребальных обрядов.

ТОРОПЕЦКИЙ МОГИЛЬНИК КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ

Рассматриваемый курганный могильник находится на северо-западной окраине г. Торопца. Он входит в группу памятников, расположенных на северном берегу оз. Заликовье (правый берег р. Торопы) и включающих помимо некрополя селище с лепной и паннекруговой керамикой и городище (?) с монетным (867 г.) и вешевым (вторая половина X в.) кладами. В районе Торопца могильники культуры длинных курганов представлены чересполосно с сопками.

Анализируемая группа, насчитывавшая в 1961 г. 47 насыпей (в настоящее время практически уничтожена), являлась одной из самых крупных среди могильников культуры длинных курганов в Верхнем Подвинье. Курганы вытянуты на 400 м цепью с севера на юг, с севера цепь начиналась большой усеченно-пирамидальной насыпью, остальные насыпи до раскопок имели форму шарового сегмента или были слегка удлиненны. Небольшой овальный курган 23, исследованный в 1961 г. Г. Ф. Корзухиной, содержал остатки трупосожжения (взрослого и ребенка) — скопление костей с углями, фрагментами лепного горшка, остатками обгоревших бронзовых украшений, типичных для смоленских длинных курганов, и равноплечной фибулы IX в. (тип 58 по Я. Петерсену).

В 1975—1978 гг. исследованы еще 4 кургана. Раскопки выявили сложную многоэтапную процедуру возведения насыпей, особенно курганов 10, 11, 47, содержащих подпрямоугольные дерево-земляные конструкции. Лучше всего прослеживается процесс сооружения кургана 10. На выжженной подпрямоугольной площадке (10,5×6,5—8 м), ориентированной длинной осью СВ—ЮЗ, возведена деревянная П-образная трехстенная конструкция (разрыв с ю.-в. стороны) из плах, поддерживаемых снаружи и изнутри подсыпками и, возможно, колышками. Затем в центре был разведен костер, засыпанный недогоревшим, после чего возведена насыпь (сохранилась на высоту 2 м), укрепленная с трех сторон по крайней мере в нижней части плахами. Ровик достигал глубины 2 м при ширине до 4 м. В нем горел костер из хвороста или мелких кусков дерева. В таком виде насыпь простояла некоторое время. Погребений курган не содержал.

Сооружение кургана II началось с небольшой подтреугольной насыпи размерами 6×6×4,25 м, окруженной неглубоким ровиком. Затем была возведена подпрямоугольная насыпь размерами 9—11×5—6 м. Следы деревянных конструкций сохранились в ней лишь с двух сторон, однако около трех углов прослежены ямы. С трех сторон курган окружен тремя ровиками, из которых был взят грунт для насыпи. Ровики насыпей 10 и 11 объединяет угольная прослойка, связанная с горением деревянных конструк-

ций кургана 10, что позволяет реконструировать заключительный этап — одновременно были сожжены деревянные конструкции обоих курганов и разведен мощный костер в их ровиках.

Курган 47 конструктивно был близок предыдущим. Первоначальная насыпь подпрямоугольной формы (около 5×11 м), ориентированная по оси ССЗ—ЮЮВ и окруженная неглубоким ровиком, была сооружена на предварительно выжженной площадке над погребением взрослого человека (определение Е. Г. Андреевой). Кости с углем и остатками украшений (бронзовые спирали, колечки, спиральное кольцо, трапециевидные подвески, слитки голубого и голубого с красным стекла, фрагмент лепного сосуда) ссыпаны в полусферическую ямку и около нее. В северной пол первоначальной насыпи совершено второе погребение, аналогичное по размещению останков, но содержавшее кости взрослого человека, ребенка и птицы. Здесь находились перевернутый над краем ямки горшок с орнаментом, нанесенным «палочкой, обмотанной веревочкой» по плечу и венчику, а также оселок, бисовидная железная привеска и костяные накладки с бронзовыми заклесками. Далее был возведен курган (размерами 12×7,5 м, который содержал остатки прямоугольных деревянных конструкций и был окружен ровиками с перемычками на углах. В ровиках дважды разводился костер, второй раз, по-видимому, одновременно с горением деревянных конструкций.

Курган 13 конструктивно несколько отличается от предыдущих — он округлый в плане. Первоначальная площадка диаметром 7—7,5 м была окружена неглубоким ровиком с двумя перемычками, в юго-восточной части ее был разведен костер и рядом совершено захоронение останков: кальцинированные кости (в том числе лошади), угли, обломки ошлакованного лепного горшка со слегка выраженным плечиком. Кости ссыпаны в ямку и рассыпаны по поверхности. После этого возведена насыпь — сначала в пределах первоначальных ровиков, а затем диаметр ее доведен до 9,5 м (сохранилась на высоту 1,5 м), причем вокруг насыпи вырыты ровики (с двумя перемычками) шириной 3—4,5 м и глубиной до 1 м. В ровиках после сооружения кургана был разведен костер.

Ближайшие аналогии исследованным составляют курганы Акатово (раскопки Е. А. Шмидта), Скрабы (К. И. Комарова), Дербиж (И. Г. Портнягина), Рапти-Наволоки (Г. С. Лебедева).

Г. С. Лебедев

ПАМЯТНИКИ УРОЧ. «СВЯЩЕНКА» НА ОЗ. ВРЕВО В ВЕРХНЕМ ПОЛУЖЬЕ

Уроч. «Священка» находится в 2 км к северо-западу от д. Конезерье, где известен курганно-жальничный могильник, расположенный вокруг сопки. Микротопоним «Священка» закреплен у

местного населения за возвышенностью на мысу западного берега оз. Врево, где справляются праздники и народные гуляния. На мысу имеется небольшое городище с дугообразным валом, вдоль вала и далее на север по берегу зафиксирован слой селища с лепной керамикой, а в 0,6 км к северо-западу от поселения находится культовый камень «Пятница».

Это — седловидный валун длиной 2,6 м, шириной 2,2 м, высотой от 0,8 до 1,5 м, с чашеобразным углублением, в котором постоянно держится вода. Он был объектом поклонения в языческие времена (судя по находкам лепной керамики, аналогичной керамике селища и городища), в древнерусское время адаптирован к православному культу Параскевы Пятницы. В позднем средневековье на камне, видимо, была установлена икона, в основании камня с юго-западной стороны уложены два крупных валуна, облегчавшие доступ к иконе для целования, а в XIX в. здесь выстроена была часовня. Находки монет советского времени (до 1970-х гг. включительно) свидетельствуют о сохранении традиционного отношения к камню. 25 июля 1979 г. (за два дня до праздника Параскевы Пятницы) две местных жительницы вычерпали из «чаши» камня воду, вымыли его свежей водой и положили на камень два букета полевых цветов.

Городище по данным разведочной траншеи 1974 г. не имеет культурного слоя, но на площадке находятся многочисленные крупные и средних размеров камни, возможно, использовавшиеся в застройке, открыта яма со сгоревшими деревянными конструкциями внутри и лепной керамикой в заполнении. Внешняя сторона вала покрыта примитивной облицовкой из мелких валунов и плитняка.

На селище в 1979 г. вскрыто 16 кв. м. В слое мощностью до 0,4 м, потревоженном распашкой, прослеживаются остатки наземных построек, открыта часть каменного очага (диаметром до 1,5 м), и образующие два-три яруса следы глиняных полов, деревянных конструкций, фрагменты глиняной обмазки стен. Находки представлены, в основном, мелкими фрагментами лепной керамики (слабопрофилированной гладкостенной с примесью дресвы, иногда с легкой штриховкой). На уровне материка раскрыты также относящиеся к поселению столбовые и хозяйственные ямы, в том числе одна — колоколообразная.

Под слоем поселения открыты относящиеся к предшествующему периоду каменные кладки. Они сложены из плитняка и мелких валунов, плотно уложенных в несколько рядов в ямы размерами около 1×0,5 м, глубиной 0,2—0,5 м, вырытые в материковом суглинке. Непосредственно под плитняком верхнего ряда кладки 1 собрано до полутора десятков кальцинированных человеческих косточек. В остальных кладках ничего не обнаружено.

Кладки могут быть сопоставлены с вызывающими дискуссию объектами, раскопанными Н. К. Рерихом в Изваре на Ижорском плато, а также с исследуемыми в последние годы разнообразны-

ми сооружениями (в том числе, вполне определенно, погребальными) на Карельском перешейке, где также фиксируются и культовые камни; «культура каменных кладок», к традициям которой в широком смысле тяготеют древности круга тарандов в Эстонии, южной Финляндии и соседних территорий, может быть той подосновой, на которой в Верхнем Полужье шло формирование «курганых культур» второй половины I тыс. н. э.

Непрерывность функционирования культового камня свидетельствует об определенной преемственности традиций, несмотря на резкие изменения культуры (переход от грунтовых сожжений к курганам, от длинных курганов и сопок — к курганам и жальникам с труположениями), а возможно, и этнического состава населения Верхнего Полужья.

В. А. Булкин, А. С. Герд

К ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ БЕЛОРУССИИ

Современная практика исследования вопросов этногенеза все чаще и настойчивее заставляет связывать воедино данные смежных дисциплин — истории, археологии, лингвистики, этнографии, антропологии. Надежной почвой для совмещения этих материалов в рамках ареальных исследований является географическая карта, номенклатура которой представляет своеобразный эксперанто, обобщающий итоги пространственных характеристик. Некоторые перспективные возможности междисциплинарной кооперации приоткрывают случаи совпадения на карте пучков изоглосс и археологических и историко-этнографических границ. Именно такое явление наблюдается на территории Белоруссии и прилегающих областей.

Первый регион географически соответствует белорусско-украинскому Полесью. Данные археологии, лингвистики и этнографии вполне отчетливо документируют здесь две смежные самостоятельные зоны — Восточное и Западное Полесье. Граница между ними проходила приблизительно в направлении течения Ясельды (иногда Случи), Припяти (место сближения устьев Случи и Горыни) и Горыни. Археологические материалы, систематизированные Ю. В. Кухаренко, датируют начальный период размежевания Полесья серединой III тыс. до н. э.

Второй регион — Верхнее Поднепровье и Подвинье (днепровский). Сопоставление археологических культур и исторических образований VIII—VII вв. до н. э. — конец XIV в. очерчивает его в пределах, близко соответствующих нынешним внешним границам Смоленской и Витебской обл. Основная территория выделяемого второго региона входит в состав, во-первых, северо-восточного диалекта белорусского языка, во-вторых, северную этнографическую зону Белоруссии. По данным археологии в конце I — начале II тыс. н. э. внутри региона происходит обособление

восточной (Смоленской) и западной (Полоцкой) зон со смежной границей в направлении от витебского Подвинья к оршанскому Поднепровью.

Территория между Полесьем и днепро-двинским регионом условно выделяется в **третий** — центральнобелорусский. Последовательная сопряженность археологических культур здесь не фиксируется. Диалектным зонам — северо-восточной, юго-западной и северо-западной приблизительно соответствуют этнографические — восточная (Поднепровье), центральная и северо-западная (Понеманье).

Широкая контактная полоса балтской и финно-угорской гидронимии проходит вдоль северных и отчасти восточных (финно-угорская) границ днепро-двинского региона.

Устойчивое совпадение на географической карте Белоруссии археологических, лингвистических и этнографических границ является фактом, определенно заслуживающим внимания специалистов. Однако его объяснение вызывает пока серьезные трудности. Зональное членение Белоруссии не коррелирует ни с физико-географическими характеристиками республики, ни с ее гидрографией.

Нет твердой уверенности в решающей роли здесь этнического фактора. Ведь историко-этнографическое, диалектное и аналогичное им современное административное деление Полесья сохраняется до наших дней; в границах же днепро-двинского региона происходит последовательная смена балтского населения славянским, в то время как окончательное его разделение относится к периоду прочного славянского освоения.

Расселение славян на территории Белоруссии во второй половине I тыс. н.э. происходило в условиях уже сформировавшихся ранее регионов и, по существу, вписывалось в них, за редким исключением внося поправки в географические очертания. С большой долей уверенности можно говорить о том, что тенденции историко-культурного и диалектного членения Белоруссии проявились еще на первобытной стадии ее истории.

И. А. Озере

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ КУРШСКОЙ КУЛЬТУРЫ V—IX вв.

Первые упоминания о куршах относятся к середине IX в. О них говорится в «Житие Ангария» бременского архиепископа Римберта. Судя по этим сведениям, курши к этому времени населяли северо-западную Литву и юго-западную часть Латвии — Курземе (т. е. ареал грунтовых могильников VIII—XIII вв.).

До сих пор не сложилось единого мнения относительно этнической принадлежности более ранних могильников с каменными венцами, о связи их с грунтовыми могильниками VIII—XIII вв. Существует две основные точки зрения. Согласно первой, куршей

можно проследить уже с первых веков н.э. и могильники с каменными венцами оставлены этими племенами (Х. А. Моора, М. Гимбутас, Р. Волкайте-Куликаускаене, Э. С. Мугуревич, В. А. Уртан и др.). Другое мнение высказано А. Таугавичюсом, который считает, что куршскими можно считать лишь грунтовые могильники VIII—XIII вв., а более ранние оставлены жителями известной по письменным источникам земли Ламата.

В развитии культуры куршей в среднем железном веке выделяются два периода: V—VII вв. и VIII—IX вв.

Для первого периода характерно несколько особенностей, в основном сложившихся еще во II—IV вв.:

1) традиция сооружать вокруг захоронений каменные венцы, а в периферийных районах — ряды, группы камней или класть отдельные камни;

2) богатый инвентарь, помещенный в определенном порядке: большинство предметов в изголовье, украшения — так, как их носили;

3) частые находки «дополнительного инвентаря», обычно украшений;

4) наличие в погребениях берестяных коробочек, украшенных бронзой, и миниатюрных сосудов.

Перечисленные особенности в V—VII вв. четко выделяют на побережье Балтийского моря ареал могильников, определяемых большинством исследователей как куршские.

К V в. культура занимала следующую территорию: до устья Немана на юге, восточная граница проходила по левобережью р. Миния, на северо-востоке достигая оз. Платалай, а на севере — рек Тебра и Вартая. Центр куршской культуры в V—VII вв. находился в области Клайпеды, а юго-западную Курземе и южную часть Литовского Поморья следует считать ее периферийными районами.

Примерно во второй половине VI — первой половине VII вв. постепенно исчезает традиция сооружать каменные венцы. С VIII в. на рассматриваемой территории встречаются грунтовые могильники с труположениями, а с конца VIII в. появляются трупосожжения. В грунтовых могильниках VIII—IX вв., признанных всеми археологами бесспорно куршскими, сохранилась большая часть особенностей погребального обряда первого периода:

1) традиция размещать погребальный инвентарь в определенном порядке: большинство предметов в изголовье, украшения — так, как их носили;

2) обычай класть в захоронение миниатюрный глиняный сосуд, в конце периода и другие миниатюрные предметы;

3) частые находки в захоронениях берестяных коробочек.

В VIII—IX вв. произошли некоторые изменения территории куршей: в южном направлении грунтовые могильники VIII—IX вв. достигают среднего течения р. Миния, восточные и северные границы не изменились. Можно полагать, что к этому времени курш-

ские племена подвинулись на север, оставив район нижнего течения р. Миния. Вероятно, передвижение куршских племен на север продолжалось и в X—XII вв.

Таким образом, куршские грунтовые могильники VIII—IX вв. Литовского Поморья и юго-западной Курземе представляют собой непосредственное продолжение развития погребального обряда предыдущего периода. Следовательно, куршскими надо считать и захоронения с каменными венцами.

В материальной культуре, в целом представляющей постепенное развитие форм, также прослеживаются два периода (V—VII вв. и VIII—IX вв.), коррелирующие с периодами развития погребального обряда.

Выделяется группа предметов V—IX вв., характерных только для куршей (миниатюрные предметы, берестяные коробочки, ожерелья из серебряных цилиндров, бронзовые посеребренные туфлы, булавки для скрепления головного убора с треугольной и ромбовидной головкой, большие, круглые привески, круглые янтарные пластинки и привески-гребни, арбалетовидные фибулы со звериной головкой на пяте). Они, наряду с особенностями погребального обряда, входят в комплекс признаков куршской культуры.

В. Шименас

ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ В V—VIII вв. В НИЗОВЬЯХ НЕМАНА

«Великое переселение народов», в итоге которого была сокрушена Римская империя, коснулось многих земель, лежащих далеко за ее пределами. Это событие не могло, хотя и косвенно, не затронуть живших у побережья Балтийского моря в то время племен. Наблюдаются незначительные передвижения отдельных балтских племен в западном и северном направлениях. В V—VIII вв. постепенно устанавливаются основные этнокультурные области, территории которых в основном сохранились до XII в. и данные о них могут быть связаны с письменными источниками IX—XIII вв.

В настоящее время в западной и центральной Литве археологами выделены три родственные этнические группы первых веков н. э. Это — группа грунтовых могильников с каменными венцами, расположенная на побережье Балтийского моря, группа грунтовых могильников в дельте Немана и группа грунтовых могильников центральной Литвы. Все они своими корнями уходят в культуру курганов западной Литвы и культуру курганов западных балтов раннего железного века. Все эти группы отделены от территории одновременных курганов северной Литвы широким лесным массивом, который сохранился и по сей день.

В низовьях Немана в V—VIII вв. этнокультурная ситуация меняется незначительно. Видно, что переход из раннего в сред-

ний железный век проходил без значительных скачков и срывов. Культура развивалась на основе прежних традиций. К концу VI в. на побережье Балтийского моря и в низовьях Немана процветает довольно богатая культура. Благодаря своему географическому положению она становится посредником в сношениях между западными и восточными балтами.

В археологической литературе сложилась традиция, согласно которой культура грунтовых могильников с каменными венцами приписывается предкам куршей, а культура грунтовых могильников в дельте Немана — предкам скалвов. Южная граница культуры грунтовых могильников с каменными венцами до конца VI в. проходила по берегу Куршского залива в р-не Шилуте, Швекина, Вейвирженной, а западная граница грунтовых могильников дельты Немана по линии Советск, Пагегяй, Сартининкай. Памятники той же культуры находятся также на левом берегу р. Неман в р-не городов Советск и Неман. Южная граница еще не совсем ясна, предполагается, что территория этих памятников достигала бассейна верхнего течения р. Инструч и г. Славск.

Этнокультурная ситуация меняется в VII в., когда у побережья Балтийского моря исчезают могильники с каменными венцами. Происходившие в то время этнические процессы в р-не Шилуте и Прекуле еще неясны. Мнения археологов по этому вопросу расходятся. Одни предполагают, что в южную часть ареала культуры грунтовых могильников с каменными венцами переселяются носители культуры дельты Немана и образуют новую племенную группу, известную под названием скалва. Другие предполагают, что на стыке двух культур образуется третья группа, известная под названием Ламата. Не исключается возможность, что жители Ламаты — это непосредственные продолжатели культуры могильников с каменными венцами, а курши в VII—VIII вв. заняли северные ареалы этой культуры до р-на Клайпеды.

В. К. Казакавичюс

МОГИЛЬНИК ПЛИНКАЙГАЛИС КАК ПАМЯТНИК АУКШТАЙТСКИХ ПЛЕМЕН

Этнокультурная ситуация на территории Литвы в середине I тысячелетия н. э. усложнялась. Если в первой половине этого тысячелетия выделяется только 5 групп археологических памятников, то во второй половине уже 8 групп.

Среди них имеется группа памятников, в которой погребальный обряд не менялся на протяжении целого тысячелетия. Это — грунтовые могильники Центральной Литвы, оставленные предками аукштайтов.

Одним из крупнейших памятников, исследованных в последние годы в Центральной Литве, является могильник Плинкайгалис. Он расположен в 25 км западнее г. Кедайняй и 1 км на запад

от д. Плинкайгалис, на левом берегу р. Шушве. В 0,3 км севернее могильника находится городище, а 0,6 км юго-западнее — могильник Пашушвис (V—XI вв.), разрушенный еще в конце XIX — начале XX вв.

Могильник Плинкайгалис обнаружен в 1975 г. В 1977 г. разведовательные раскопки провела экспедиция Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры Литовской ССР. В 1978—1984 гг. могильник исследовала экспедиция Института истории АН Литовской ССР. Была вскрыта площадь 4500 кв. м, обнаружено 372 погребения, среди которых 4 трупоположения позднего неолита, 360 погребений III—VI вв., 8 трупосожжений VII в. и 4 костяка коней в трех ямах периода конца VI—VII вв., 127 захоронений мужские, 95 — женские и 139 — детские.

Для погребального обряда характерны прямоугольные ямы глубиной до 1,83 м, длиной 2—2,5 м и шириной 60—90 см. 60% погребенных в могильнике составляют дети. Их хоронили в ямах, соответственно приспособленных для их возраста и роста. Для внутренней конструкции ям характерны камни. Они отмечены в 180 погребениях, что составляет 49,7% всех захоронений. Камни помещались симметрично — по два возле головы, около бедер и ног. В редких случаях они образовали ящик, в котором и находилось захоронение. Часть погребенных (83) помещена в дощатых прямоугольных гробах размерами 165—225×40—70 см. Еще в 28 погребениях на их присутствие косвенно указывают орудия труда и оружие, стоящие лезвиями вверх (топоры, мотыга, серпы, боевые ножи). Таким образом, в гробах захоронено 30,6% умерших.

Ориентировка мужских и женских захоронений противоположная. Мужские погребения ориентированы в основном на северо-запад, женские — на юго-восток.

Взрослые индивиды уложены в вытянутом положении на спине, со сложенными на груди, животе или бедрах руками. Исключение составляют два женских погребения, захороненные на левом и правом боку, с согнутыми руками и ногами. Причина такого положения в могиле 135 неясна, а в погребении 177 умершая болела туберкулезным спондилитом. Поза детей в погребениях более разнообразна. Среди них 37 были погребены на левом или правом боку в слабо скорченном положении, в так называемой «спящей» позе.

10 погребений в могильнике групповые. Они отражают стихийные бедствия, эпидемии, военные столкновения и т. п.

Восемь погребений по обряду трупосожжения находились в западной части могильника. Для них были устроены неглубокие ямы овальной и продолговатой формы. Кальцинированные кости в них были рассыпаны слоем толщиной в 5—15 см. Среди них и сверху находился погребальный инвентарь.

Четыре захоронения коней обнаружены в районе погребений

с трупосожжениями. Они представляют характерную черту могильников Центральной Литвы более позднего времени, т. е. X—XIV вв. Обнаруженные в Плинкайгалис погребения с конями являются самыми ранними для Центральной Литвы.

Погребальный инвентарь очень богатый. Обнаружено свыше 2000 предметов из серебра, бронзы, олова, железа, янтаря, стекла, камня, глины, кости. Среди них — 95 топоров, 81 нож, 29 серпов, 20 пряслиц, 58 шильев, 3 точильных бруска, 41 боевой нож, 6 наконечников копий, 11 шпор, 8 ритонов, 4 головных венка, 47 шейных гривен, 1248 бус, 156 арбалетных фибул, 121 булава, 183 браслета, 93 перстня и несколько сот разных бронзовых спиралей и трубочек для украшения одежды.

Обрядность и инвентарь дают все основания отнести могильник Плинкайгалис V—VI вв. к предкам аукштайтов.

В. Ф. Урбанавичюс

ЗАХОРОНЕНИЯ В ВОДЕ: НАХОДКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В 1979—1983 гг. исследовался грунтовый могильник Обяляй, находящийся около 80 км северо-западнее г. Вильнюса, на берегу небольшого оз. Обяляй. Обнаружено 190 погребений по обряду трупоположения, 9 трупосожжений и 30 погребений несожженных коней. 98 трупоположений и 6 трупосожжений датированы V—VI вв. н. э., 3 трупосожжения и все погребения коней XIII—XIV вв. К этому периоду относятся еще трупосожжения, разрушенные плугом. Остальные погребения датируются XV в., три — XVII в. Погребений второй половины VI в. — XII в. не обнаружено.

К этому времени относится каменная вымостка, обнаруженная на территории могильника у самого берега озера. Длина мостовой 10 м, ширина 2—3 м. В воде, в 10 м от мостовой, найден бугор диаметром около 5 м, образованный из пепла, угля и сожженных костей, перемешанных с обожженными вещами. Многочисленные черепки глиняных сосудов указывают на то, что умершие хоронились в урнах. Мостовая служила площадкой для опускания урн в воду. В воде найдены и отдельные черепки со штрихованной поверхностью.

Могильник Обяляй находится на стыке двух культур — штрихованной керамики и грунтовых могильников центральной Литвы. В погребальном обряде могильника V—VI вв. наблюдаются признаки обеих этих культур.

Погребения носителей культуры штрихованной керамики неизвестны. В ареале этой культуры они появляются в конце IV в. н. э. Это курганные погребения по обряду трупоположения. В V в. в курганах появляются трупосожжения. В VII в. обычай трупосожжения стал господствующим.

Почти одновременно менялся погребальный обряд и на тер-

ритории распространения грунтовых могильников центральной Литвы. В первых веках н.э. умершие здесь хоронились несожженными. В VI—VII вв., после появления обычая трупосожжения, могильники перестают существовать. Создается впечатление опустошения этой территории. Заново погребения здесь появляются в XIII—XIV вв. Погребений VIII—XII вв. нет.

Материалы могильника Обяляй дают основание утверждать, что умершие в центральной части Литвы в VIII—XII вв. хоронились сожженными, в глиняных урнах, которые опускались в воду. Такой обычай сохранился до введения христианства.

Изменения в погребальном обряде на территории Литвы были вызваны следующими обстоятельствами этнического характера.

В середине I-го тысячелетия н.э. в результате «великого переселения народов» в ареал культуры штрихованной керамики пришла часть населения из северной Литвы. Эти люди принесли обычай хоронить умерших в курганах по обряду ингумации. Племена культуры штрихованной керамики в это время умерших сжигали и хоронили в воде. В результате метисации этих культур появился новый обычай — остатки трупосожжений стали хоронить в курганах.

Часть людей культуры штрихованной керамики двинулась в центральную часть Литвы, куда принесла обычай трупосожжения. В V—VI вв. в грунтовых могильниках этого региона прослеживаются признаки обеих культур — наряду с местным обычаем трупоположения появляется и обычай трупосожжения. В VII в. последний стал господствующим, но могильники вдруг перестали функционировать. Это можно объяснить тем, что местное население было ассимилировано и приняло обряд племен культуры штрихованной керамики: умерших стали сжигать и остатки кремации хоронить в воде. Такой обычай продержался до начала XV в. В XIII—XIV вв., по данным письменных источников, на эту территорию пришли беженцы из земель, захваченных крестоносцами, — скалвы, надрувы и пруссы. Они принесли обычай вместе с сожженными людьми хоронить несожженных коней. Хоронили в грунтовых могильниках. В некоторых местах, в том числе и в Обяляй, в XIII—XIV вв. существовали по два могильника — один на берегу, другой в воде. Только после введения христианства, в начале XV в., погребальные обряды на всей территории Литвы стали одинаковыми, совершались по церковным канонам.

А. Васкис

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРЕ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ И ЕЕ АРЕАЛЕ

Штрихованная керамика как специфическая черта материальной культуры раннего железного века Белоруссии привлекла вни-

мание А. Н. Лявданского еще в 20—30-х гг. В 50-х годах памятники со штрихованной керамикой, составляющие отдельную археологическую культуру, исследовал А. Г. Митрофанов. В ареал культуры штрихованной керамики он включил среднюю полосу Белоруссии и восточную Литву, выделяя при этом два локальных варианта: восточнолитовский-западнобелорусский и восточнобелорусский. Штрихованная керамика за пределы этих территорий, по мнению А. Г. Митрофанова и некоторых других исследователей, не является ведущей, имеет другой характер, в силу чего ее связь с культурой штрихованной керамики отрицалась.

Проведенные в 60—70-х гг. на территории Литвы, Латвии и Эстонии полевые исследования подтвердили мнение о том, что штрихованная керамика в эпоху поздней бронзы и раннего железа там также является доминирующей (Я. Граудонис, Е. Данилайте, В. Лыугас). В связи с этим начался пересмотр границ прежде установленного ареала культуры штрихованной керамики в сторону его расширения. Отсутствие ясных критериев привело к тому, что разные авторы эти границы теперь определяют по-разному. Такое положение затрудняет дальнейшее изучение этнокультурных процессов на территории Восточной Прибалтики и смежных районов.

В поисках решения проблемы территориальной группировки памятников штрихованной керамики представляется необходимым: а) определить основной ареал штрихованной керамики; б) основываясь на составе керамического комплекса в целом и морфологических особенностях штрихованной керамики в частности, выделить в этом ареале более мелкие локальные подразделения, в) выяснить связь этих подразделений и ареала в целом с другими археологическими материалами.

В ареал штрихованной керамики включены территории, где эта керамика является ведущей, а именно Эстония, Латвия, Литва (за исключением самой юго-западной ее части) и средняя полоса Белоруссии. Этот обширный ареал не оставался неизменным на всем периоде существования штрихованной керамики. В хронологии последней выделяются два периода: 1) последняя четверть II тыс. до н.э. — начала н.э.; 2) первая половина I тыс. н.э.

В первом периоде в ареале штрихованной керамики различаются северная, западная и южная локальные группы. Штрихованная керамика северной группы распространена на территории Эстонии, северной Латвии, на части Ленинградской и Псковской обл. Включать территорию Эстонии и северной Латвии в ареал текстильной керамики нет основания, ибо эта керамика там составляет 1—3% (В. Лыугас). Штрихованная керамика западной группы распространена в западной Литве и западной Латвии. Штрихованная керамика южной группы встречена в центральной и восточной Латвии, в восточной Литве и в северо-западной Белоруссии. В центральной Белоруссии в I тыс. до н.э.

была распространена милоградская культура (А. А. Егорейченко). Дальнейшее изучение керамики, возможно, позволит в пределах отмеченных групп выделить локальные варианты. В настоящее время такие отмечены в южной группе на территории Латвии (А. Васкс). Возможно, что штрихованная керамика северной группы имеет свои особенности на западе, в прибрежной зоне Балтики и на востоке.

Относительное сходство штрихованной керамики позволяет весь ареал рассматривать как более или менее единую историко-культурную область. Это единство обусловлено общностью происхождения штрихованной керамики на основе неолитических нарвских и поздненарвских культурных традиций при участии и некоторых других компонентов. Наличие же погребальных памятников нескольких типов не позволяет ареал штрихованной керамики в первом периоде рассматривать как территорию единой археологической культуры. Наблюдаемое соответствие погребальных памятников определенных типов выделенным локальным группам штрихованной керамики скорее может указывать на существование нескольких археологических культур.

Второй период развития штрихованной керамики начался с распространением сосудов остросеберных форм на большей части южной группы и исчезновением штрихованной керамики на остальной территории. Таким образом, ареал штрихованной керамики около рубежа эр сократился, охватывая теперь только юго-восточную Латвию, восточную Литву и среднюю полосу Белоруссии. Эта территория характеризуется культурной гомогенностью, которая выражается в керамике и в «отсутствии» могильников. Во втором периоде ареал штрихованной керамики соответствует той территории, которую А. Г. Митрофанов первоначально отводил ей.

Ранний период культуры штрихованной керамики протекает в пределах южной группы, охватывая, однако, не весь ее ареал. Территория ее до н. э. включала, вероятно, только восточную или юго-восточную Литву и западную Белоруссию.

А. Васкс

О ПОЗДНЕЙ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКЕ ВОСТОЧНОЙ ЛАТВИИ

В эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке на территории восточной Латвии наряду с другими типами лепной посуды была распространена и поздняя текстильная керамика. Данные об этой керамике рассмотрены в работах Х. Моора (1956), Э. Шноре (1961), Я. Граудониса (1967, 1974) и И. Цимермане (1968).

За последние 10—15 лет количество текстильной керамики возросло (известно 76 мест находок), в связи с чем возникли и

новые вопросы, в частности, вопрос о периоде бытования текстильной керамики. Согласно существующему мнению, эта керамика, сложившаяся в позднем неолите, наиболее распространенной стала в эпоху поздней бронзы и в начале железного века, т. е. в I тыс. до н. э. Основным ареалом ее была северо-восточная Латвия. Время от первых веков н. э. до V—VI вв. рассматривается как период постепенного исчезновения текстильной керамики.

В этой связи внимание привлекает неожиданно большое количество (70%) этой керамики на поселении первой половины I тыс. н. э. Кивты. Поскольку это противоречило сложившемуся представлению о динамике развития текстильной керамики, поселение Кивты среди синхронных поселений рассматривалось как исключение. Между тем выяснилось, что и на поселении Калнапиляс, датируемым тем же временем, текстильная керамика также доминирует (76%).

Чтобы ответить на вопрос, являются ли эти поселения исключением, был изучен материал и других памятников, содержащих текстильную керамику. С одной стороны это были городища, заселенные в I тыс. до н. э. (Кивуткалнс, Клангюкалнс, Мукукалнс, Брикули и др.), с другой — поселения и некоторые могильники первой половины I тыс. н. э. (Платеры, Усини, Эзены, Наудушева и др.).

В результате схема развития текстильной керамики на территории восточной Латвии представляется следующей. В I тыс. до н. э. в комплексах керамики превалирует штрихованная, текстильная же редко превышает 1%. Удельный вес последней несколько большим, видимо, был на северо-востоке Латвии, поскольку эта территория расположена ближе к основным центрам текстильной керамики северо-запада. В этот период восточная Латвия входила в ареал штрихованной керамики. В начале н. э. штрихованная керамика начинает исчезать (кроме юго-восточной Латвии, где она продолжает существовать до середины I тыс. н. э.). В даугавской зоне ведущей становится гладкостенная, в северо-восточной части — текстильная. Таким образом, в первой половине I тыс. н. э. в восточной Латвии выделяется ее северо-восточная часть с текстильной керамикой в текстильной керамике и каменными могильниками. Эта территория вошла в обширный круг текстильной керамики, образуя один из его локальных вариантов. Основной период расцвета текстильной керамики восточной Латвии, таким образом, относится к первой половине или даже ко второй четверти I тыс. н. э. В свете сказанного поселения Кивты и Калнапиляс не являются исключением, а хорошо вписываются в общую схему.

Дать однозначный ответ на вопрос, чем вызвано такое увеличение количества текстильной керамики, на существующей базе археологических материалов не представляется возможным. Можно лишь отметить, что, не отрицая наличие местных, но довольно-

слабых традиций текстильной керамики, нельзя исключать возможность притока нового населения на территорию северо-восточной Латвии в первых веках н. э., давшего новый импульс развитию керамики этого типа.

И. С. Манюхин

ПОЗДНЕКАРГОПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА

Позднекаргопольская культура изучена пока недостаточно. Имеются самые противоречивые суждения о ее датировке, происхождении и генезисе.

Сейчас известно более 60 позднекаргопольских поселений. Территория их распространения достаточно велика: от верховьев р. Сухоны и Кубенского оз. на юге, включая Белоозеро, до бассейнов оз. Лача, Воже и Водлоозера на севере. Топографически поселения тяготеют к местам впадения или истока рек из озер.

Помимо поселений известен один позднекаргопольский могильник на р. Кеме. Выявлены остатки трех погребений, представляющих собой небольшие линзы углистого песка, перемешанного с кальцинированными человеческими костями. В двух погребениях найдены железные ножи.

Основной категорией находок является керамика. Она лепная, обожженная на костре, с примесью дресвы и песка, реже растительности в тесте. Существовали чашевидные и горшковидные сосуды. Почти вся посуда орнаментирована. Узоры расположены в верхних частях сосудов.

По ряду признаков можно выделить две группы керамики. Одна из них генетически восходит к ананьинской традиции. Для нее характерны оттиски шнура в орнаментации, нередко оттиски широкого гребенчатого штампа и проташенного штампа, а также каннелюры. Верх сосудов иногда украшен валиками и воротничками. Другая часть сосудов восходит к сетчатой керамике. Для нее типичен орнамент в виде поясков и зигзагов, выполненных узким гребенчатым штампом. Оттиски этого штампа образуют иногда на внешней поверхности горшков узор в виде сетки. О существовании этих групп свидетельствуют гибридные типы керамики.

Позднекаргопольская посуда, особенно керамика ранних поселений, имеет много общего с керамикой Марийского и Казанского Поволжья, что заставляет предполагать между ними генетическую связь. Определенный вклад в позднекаргопольскую культуру могли внести и местные племена сетчатой керамики.

Металлических вещей очень немного. Они позволяют очертить и уточнить хронологические границы позднекаргопольской древности и поместить ее в рамки от VI—V вв до н. э. до V—VI вв н. э. По своему характеру часть изделий является привозной и находит аналогии в синхронных культурах Верхнего По-

волжья и Прикамья. Другая часть изделий — местная. Об этом свидетельствуют находки обломков глиняных литейных форм для производства гривен и браслетов. Обнаружены остатки одного горна и железные шлаки. Из железа изготовлялись ножи.

На памятниках в бассейнах озер Лача и Воже имеются костяные рукоятки для ножей и шильев. Подобные рукоятки известны на дьяковских городищах, где они датируются серединой — второй половиной I тыс. до н. э. Костяные гарпуны, наконечники стрел с треугольным и ромбическим поперечным сечением, тупые наконечники стрел широко бытовали в лесной полосе Европейской части СССР от эпохи железа до средневековья. Помимо костяных изделий известны каменные топоры из сланца, кремневые наконечники стрел и скребки.

Топография позднекаргопольских поселений, а также вещевой материал свидетельствуют в пользу занятия населения охотой и рыболовством. На некоторых изделиях имеется знак в виде ромба с крючками — символ широко известный, который трактуется как знак изобилия.

Позднекаргопольская культура возникает в результате прихода населения с территории Марийского и Казанского Поволжья в середине I тыс. до н. э. и существует до середины I тыс. н. э., а предположительно и в более позднее время. Ее развитие протекало не изолированно, постоянно осуществлялись связи с племенами Верхнего Поволжья и Прикамья.

В. А. Тюленев

НОВЫЙ ТИП ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ФИНСКОГО ЗАЛИВА. (К ПРОБЛЕМЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.)

В результате разведок последних лет все более отчетливо складывается картина распространения археологических памятников на северо-восточном побережье Финского залива. Разновременными, частично не атрибутированными объектами начинает заполняться территория от района г. Котка в Финляндии до северо-западного побережья Ладожского оз. Большую группу памятников составляют различные по виду наземные конструкции из камня, часть которых по внешним признакам аналогична погребальным сооружениям эпохи поздней бронзы на территории Финляндии. Среди каменных конструкций, выявленных на побережье Финского залива, выделяется группа сооружений, расположенных в 24 км к западу от Выборга. Они цепочкой протянулись вдоль западного берега длинного мыса, вдающегося с севера в Выборгский залив. Точное число конструкций визуально определить невозможно. Лишь некоторые из них прослеживаются в дерне в виде булыжных кладок прямоугольной формы.

Общая протяженность группы превышает 1 км. Расстояние между отдельными определенными сооружениями колеблется от 15 до 300 м. В центральной части наряду с правильными конструкциями прослеживаются хаотичные набросы булыжников и обломков камня и видны бесформенные курганообразные каменные кучи. Постоянным показателем для всей системы сооружений является их практически одинаковое удаление от берега залива. В среднем оно составляет 25 м.

С целью атрибуции памятника в 1984—1986 гг. в центральной части группы проведены разведочные раскопки трех отдельных сооружений с внешними признаками правильных кладок из валунов. Все они имели одинаковую конструкцию и только незначительно различались в деталях, размерах и степени сохранности.

Центральную часть каждого сооружения составляла компактная группа из 4—7 плотно составленных крупных валунов, которые на высоту до 0,5 м возвышались над поверхностью земли. Они были выровнены по высоте и представляли собой столообразное возвышение с плоской горизонтальной поверхностью. Все валуны сильно обожжены, растрескались или лопнули явно от воздействия обжига. В центре между ними в первоначальном варианте, возможно, находилось пустое пространство. Центральную группу камней во всех случаях по периметру окружала прямоугольная (4×4 м) в плане кладка из булыжников, имевшая вид ограды, ориентированной с небольшим отклонением по странам света. Внутренняя лицевая кладка ограды явно подчеркнута плоскими сторонами отдельных камней, положенных на высоту от одного до трех рядов. Внешняя граница распространения камней ограды не прослеживается. Как правило, они здесь лежат в виде хаотичной вымостки в несколько рядов. Расстояние от камней ограды до центральной группы составляет от 0,4 до 1,2 м.

Заполнение между камнями сооружений — дерн или лесной чернозем, лежащий прямо на материке. Между центральными группами камней и оградками отмечено небольшое понижение материка, образующее своего рода прямоугольный в плане ровик. Пространство между центральными камнями помимо дерна содержало суглинок с большим количеством углей. Там же были сосредоточены мелкие кальцинированные кости и обломки необожженных костей животных. Отдельные кальцинированные и не сгоревшие кости и угольки встречены также среди камней в пределах сооружений. Участки их сосредоточения имели овальную форму, удлинённую в направлении север — юг, и иногда выходили за оградки. Но во всех случаях угли и кости максимально концентрировались на пространстве между центральными камнями.

Анализ остеологического материала, проведенный в лаборатории ЛОНА Н. М. Ермоловой, показал, что все кости без исклю-

чения прошли различную стадию обжига. Определенные экземпляры принадлежали козе, овце и свинье.

Среди кальцинированных костей выявлены эпифизы человека.

Таким образом, вся группа сооружений является погребальным памятником с захоронениями по обряду трупосожжения на месте. Погребения в одном сооружении могли быть неоднократными. В пользу этого свидетельствует различная степень обжига камней в разных сооружениях, сочетающаяся с количеством кальцинированных костей. Обломки костей животных могут относиться к остаткам тризны.

Безусловно, особую роль в характеристике погребального памятника играет вещевой инвентарь, он чрезвычайно беден. В первом из раскопанных сооружений найдены: активный абразив для заточки железных изделий со следами использования, правило для древка стрел, кремневое кресало (анализ предметов проведен Г. Ф. Коробковой). Кроме того, отсюда происходит явно побывавший в огне листовидный черешковый наконечник стрелы VI—VIII вв.

Инвентарь из второго погребального сооружения представлен тремя сланцевыми заготовками точильных камней, обломками трех гвоздей и бесформенным куском железистого окисла с пористой структурой. В третьем сооружении, где отмечено минимальное количество костей и угля, найдены только бесформенные железные шлаки и оплавленная бронза.

Совершенно очевидно, что по имеющемуся пока материалу чрезвычайно трудно судить о населении, оставившем эти погребальные конструкции. Скорей всего, могильник оставлен западной группой прибалтийско-финского населения. Во всяком случае уже ряд исследователей и в нашей стране и в Финляндии, где распространены эти памятники, считает прямоугольные оградки, трансформировавшиеся из каменных ящиков, характерным признаком западнофинского населения.

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В. А. Буров

«ЯРОСЛАВЛИ ГРАМОТЫ»

«Ярославли грамоты» упоминаются в новгородских летописях и актовых документах в первой половине XIII в. Немногочисленные свидетельства о них поставили перед исследователями целый ряд вопросов: 1. Насколько достоверен сам факт существования грамот Ярослава? 2. Когда и каким именно князем Ярославом были даны эти грамоты Новгороду? 3. Сколько было грамот? 4. Что они из себя представляли? 5. Каково было значение этих документов для судеб Новгорода?

Поиски ответов на перечисленные вопросы начались еще в XVIII в. Однако за более чем двухсотлетний период историки так и не пришли к единому мнению по большинству вопросов.

Практически все исследователи признают существование «Ярославлих грамот» как неоспоримый факт. Как отметил в 1875 г. Д. Д. Сонцов, никто из князей не оспаривал грамот Ярослава и целовал крест, заверяя тем самым свое полное согласие с их существованием. Прямое указание на грамоту Ярослава имеется в Новгородской Первой летописи, где помещен список русских князей: «А Володимер роди Ярослава, его же грамота в Новгороде».

Историки единодушны во мнении, что грамоты дал Новгороду Ярослав Мудрый во время борьбы со Святополком за киевский стол.

Было две грамоты. На это прямо указывает изображение на одной из миниатюр Никоновской летописи, что отметил еще А. В. Арциховский. Однако этот факт обойден вниманием исследователей.

Первая грамота была дана новгородцам в 1019 г., когда Ярослав утвердился в Киеве и «нача вои свои делити, старостам по десяти гривен, а новгородцам по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им правду и устав списав, тако рекши им «по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите».

Обращение к «Повести временных лет» и летописям (отрывки о крещении Ольги, смерти Владимира, мести Ярослава) показывает, что слово «правда» до середины XI в. имело три значения: 1) языческие обычаи, которыми недовольна церковь; 2) обычное право, в частности, право кровной мести; 3) справед-

ливость. Все три значения могут быть сведены к одному — право. Варварское право было гораздо шире по объему и функциям, чем это принято представлять, и тесно связано с религией. Оно было освящено языческими богами. Право и справедливость — синонимы: источником права считался бог, отсюда право не могло быть несправедливым (А. Я. Гуревич).

«Правда» и «устав», данные Ярославом Новгороду, и составляли грамоту. Это Древнейшая Правда (статьи 1—18 Краткой редакции). «Правда» — подзаголовок к первой статье о кровной мести, связанной с обычным правом. «Устав» — остальные статьи 2—18, содержащие перечень штрафов за конкретные нарушения. Следовательно, первая грамота Ярослава представляла собой записанное положение из обычного права с дополнениями, установленными князьями. Иными словами, это был судебник. По названию первой статьи грамота стала называться Правдой. Во второй половине XI — начале XII вв. само слово «правда» уже означало конкретный закон — Правду Русскую.

О второй грамоте сообщает летопись под 1035 г. «По сей грамоте дадите дань». Отсюда следует, что Новгород до 1035 г. не платил дань Киеву, ровно 20 лет с 1015 г. Сохранение новгородцами этой грамоты Ярослава Мудрого свидетельствует о том, что она служила подтверждением существовавшего ранее договора о податных привилегиях, данных Новгороду. Примечательно, что под 1229 г. в летописи упоминаются «Ярославли грамоты», а затем сообщается, что князь «вда свободу смердом на 5 лет дани не платити».

Грамоты Ярослава представляли договор князя с новгородской общиной о соблюдении права. В 1015 г. Ярослав, казнив новгородцев без всякого суда («обольстив, их, иссече»), выступил как правитель с неограниченной властью. Тем самым он нарушил право — существовавшую веками «правда», «погубил правду». Дав «правду» и «устав», князь тем самым представил письменные гарантии того, что произвол и самосуд не повторятся, что он будет действовать по «правде» и установлениям князей. Князь не мог лишиться жизни новгородца без суда. Жизнь новгородца охранялась правом кровной мести или вирой. Отсюда невыплаченную Новгородом за 20 лет дань следует трактовать как своеобразную виру за убитых Ярославом новгородцев. Размер виры составил 40000 гривен (40 гривен виры × 1000 убитых = 40000). Каждый год в счет виры шло 2000 гривен.

Наша трактовка событий 1015—1019 гг. и «Ярославлих грамот» подтверждается наблюдениями за правом в средневековой Западной Европе, где король, вступая на престол, присягал праву. Правитель должен уважать обычай и править в соответствии с ним. Крестоцелование новгородских князей и целование ими «Ярославлих грамот» и было присягой праву, обычаям в понятие которых, очевидно, входил целый комплекс представлений, в том числе обычай самоуправления. Отсюда «Ярославли грамо-

ты» явились важным этапом во взаимоотношении новгородской общины с князем, гарантией незыблемости древних порядков.

Т. Н. Джаксон

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА В ИСЛАНДСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ XIV в.

Самый полный в древнескандинавской письменности перечень древнерусских городов содержится в географическом трактате, входящем в компиляцию древнеисландских произведений, известную под названием «Книги Хаука» (1323—1329 гг.): «...Руссия, которую мы называем Гардарики. Там такие главные города: Moramar, Rostofa, Surdalar, Holmgardr, Surnes, Gadar, Palteskia, Koenugardr». Из восьми названных здесь городов шесть практически однозначно отождествляются исследователями с Муромом, Ростовом, Суздалем, Новгородом, Полоцком и Киевом. В некоторых работах Surnes с известными оговорками соотносится с Черниговом; единственное встретившееся нам в литературе толкование топонима Gadar — «Городец, в Минск. губ.». Предложенные варианты, однако, кажутся сомнительными по той причине, что в таком случае нарушается тщательно соблюдаемый автором трактата порядок подачи географического материала. Если за топонимами Surnes и Gadar стоят реальные города, то искать их надо во Внешней Руси. Всего вероятнее — в Днепро-Двинском междуречье, поскольку, кроме пути на Русь через Финский залив (Kifjalabotn), Ладогу (Aldeigja, Aldeigjuborg), цепочку укрепленных поселений вдоль Волхова, получившую в древнескандинавской письменности название Gardar, и Новгород (Holmgardr), лишь Западнодвинский путь хорошо представлен в древнескандинавской этно-, топо- и гидронимии мыс Колкасагс (Domesnes), о. Рухну (Rupö), земгалы (Saemgallir), Западная Двина (Dyna или Seimgoll Duna), Ерсика (Gerseke-borg), Полоцк (Palteskia), Смоленск (Smalskia), Днепр (Neptr). Более того, в рассматриваемом географическом сочинении отсутствует Смоленск, обычно называемый в аналогичных источниках при перечислении древнерусских городов.

Археологические материалы позволяют представить Днепро-Двинское междуречье не только как перекресток торговых и военно-политических магистралей внутреннего значения, но и как узел торговых путей, связывавших страны Восточной, Северной и Западной Европы с Византией и Востоком. Естественно, что этот район был хорошо известен скандинавам: к IX в. восходят здесь отдельные находки скандинавского происхождения и целые комплексы. Возникший в IX в. в верховьях Днепра (в 12 км от Смоленска) Гнездовский комплекс рассматривается исследователями как полиэтничное поселение, включавшее, наряду со славянским и балтским, скандинавский этнический компонент. «Гнез-

дова» летописи не знают. Напротив, «Смоленск», самые ранние слои которого датируются лишь второй половиной — концом XI в., появляется в Устюжском летописном своде под 862 г., в Новгородской первой летописи — под 882 г., не говоря уже о недатированной части «Повести временных лет». Принимая господствующее сейчас мнение, что Гнездово есть «древнейший Смоленск», можно заключить, что летописец XII в. имел какие-то сведения о существовании княжеско-племенного центра кривичей в верховьях Волги, Двины и Днепра, но ретроспективно перенес на него имя хорошо известного в его время центра Смоленской земли.

По аналогии с целым рядом городов, расположенных в притоке малой реки в большую и получивших имя по этому притоку, можно с достаточной долей вероятности допустить, что Гнездовский комплекс носил имя, образованное от правого притока Днепра — небольшой речки Свинец, на мысу которой находилось Центральное гнездовское городище. Оно должно было быть оформлено при помощи весьма продуктивного суффикса -ьскъ, наиболее характерного для Северной Руси, доминировавшего в названиях городов в самый ранний период, использовавшегося для образования вторичных топонимов (в частности, от гидронимов), и иметь, соответственно, вид «Свинеческъ, Свинечск».

Именно это название могло самым естественным образом перейти в древнескандинавское Surnes. Как показывает проведенный нами анализ, все наименования древнерусских городов в скандинавских источниках представляют собой воспроизведение фонетического облика адекватных им иноязычных (т. е. местных) топонимов. Surnes означает «свиной мыс». Таким образом, транскрибирование названия «Свинечск» и сопутствующее народно-этимологическое его преобразование (-нечск, -нес («мыс»)) могли здесь идти параллельно с калькированием первого корня (sýr = «свинья»), легко осуществимым в полиэтничной среде «древнейшего Смоленска».

Этимология второго загадочного топонима «Книга Хаука» — Gadar — не ясна. Не было понятно это слово и писцам XVII в., ибо в одном списке на полях, а в другом и прямо в тексте Gadar заменено на Gardar, что применительно к Руси может быть переведено, как «города (=укрепления)». Однократность упоминания топонимов исключает возможность определенных и окончательных выводов. Тем не менее, нам представляется вполне допустимым рассматривать пару слов «Surnes Gardar» (правильнее было бы в ед. ч. — Surnes gardr) как обозначение укрепленного поселения на мысу реки Свинец.

Исследователями установлено, что возведение первоначального укрепления (вала) на территории Центрального гнездовского комплекса происходило не позднее второй трети X в. X век — время расцвета Гнездова. Охватывающий полукольцом городище и селища курганный могильник насчитывает к исходу X в. не менее трех тысяч насыпей. На рубеже X—XI вв. и в пер-

вой половине XI в. поселение в устье Свинца приходит в упадок. Во второй половине или в конце XI в. город возрождается на месте нынешнего Смоленска. Соответственно, список городов в «Книге Хаука» должен восходить ко второй половине X в. — времени активного функционирования Гнездовского укрепленного поселения на речке Свинец.

О. В. Овсянников

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА XIV—XV вв.

Наиболее выразительную группу памятников Русского Севера составляют укрепленные поселения — городки, которые уже во второй половине XIX в. попали в поле зрения ученых и краеведов (А. А. Спицын, В. Н. Глазов, А. Г. Тышинский, К. П. Рева и др.).

Новейшее изучение городищ несмотря на то, что реальная история этих укрепленных поселений археологически прослежена еще недостаточно, все же дало ценные сведения для изучения каменных и дерево-земляных оборонительных сооружений, жилищ и других элементов материальной культуры.

Орлецкий городок (1342—1398 гг.) известен по летописному рассказу о драматических событиях на Двине, во время которых Орлец в 1397 г. стал военным и административным центром «всей Двинской слободы», перешедшей на сторону московского князя. В настоящее время городище имеет в плане трапециевидную форму, оно расположено на высоком мысовом участке берега Северной Двины близ Холмогор. Это единственное на территории Архангельского Севера древнерусское городище со сложной планировочной структурой: детинец и посад, опоясанный дополнительными валами. Как оказалось, детинец имел стены, сложенные из местного известняка. Регулярная каменная кладка сохранилась на протяжении 300 м (ширина стен 2,8 м, характер кладки: лицевая кладка сложена из мощных известняковых блоков на известковом растворе, внутренняя часть забутована мелким плитняком). На стыке северного и западного прясел детинца раскопана проезжая четырехугольная башня, сохранившаяся на высоту до 2 м (внешние размеры башни 2×8,5 м, в проезжей части — вымостка из плит, уложенных насухо). Орлецкий каменный кремль можно считать шестой летописной каменной крепостью Северной Руси. Он интересен тем, что наряду с архаичными чертами, отчетливо видны и прогрессивные тенденции в русском каменном оборонном зодчестве первой половины XIV в. (прямолинейность стен детинца, несомненная тенденция к регулярности общей планировки). Посад был укреплен валом с мощной деревянной конструкцией внутри и обкладкой из плитняка у основания, на валу возвышались деревянные оборонительные сооружения (ширина вала у основания — 11 м, верхняя площадка —

5 м, высота — 2 м). Культурный слой на посаде, вероятно, полностью распахан, а на детинце имел мощность до 1 м. Орлец возник как укрепленная боярская усадьба Луки Варфоломеева, и получил дополнительные оборонительные сооружения в 1397 г. в связи с оформлением его как центра Двинской земли.

Емецкое городище (210×30 м), на притоке Двины — Емце, расположено на длинном мысу, между двух озер, с напольной стороны имеет ров и вал. Оборонительные конструкции представлены клетями — городнями, стоявшими в ряд и примыкавшими к насыпному валу. Внутри клеток — следы очагов. На песчаную насыпь клеток и на основную площадку вала была поставлена деревянная крепостная стена, передняя ее стенка рублена в два бревна. При расчистке клеток обнаружены: керамика, железные наконечники стрел, оплавившиеся бронзовые украшения. Выявлены углубленные в землю части жилищ. Городище датируется последней четвертью XV в.

Вотложемский городок стоит в 14 км выше устья р. Вычегды, на высоком берегу Северной Двины (165×65 м), с напольной стороны окружен мощным валом (высота до 4 м, ширина до 15 м) и рвом. При прорезке вала выявлены два строительных периода. Оборонительные сооружения конца XV в. представляли собой вал до 3,5 м высотой, к которому со стороны городищной площадки примыкали клетки — городни размером 2×4 м. На площадке вала, как и в Емецком городке, стояла деревянная стена. Городок погиб во время штурма во второй половине XV в. В начале XVII в. вал был подсыпан и в нем сооружена новая крепостная стена.

Важский городок (60×78 м) расположен на правом берегу р. Ваги, на одном из мысов второй надпойменной террасы, с напольной стороны площадка отделена валом и рвом. Раскопки 1906 г. В. Н. Глазова подтвердили, что культурный слой памятника погиб. Раскопки последних лет выявили остатки сгоревших деревянных оборонительных конструкций: на высоту до 1 м сохранились фрагменты деревянных срубов-городен, подпиравших насыпь вала. В двух отсеках городен выявлены следы деревянного пола, засыпанного обгорелой рожью. На насыпном валу стояла рубленая крепостная стена (ширина до 2 м). Вещевых находок мало, но они выразительны: ножи с костяными ручками, долото, свинцовая гирилка, обрезки моржевой кости. Интересен бронзовый крест-энколпион. На одной стороне — центральная композиция — Спаситель с предстоящими, на другой — поясное изображение Николы-чудотворца, на обеих сторонах — клейма с евангелистами. Для социальной интерпретации памятника важны: находка свинцовой печати третьей четверти XV в. владычного наместника на Двине Артемия Дементьевича, и остатки углубленных частей наземных жилищ (размеры 3,3×3,2 м, глубина от материка 0,6—1 м).

Вероятнее всего, эти северные городки XIV—XV вв. были ук-

репленными центрами боярских вотчин. Находки (запасы зерна, жернова, серп и т. д.), тип жилищ свидетельствуют о сельском характере этих поселений. В то же время на ряде памятников обнаружены довольно значительные по объему остатки железноделательного производства, необходимого для обслуживания феодалного хозяйства. Средняя площадь укрепленных поселений 3—7 тысяч кв. м. С другой стороны, определенные «городские» черты этих поселений проявились прежде всего в планировочных и конструктивных элементах оборонительных сооружений, в концентрации ряда производств. После потери Великим Новгородом независимости и ликвидации на Двине и Ваге боярского земледелия укрепленные центры бывших вотчин прекращают свое существование.

А. В. Чернецов

ПОСОХ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Русские архиерейские посохи XV в. представляют значительный исторический интерес как произведения прикладного искусства, а также в связи с имеющимися на них надписями. Хранившийся в Новгороде посох московского митрополита Геронтия (1473—1489 гг.) украшен уникальной серией зооморфных образов. Хранившийся в ризнице Псковского Троицкого собора посох новгородского владыки Евфимия интересен помещенной на его серебряной рукояти надписью с датой 1436. По-видимому, к XV в. следует отнести резной посох, приписываемый Никите Новгородскому (1096—1109 гг.) с его специфическим набором изображений святых.

Так называемый посох Стефана Пермского (+1396 г.), украшенный резьбой по лосиному рогу с изображением сцен «деяний» этого миссионера, сопровождаемых многочисленными надписями, представляет собой интересный памятник северорусского прикладного искусства, и вместе с тем своеобразный и чрезвычайно информативный исторический источник.

Относительно примитивный характер резьбы и использование недорогого материала указывает на местное происхождение вещи. Скорее всего посох первоначально был изготовлен для какого-то великопермского епископа, а позднее наряду с другими вещами попал в Москву в связи с переносом епископской кафедры из Усть-Выми в Вологду (в дальнейшем посох оказался в Супрасле, и, наконец, в Перми). То что надписи посоха сделаны на древнерусском языке, а древнепермская письменность и алфавит, изобретенный Стефаном, не использованы, свидетельствует в пользу того, что посох был изготовлен монахами русского происхождения, находившимися в пределах Великопермской епархии.

Палеографические данные не дают оснований для датировки посоха ранее середины XV в. Поскольку Стефан не назван в надписях святым и постоянно именуется епископом, изготовление

посоха следует датировать более ранним временем, чем оформление культа Стефана в качестве святого. Начало местного почитания Стефана в качестве святого следует датировать по составлению в его честь службы с канонами в 1473 г. по заказу великопермского епископа Филофея Пахомием Сербом.

Уникальная в своем роде деятельность Стефана Пермского — миссионера XIV в., известного созданием письменности на языке коми и переводами на него ряда библейских и богослужебных текстов, представляет большой интерес как для культурной, так и для политической истории. Скудость сведений о жизни миссионера, а также о формировании вокруг его имени легендарной традиции, заставляет уделять серьезное внимание любым ранним упоминаниям о Стефане.

Сцены деяний Стефана, анализируемые на основании сопоставления надписей и изображений на посохе, не соответствуют его житию, написанному Епифанием Премудрым, а также сокращению этого жития, сделанному Пахомием. Они находят частичное соответствие в записанных в позднейшее время легендах о Стефане, а также в Вычегодско-Вымской летописи XVI в. Ряд эпизодов, отраженных в надписях и резьбе посоха, неизвестен по другим источникам и, очевидно, отражает пока неизвестную версию жития Стефана, характеризующуюся повышенным интересом к сверхъестественному. Если в тексте жития, написанного Епифанием, постоянно подчеркивается, что Стефан занимался миссионерской деятельностью в одиночку, то на резных композициях посоха его сопровождает ряд сподвижников (сцена поисков идола; крестный ход «с собором» ко граду «неверных»). В данном случае надписи и композиции посоха, по-видимому, более правильно отражают историческую действительность.

Ряд специфических черт резьбы, несомненно, отражает реальные особенности местной жизни. Это связки мехов в качестве платежного средства, облаченная в богатые одежды фигура идола, представленная в роще под открытым небом. Привлекают внимание изображения кораблей, оружия и одежд «неверных». Укрепленные поселения коми-язычников последовательно предстали в виде крепостей с многоэтажными башнями.

Н. Н. Чеснокова

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Тему документируют археологические материалы пятидесяти поселений, пяти могильников, четырех святилищ, объединяемых с 1950-х гг. (А. С. Сидоров, Г. М. Буров) в ванвиздинскую культуру. Памятники датируются в пределах второй половины I тыс. н. э. с некоторыми разногласиями между исследователями: от IV до VIII вв., по мнению Г. М. Букова; от VI до IX вв., по мне-

нию Э. А. Савельевой; от VI—VII до начала XI вв., по мнению автора. Основной предмет дискуссий составляет проблема происхождения и этнического содержания археологической культуры, ее историческая судьба в связи с этногенезом коми. Но уточнения и систематизации требуют и многие частные источниковедческие вопросы.

Все поселения открытые находятся на краях бортовых террас крупных рек и их стариц, вытянуты вдоль них узкой полосой. На достаточно исследованных поселениях выявлено от одного до трех участков с интенсивным культурным слоем площадью 50—80 кв. м, отличающихся темным цветом почвы и концентрацией находок. При двух-трех участках между ними наблюдается интервал 30—50 м (поселения Лозым, Усогорск III, Зеленец; на поселении Вис II, однако, участки смыкались). В условиях тонкого культурного слоя (0,1—0,2 м в среднем) и несохранении в песчаной почве древесных останков эти участки условно принимаются за остатки построек. Они имеют прямоугольную форму, в ряде случаев оконтурены цепочкой небольших расколотых камней. На Лозымском поселении, где более выражены котлованы построек (до 0,5 м глубиной), устанавливается их общая планировка: состоят из двух смыкающихся торцами прямоугольных камер и пристройки с тыльной стороны (производственного характера), выходы обращены к реке.

Повсеместно известны очаги наземного типа, округлые, нередко окруженные мелкими колотыми камнями, чрезвычайно насыщенные керамикой (элемент конструкции?). По материалам Лозыма их было по два-три, и располагались они в левом углу напротив выхода. На поселении Усогорск III (раскопки А. М. Мурыгина) обнаружены очаги иного типа: с деревянной опалубкой прямоугольной формы и на овальной глинобитной подушке. На двух поселениях известны кострища в ямах (Зеленец, Ягкоджты, изученное Г. М. Буровым), на Лозыме — кострище курганообразной формы. Последние, видимо, находились вне построек, но примыкали к ним.

Постройки предполагаются наземными срубными. В их срединных частях обнаруживаются столбовые ямки, однако определенная реконструкция пока не удастся. За пределами построек прослеживаются параллельные ряды попарно расположенных столбовых ямок.

Повсеместно на поселениях обнаружены ямы подпрямоугольной формы глубиной 0,7—1 м, иногда со ступеньками и выступами. Стенки их в некоторых случаях неравномерно укреплены галькой. Ямы содержат значительное количество керамики, костей животных, но в то же время в них встречаются и вещи, в том числе украшения. Последнее несколько противоречит традиционной интерпретации ям как хозяйственных. Порядок расположения ям относительно построек различен.

Состав находок на ванвиздинских поселениях характеризует

их как комплексные хозяйства. Очевидны различия между поселениями западной части ванвиздинской территории (нижняя и часть средней Вычегды, Мезень) и ее восточной части (часть средней и верхняя Вычегда, верхняя и средняя Печора).

Охотничье население западной части ареала повсеместно занималось металлообработкой: на всех поселениях зафиксированы свидетельства литья и плавки меди (в тигельках чашевидной и рюмкообразной формы), обработки железа. Пути поступления сырья недостаточно ясны. Обнаружены каменные литейные формы — указание на достаточно высокий уровень производства. Находки соответствующих инструментов документируют развитие различных домашних промыслов и занятий на этих поселениях.

На более восточных поселениях металлургия и металлообработка существенно не представлена, как нет пока и обычных для западного района находок железных ножей, пряслиц и т. д. Наконечники стрел здесь не железные, а костяные. Массовыми находками являются кремневые скребки.

Малочисленность определимого остеологического материала не допускает завышенных интерпретаций, но факт присутствия в ванвиздинском хозяйстве животноводческого элемента теперь бесспорен по крайней мере для двух поселений — Виса II и Зеленеца (некоторые прежние определения опровергнуты, но появились и новые материалы). Определены останки коровы и овцы (козы). Оба поселения — в западной части ареала.

Отсутствие поселений, которые давали бы дискретные даты для ограниченных микрорайонов, не позволяет сделать выводов о динамике хозяйственных занятий, трудноразделимы хронологический и этниграфический факторы.

Совершенно не исследована идеологическая сторона жизни на ванвиздинских поселениях. Прояснению вопроса о пространственно-временных представлениях должна способствовать работа по выявлению планиграфии поселений в абсолютно полных их границах: необходимость ее осмыслена только в последние годы. Определенные результаты дает анализ изобразительного искусства. Удастся, в частности, связать некоторые элементы оформления керамики с назначением данной посуды, а следовательно реконструировать некоторые фрагменты предметной среды производственной обрядности. Более пристальное внимание обращено на находки предметов пермского звериного стиля на поселениях. Вероятно, существенен факт нахождения их в южных частях поселений. Изучение образов, переданных на этих предметах, приводит к отказу от традиционного завышения этнокультурной специфики этого искусства: его основные мотивы и их реализации связаны с индоевропейскими традициями, его развитие представляется укладываемым в рамки закономерностей их развития. Отсюда следует дополнительный аргумент в пользу высказанной Э. А. Савельевой и поддержанной автором точки зрения на историческую судьбу ванвиздинской культуры в целом: она стала

базой для сложения культуры древних коми при дальнейшем включении достаточно родственного юго-западного и западного компонентов.

В. Н. Седых

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТИМЕРЕВЕ

Материалы Тимеревского археологического комплекса под Ярославлем являются ключевыми для решения многих проблем раннесредневековой истории Северо-Восточной Руси. В 1983 г. Ярославская экспедиция Ленинградского университета возобновила работы в зоне комплекса. В связи с происшедшими в этом микрорегионе изменениями был составлен новый план. При этом были выявлены новые участки выходов культурного слоя поселения, которые по подъемному материалу и небольшим разведочным раскопкам могут быть датированы временем не ранее XI в.

На поселении работы велись на двух участках. В центральной части вскрыто 200 кв. м площади. Обнаруженные здесь остатки построек и ям датируются концом X и началом XI вв. Следует отметить находку черепа коня в основании одной из построек. Второй раскоп (300 кв. м) заложен на границе поселения и могильника. Здесь исследованы остатки двух жилищ столбовой конструкции с углубленным до 0,75 м в материк основанием и очагом в юго-западной части. Площадь одной из них около 25 кв. м, другой — более 40 кв. м. В инвентари построек входили арабские серебряные монеты конца VIII — начала IX вв., кусочки янтаря, изделия из бронзы, железа и стекла, четырехсторонняя литейная формочка, льячка и др. В пределах пятна одной из построек на уровне материка обнаружен скелет женщины, ориентированный на запад. При нем найдены две золотостеклянные бусы. Обнаруженные на участке постройки относятся, очевидно, к начальному этапу существования поселения.

В 1984—1985 гг. в могильнике исследована насыпь кургана 297, имевшая следы грабильских раскопок. Это одна из четырех самых больших насыпей могильника — диаметр ее около 16 м, высота 1,5 м. Под насыпью, в основании которой впервые прослежены ровики, открыты остатки двух погребений женщин: взрослой (30—45 лет) и девочки-подростка (11—13 лет). Погребения совершены по обряду труположения головой на запад в яме размерами 1,6×2,6 м и глубиной до 0,25 м. Последняя имела настил пола и перекрытие. В западной части ее зафиксированы три столбовые ямки, входившие, вероятно, в конструкцию козырька камеры.

На поясе погребенной женщины находилась серебряная подковообразная фибула из рубчатой проволоки, костяной игольник с набором железных игл на серебряной цепочке, железные пружинные ножницы и нож, деревянная рукоятка которого обмотана

серебряной проволокой. Ворот одежды погребенной был обшит полосками шелка, украшенными плетеной тесьмой из золотых нитей. В ногах найдены бусы стеклянная и горного хрусталя, а также два лепных сосуда.

На груди девочки найдены две овальные скорлупообразные фибулы (тип 51К по Я. Петерсену), бусы стеклянная и горного хрусталя, на поясе — привеска из дирхема. В области кисти левой руки обнаружен серебряный перстень с сердоликовой вставкой, надетый на коготь медведя. Рядом найден еще один коготь, что дает основание предполагать, что в могилу была положена медвежья лапа, символизирующая обручение с «хозяином»-медведем. Вероятно к этому же погребению относится и лепной сосуд, найденный в грабительской яме, которая нарушила нижнюю часть скелета погребенной.

Вдоль западного и восточного бортов могильной ямы были положены частично сожженные доски борта ладьи с заклепками. У юго-западного угла могилы на борту стояло деревянное ведро. К востоку от камеры зафиксированы каменная кладка длиной 6,5 м и шириной 2,1 м, ориентированная по линии С-Ю, а также кострище с остатками сожженных деревянных конструкций, камней и кальцинированных костей. Остатки сожжения (погребение 3?) были частично ссыпаны в ведро, частично помещены в конусообразные ямки. Обряд погребения (камера), инвентарь, наличие остатков сожженной ладьи и другие детали позволяют отнести исследованные погребения к скандинавским и датировать его временем бытовая фибул указанного типа, то есть второй — третьей четвертью X в. В камере были захоронены представители феодализирующейся знати.

В насыпи и основании кургана, а также в исследованном на площади 12 кв. м межкурганном пространстве обнаружены материалы эпохи поздней бронзы (керамика, кремневые наконечник и пластинки, остатки ямы, возможно, жилища, борозды на уровне материка и т. п.).

Проведенные работы в зоне Тимеревского археологического комплекса еще раз показали перспективность и необходимость дальнейшего исследования могильника и всего комплекса в целом.

И. Л. Станкевич

ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВВЕДЕНСКОЕ В ЯРОСЛАВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Поселение Введенское является одним из древнерусских селищ на правом берегу Волги, в 34 км ниже по течению от Ярославля. Экспедиция Ярославского университета ведет на нем раскопки с 1983 г.; к настоящему времени исследовано 990 кв. м из общей площади около 1 га. Культурный слой мощностью около 0,5 м не подвергался распашке. В нем обнаружены остатки на-

земных, по-видимому, срубных (дерево не сохранилось) построек с подпольными ямами, печами-каменками и каменными вымостками — подкладками под стены. Этот тип построек более характерен для южных регионов. Выделяются два строительных горизонта. Ранний датируется X—XI вв. по следующим находкам: золотостеклянная лимоновидная бусина, ширококорая подвеска-лунница, костяные односторонние гребни и футляр к ним, копушки сарского типа, ключи от навесных замков типа А, серебряный саманидский дирхем, чеканенный при эмире Нухе II (979—997 гг.) с именем халифа Ат-Таи. Хотя один из обнаруженных в этом комплексе наконечник стрелы (тип 16 по А. Ф. Медведеву) датируется VIII—XI вв., наличие здесь, наряду с преобладающей лепной, примерно трети гончарной керамики не позволяет удревнить время основания поселения до IX в.

Поздний строительный горизонт наиболее насыщен находками, включающими как орудия сельского хозяйства, так и рыболовного промысла, ремесел, домашних производств. Встречено шиферное пряслице с буквами «ПЛ». Есть ряд привозных украшений (сирийские стеклянные бусы, по-видимому, должны быть отнесены к раннему комплексу и попали в верхний слой в результате перекопа; непосредственно к позднему комплексу относятся византийские и киевские стеклянные бусы, а также бусы из горного хрусталя, янтаря и сердолика). В этом комплексе встречены предметы христианского культа — крестики-тельники, энколпион и подвеска-иконка с изображением богородицы с младенцем. Основная масса находок позднего комплекса имеет даты от конца XI до XIII вв., однако несколько датирующих вещей заставляют считать поселение Введенское просуществовавшим до XIV в. включительно (ключ от навесного замка типа Г, железные шпильки от прялок, золотоордынская кашинная дольчатая бусина с бирюзовой поливой).

Большая насыщенность культурного слоя Введенского по сравнению с аналогичными верхневолжскими селищами, вероятно, была вызвана расположением его на Волжском торговом пути, а также близостью к Ярославлю. Следов внезапных разрушений на поселении не обнаружено. Оно должно было пережить как упомянутый в Типографской летописи под 1152 г. поход волжских болгар на Ярославль, так и монгольское нашествие. Не исключено, что маршрут монгольских отрядов не затронул этот участок волжского побережья. Прекращение жизни на поселении в XIV в. было, скорее всего, вызвано изменением водного режима — поселение было перенесено на возвышенность.

Обнаружены остатки курганного могильника, располагающегося ниже по течению Волги, на расстоянии полутора км. Сохранилось 7 полусферических насыпей.

А. П. Моця

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ IX—XIII вв.

В разные годы в 180 пунктах Среднего Поднепровья исследовано свыше трех тысяч погребальных комплексов IX—XIII вв.: около 100 погребений с остатками кремации на стороне около 200 трупосожжений на месте захоронения, свыше 1700 трупоположений под курганными насыпями, более 1000 бескурганных трупоположений в грунтовых ямах, значительное число каменных гробниц (саркофаги, усыпальницы), несколько коллективных могил, свыше 110 кенотафов. Помимо славянских погребальных памятников в разных частях среднеднепровской территории исследовано около 170 могил средневековых кочевников, основная масса которых сконцентрирована в Поросье.

Наибольшее число славянских некрополей сосредоточено в округе Киева, в районах Черникова — Любеча, Коростеня — Овруча, в Поросье и Посулье, что свидетельствует об особенно высокой плотности населения в этих частях Среднего Поднепровья. Количество могил на отдельных некрополях разное — от нескольких десятков до нескольких сотен. В отдельных случаях (Ягнятин, Липовое, Зеленый Гай) удалось зафиксировать тысячу и более курганов. Курганные насыпи на площади могильника размещены бессистемно, на грунтовых некрополях прослеживается рядная планировка.

Характерными для погребального обряда рассматриваемой территории являются следующие черты: вытянутое положение умерших, западная ориентировка, одиночные захоронения, наличие гробов, бедность инвентаря, среди категорий которого преобладают (около 800 случаев) украшения (височные кольца, перстни, бусины), фрагменты костюма (около 400), бытовые предметы — керамика (400), ножи (250). Реже встречаются предметы вооружения (120), орудия труда (60), снаряжение всадника и верхового коня (50), туалетные принадлежности (40), амулеты и христианские символы (50), другие категории вещей. Известно около 100 случаев, когда были зафиксированы остатки фауны и флоры. Треть могил (в первую очередь грунтовые) вообще безинвентарны.

Развитие погребального обряда на протяжении рассматриваемого периода проходит три этапа: кремация на стороне — кремация на месте захоронения — ингумация. В переходные периоды (по мнению В. В. Седова 50—80 лет) два обряда могли сосуществовать, что и прослежено во многих случаях. Эволюцию погребального обряда можно связывать с социально-экономическим развитием общества и идеологическими изменениями, в том числе (но не единственным фактором в этом процессе) — с проникновением христианских идей. Влияние религии классового общества

прослеживается, в первую очередь, в появлении подкурганых могильных ям и грунтовых захоронений.

На протяжении всего древнерусского периода, как свидетельствуют и материалы захоронений, прослеживается не соблюдение христианских канонов: наличие инвентаря, возведение курганных насыпей вплоть до начала XIII в., присутствие среди украшений, иногда одновременно, амулетов-оберегов и христианских символов. При этом интересно отметить, что символы Перуна («перуны стрелы») и символы Солнце, а также Луны зафиксированы в основном в комплексах разных территорий, что указывает на популярность различных языческих божеств в конкретных микрорегионах задолго до рубежа I и II тыс. н. э. В XII—XIII вв. появляются христианские некрополи у сельских поселений, что свидетельствует о проникновении новой религии в идеологические воззрения части рядового населения, в первую очередь, лично зависимого. Примеры этого могут быть могильники Коржовка и Махаринцы (летописная Болоховская земля), где были похоронены выходцы с левобережных районов Днепра. Признаки новой религии особенно заметно в погребальных памятниках округа Киева — религиозной столицы Древнерусского государства на всех этапах его существования.

Ряд признаков в погребальном обряде позволяет говорить о социальном составе населения. Это, в первую очередь, так называемые дружинные захоронения (погребения феодалов с непременным наличием оружия), разделенные Д. И. Блифельдом на четыре группы, могилы ремесленников, купцов, волхвов, монахов. Наиболее богатым захоронением (по мнению Б. А. Рыбакова княжеским) является курган Черная Могила в Чернигове, расположенная у стен детинца. Одним из типов погребений представителей господствующей верхушки древнерусского общества является захоронения в камерных или срубных гробницах, которых на рассматриваемой территории фиксировано свыше 40. Находки в ряде погребальных комплексов (около 30) монет, которые в основном относятся к X в., а также другие категории инвентаря, позволяют говорить о том, что в начале столетия произошло усложнение погребального обряда господствующей верхушки. Хронология ряда дружинных некрополей свидетельствует о нескольких этапах феодализации в разных частях среднеднепровской территории (на примере Подесенья это: I этап — Чернигов, Шестовица; II этап — Табаевка, Клонов; III этап — Камка). После введения христианства престижным и социально значимым стало захоронение около или внутри храмов.

Материалы захоронений Среднего Поднепровья свидетельствуют о присутствии разноэтнических элементов. Помимо фактов взаимного проникновения населения одних областей южнорусской территории на земли других летописных племен, имеется ряд случаев выявления захоронений переселенцев с северных и

центральных районов Руси (Жовнино, Нежилович, Броварки), с Скандинавии (Чернигов, Шестовица, Табаевка), с степных районов Восточной Европы (Киев, Яблоновка).

А. Д. Пряхин, М. В. Цыбин

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ НА Р. ДОН

Для разработки проблемы, связанной с оценкой юго-восточной окраины Руси в XII — первой половине XIII вв. и конкретизации юго-восточной границы древнерусского государства этого времени важное значение имеет исследование Семилукского городища, находящегося в черте современного г. Семилуки Воронежской обл. Оно занимает высокий мыс правого берега р. Дон. Площадка городища (35—65×200 м) ограничена валом и рвом. К городищу примыкает обширное селище.

На укрепленной части памятника в 1984—1986 гг. вскрыта площадь около 1500 кв. м. Наряду со свидетельствами других исторических периодов (раннекатакомбное время, воронежская культура средней бронзы, скифский период) значительная сумма данных относится к древнерусскому поселению второй половины XII — первой половины XIII вв.

Зафиксирована усадебная застройка мысовой части поселка. Одна из усадеб исследована полностью. Ее площадь около 250 кв. м. Она состояла из жилых полуземляночной и наземной построек и нескольких хозяйственных помещений. Важно отметить, что в процессе раскопок получены материалы, свидетельствующие о социальной неоднородности владельцев усадеб.

Имеющаяся с поселения коллекция включает значительную керамическую серию, около двухсот изделий из железа (орудия труда, бытовые предметы, предметы вооружения), украшения из цветных металлов (перстни, браслеты, бубенчики), стекла (браслеты и бусины), костяные и глиняные изделия.

Среди фиксируемых видов ремесленного производства представлены черная металлургия и металлообработка, обработка цветных металлов, кости, гончарное дело. Обнаружено и значительное число свидетельств, связанных с земледелием, другими видами хозяйственной деятельности.

Торговые связи жителей поселения характеризуются находками стеклянных браслетов и бус киевского и византийского производств, фрагментов поливной привозной посуды, свинцовых колец, бронзовой круглой фибулы со стеклянными вставками. К кругу кочевнических вещей относится серьга в виде знака вопроса. В материалах аскизской культуры Южной Сибири находят аналогии наременный железный наконечник, украшенный золотой аппликацией.

Полученные данные с учетом факта значительности укреплен-

ной площади городища (более 1 га), наличия посада, на котором выявлены свидетельства гончарного производства, позволяют видеть в этом памятнике поселение городского типа, которое могло выполнять функции сторожевой крепости и административного центра. В этом плане представляется важным наличие в близлежащем от городища районе нескольких древнерусских селищ, видимо, составлявших формировавшуюся вокруг основного поселения округу. Процесс развития этого поселения был прерван монгольским нашествием.

Сельская округа Семилуцкого городища представлена целой серией небольших поселков, выявленных по р. Дон, Воронеж, Девица, Ведуга. Из них одно ранее было изучено практически полностью (Шиловское поселение на р. Воронеж, раскопки экспедиции Воронежского университета в 1967—1971 и 1973 гг., изучена площадь более 4500 кв. м). Выявление и частичное исследование этого сгустка древнерусских памятников позволяет более объективно подойти к вопросу о локализации летописного Воронежа, упоминаемого в летописях под 1177 г. Есть основания полагать, что Семилуцкое городище является остатками этого населенного пункта.

М. В. Цыбин

О ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ РУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII вв.

Вопрос о юго-восточной границе Руси в домонгольское время, впервые поставленный на археологическом материале еще В. А. Городцовым, продолжает привлекать к себе внимание исследователей.

Археологическое изучение Донецкого городища и других памятников в бассейне Северского Донца (работы Б. А. Шрамко) позволило достоверно очертить один из участков юго-восточной границы русских земель. От Донецкого городища, отождествляемого с древнерусским городом Донцом, эта граница, по традиционному мнению исследователей, проходила к верховьям Псла и Сейма, пересекала р. Быстрая Сосна, на которой в XII—XIII вв., возможно, находился город Елец.

Открытие С. А. Плетневой древнерусских городищ у с. Крапивное на р. Корень (бассейн верхний Северского Донца) и у с. Холки на р. Оскол внесло существенные коррективы в представление о направлении юго-восточной границы Руси. Комплекс древнерусских городищ в бассейне Северского Донца составлял так называемую «донецкую оборонительную линию» (по А. Г. Дьяченко).

Важным шагом в изучении рассматриваемого вопроса явилось выявление и изучение экспедицией Воронежского университета (под рук. А. Д. Пряхина) комплекса древнерусских памят-

ников на р. Дон и в низовьях р. Воронеж. Среди них на большой площади изучены Семилуцкое городище и Шиловское поселение.

Таким образом, судя по имеющимся сейчас археологическим данным, юго-восточная граница Руси во второй половине XII — первой половине XIII вв. проходила от Донецкого городища через городища Крапивное (на р. Корень) и Холки (на р. Оскол) и далее — к низовьям р. Воронеж, входившим в территорию Рязанской земли.

В. В. Седов, А. А. Александров, С. В. Белецкий,
О. К. Волочкова, Т. Е. Ершова, Т. Ю. Закурина,
В. И. Кильдюшевский, И. О. Колосова, И. К. Лабутина,
К. М. Плоткин, Т. В. Сергина, Б. Н. Харлашов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ПСКОВЕ

Важнейшей задачей экспедиции Псковского Института археологии АН СССР и Псковского гос. объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника является производство археологических исследований древнего культурного слоя Пскова в местах планируемых строительных работ. В 1986 г. раскопки велись в пяти местах древнего города. Общая площадь раскопов около 7000 кв. м.

В связи с планируемым строительством новых корпусов Псковского педагогического института были начаты раскопочные изыскания площадью около 2400 кв. м, рассчитанные на два полевых сезона, на ул. Ленина в пределах укреплений 1309 г. Исследуемая площадь разделена на 4 раскопа, руководителями которых были К. М. Плоткин, Т. Ю. Закурина, О. К. Волочкова и И. К. Лабутина — И. О. Колосова.

Толщина культурного слоя здесь от 3 до 6 м. Верхний (балластный) слой был снят при помощи экскаватора и бульдозера. Далее исследовались напластования XIV—XVI вв. до глубины 2—2,4 м.

На всей площади раскопов расчищены остатки разнообразных сооружений из дерева. Застройка древнего города представлена уличной мостовой шириной около 3 м (прослежено 5 строительных ярусов), обугленной мостовой переулка шириной 2,3 м, несколькими десятками срубных построек площадью от 10 до 36 кв. м, относящимися к шести строительным ярусам, дворовыми настилами площадью от 40 до 120 кв. м, частоколами, разграничивающими усадьбы. Обращает внимание стабильность застройки: срубы часто сооружались на одних и тех же местах. Застройка на исследованном участке была усадебной. Одна из усадеб выделяется крупными размерами и имела мощный дворовый настил, по-видимому, принадлежала крупному землевладельцу.

Многие срубные постройки были жилыми. Они рублены «в обло» из бревен диаметром 15—20 см. Нижние венцы срубов обычно укладывались на подкладки из обрубков бревен или на

камни. В некоторых постройках сохранились остатки полов из досок или плах, положенных на тонкие бревенчатые лаги.

В жилых постройках исследовались отопительные устройства. Преимущественно это были печи-каменки. В одном случае расчищен настил опечка из коротких и толстых плах на лагах, в другом — опечек столбовой конструкции. Выявлены и остатки глинобитной печи с каменной вымосткой в основании.

При раскопках собрана большая коллекция вещевых находок — орудия труда из железа, различные железные бытовые предметы, украшения из цветных металлов и стекла, разнообразные изделия из кости и камня, многочисленные деревянные поделки.

Среди вещевых находок имеются бронзовое трехбусинное височное кольцо, витые и пластинчатые браслеты, пластинчатые и печатные перстни, створка энколпиона и бронзовый двухсторонний образок. Встречены тигли для плавки цветных металлов, есть также пастовые бусы с инкрустацией и желтые лимоновидные бусы, две костяные орнаментированные накладки. Многими экземплярами представлены шиферные пряслица, глиняные и каменные рыболовные грузила, железные светцы. В нескольких местах отмечены находки остатков кожаных изделий и отходы кожевенного ремесла. В верхних горизонтах слоя встречены еще печные изразцы и киоты.

Три вислых свинцовые печати найдены в пределах отмеченной выше большой усадьбы. Одна из них вечевая «печать святой Троицы», вторая — «печать псковская» 1424 г., третья — «Офоновина печать Константиновича», близкая новгородским местничьим печатям.

В слое XV—XVI вв. обнаружены известняковые плитки с вырезанными на обеих сторонах буквами.

Изборский раскоп площадью 1748 кв. м стал первым большим исследованным участком на Завеличье (недалеко от древней Изборской улицы). Руководил им Б. Н. Харлашов. Культурный слой здесь имеет небольшую толщину — от 0,4 до 0,8 м. Он оказался в значительной степени потревоженным. Выявлены подвалы домов XVI—XVII вв., стоявших на значительном расстоянии друг от друга. Древнерусский период жизни этой части Пскова характеризуют две подпольные ямы, в одной из которых расчищен развал печи-каменки, и большое количество фрагментов керамики XII—XIII вв. Имеются и вещевые находки этого времени, в том числе костяные гребни, витые бронзовые браслеты, пластинчатый перстень, стеклянная позолоченная бусина, пинцет, шиферные пряслица и др.

Три раскопа находились в Запсковье. По ул. Школьной на Втором Богоявленском раскопе (площадь 1600 кв. м), которым руководил С. В. Белецкий, исследован участок пересечения двух улиц XIII—XVII вв. Одна из них отождествляется с известной по письменным документам улицей Мощеной, другая с Толокня-

ной. Первая первоначально имела ширину 2,5—3,5 м, позднее она была расширена до 4—4,5 м. Выявлены следы усадебной застройки, исследовались подполья жилищ, погреб, колодцы. Установлено, что этот участок древнего города начал обживаться не позднее конца XI—начала XII вв. Среди вещевых находок наиболее интересной является свинцовая «печать псковская» первой половины XV в.

Третий Богоявленский раскоп площадью 804 кв. м (руководитель Т. В. Сергина) находился в 8 м южнее второго. Толщина культурных напластований здесь составляла около 1 м. Самые нижние отложения их, судя по фрагментам глиняной посуды, относятся к первой половине XII в. Собрана большая и интересная вещевая коллекция. В ее состав входят свинцовая печать домонгольской поры, каменная литейная формочка для отливки украшений, наковаленка, бронзовый витой браслет, пряслица из розового шифера и из местных пород камня, кресала и др. Значительную часть находок составляют печные изразцы, поливная керамика и фрагменты черепицы.

Раскоп на ул. Первомайской площадью около 620 кв. м (руководитель В. И. Кильдюшевский), как оказалось, находился в слабо застроенном участке древнего города. Исследованы остатки двух погребов XVI—XVII вв. и глинобитная печь. Самые ранние фрагменты керамики относятся только к XV в. Вещевые находки немногочисленны, в том числе имеются обломок наконечника копья, массивный черешковый наконечник стрелы от арбалета, три шпоры, ножи.

Завершены работы на Петровском-II раскопе, начатые в 1985 г. Исследовалась площадь 216 кв. м. Руководила раскопом Т. Е. Ершова. Напластования датируются XVI—XVII вв. В северо-западной части раскопа на глубине 2,4 м обнаружилась погребальная яма с массовыми захоронениями. Всего было расчищено 111 погребений в гробах и колодах, в том числе 82 детских. Они лежали в двух ярусах, при этом верхний ярус составляли преимущественно детские скелеты, во втором — в основном захоронения взрослых. Почти во всех гробах и колодах при погребенных зафиксированы остатки растений. В 33 захоронениях обнаружены бронзовые нательные крестики, в трех — медные пуговицы, в одном — стеклянные и янтарные пуговицы на бронзовых стержнях, еще в одном — остатки украшения, плетеного из льняных нитей. Остатки кожаной обуви отмечены во многих захоронениях. Вещевые материалы датируют погребения XVI—XVII вв. Можно полагать, что это коллективное захоронение является скудельницей при церкви Иоанна Милостивого, существовавшей поблизости в XVI—XVIII столетиях.

РАБОТЫ В ИЗБОРСКЕ

На Изборском городище — памятнике VIII—XIII вв. продолжены исследования его оборонительных сооружений. Траншеей шириной 2 м был прорезан вал в юго-западной части городища. Высота вала здесь всего 2 м. Выявлено сложное строение насыпи. В ее основании расположены остатки древнейшей крепостной стены. Она сложена из плитнякового камня без связующего раствора. До нас дошла лишь нижняя часть стены шириной около 2,5 м. Она была поставлена без фундамента непосредственно на древний культурный слой, по керамическому материалу датируется VIII—IX вв. В слое, примыкающем к стене и содержащем исключительно фрагменты лепной керамики, найдены железная В-образная пряжка, датируемая по аналогиям VII—VIII вв. Следовательно, древнейшую крепостную стену Изборска нужно датировать IX—X вв.

Около середины X в. над каменной стеной был насыпан вал из камней и культурного слоя, взятого с площадки городища. Следующий период реконструкции оборонительного сооружения относится к рубежу XI и XII вв., когда по периметру все поселение было ограждено каменной стеной. В это время на вершине вала сооружается каменная стена. Ныне верхние горизонты вала и составляют развал этой стены.

Траншеей шириной 1 м и длиной 36 м был выявлен характер рельефа северо-восточного склона городища. Выяснилось, что первоначально он был пологим и настоящая крутизна была ему придана за счет присыпки из культурного слоя толщиной до 2 м. В крепости на Жеравьевой горе (1330 г.) был заложен раскоп площадью 203 кв. м у северной ее стены. Своим восточным краем он примыкал к раскопу «Д» прошлого сезона. Толщина культурных напластований колебалась от 0,2 до 1,7 м, в связи с сильным наклоном материка в северном направлении.

Стратиграфия слоя подтвердила наблюдения прежних лет.

В слое пожарища (B₂) найдено 31 медных копеек Алексея Михайловича Романова (1654—1663 гг.), две игральных кости, обломки керамической винной тары, замки, ключи, дверные пробойники, сапожные подковки, конские подковы, пряжки, ножи. В слое B₃ (1513—середина XVII в.) встречены: серебряная копейка Ивана IV (1585—1610 гг.); две московские полушки и одна — псковская (1534 г.); мечевая копейка Ивана IV (1533—1538 гг.); серьга; бронзовые крестик и гребешок-подвеска; перстень-печатка; железные замки, ключи, ножницы, светец, наконечники арбалетных стрел, ножи, гарпун, обломок двустороннего костяного гребня, костяная и две стеклянных бусины, хрустальная вставка в перстень. В слое пожарища (B₆) 1513 г. найдено большое количество зерна. В слое B₇ начала XV в. — 1513 г.

встречены серебряная четверть псковская с Довмонтом (1424—1510 гг.), перстень-печатка, три шпоры, две из которых с колесиком, подсвечник, ледоходные шипы, наконечники стрел, замки, ключи, ножи. К слою пожарища (В₉) 1369 г. (?) относятся несколько бронзовых витых и пластинчатых браслетов, два ложновитых перстня, крестик-подвеска, игольник, копоушка, ледоходные шипы, обломок ножниц, наконечники стрел, ключи, шиферные и глиняные пряслица.

Зафиксированы три строительных горизонта: 1 — 1330 г. (слой В₁₀), которому в крепостной стене соответствует кладка из известняковых плит без следов подтеки; 2 — слой В₈ (последней четверти XIV — начала XV вв.) и 3 — слой В₅ — 1513 г.

А. Р. Артемьев

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПСКОВСКИХ ПРИГОРОДОВ ВЕЛЬЯ, ЧЕРНИЦЫ, КОЛОЖЕ, ОПОЧКИ, КРАСНОГО И ВЫШГОРОДКА

Разведывательным отрядом Псковской археологической экспедиции обследованы семь псковских пригородов.

В д. Велье Пушкиногорского р-на обследовано городище (2 га) и посад (свыше 20 га) одноименного пригорода, впервые упомянутого в летописях под 1368 г. На посаде собрано большое количество керамики XIV—XVII вв. В шурфе (11 кв. м), заложенном в его южной части (уроч. «Гривы»), помимо средневекового слоя, зафиксирован слой с лепной керамикой второй половины I тыс. н. э. На северной окраине посада найден каменный крест с изображением двенадцатиконечного (?) креста на Голгофе в средокрестии и надписью «Иисус Христос Ника» в сокращении и под титлами на лопастях.

В д. Алексино Опочецкого р-на обследовано месторасположение городка Черница, упомянутого в источнике 1390—1391 гг. Площадь последнего не превышает 1 га, а окружающего его посада — 6 га. На них найдена керамика XIV—XVII вв. и глиняное грузило.

Возле д. Манушкино Опочецкого р-на осмотрено городище Коложе (1390—1391 гг.) площадью 0,8 га. На нем сохранились три каменных креста с восьмиконечными крестами на Голгофе в средокрестии и традиционными надписями на лопастях.

В г. Опочка обследованы городище (1414 г.) размерами около 1,5 га и посад, имеющий в границах острога 1631 г. площадь свыше 10 га.

В д. Кобылье Городище Гдовского р-на осмотрено городище Кобыла (1462 г.) площадью 1,2 га. На нем собран керамический материал XV—XVI вв. Такая же керамика и наконечник стрелы найдены на окружающем его посаде (3,5 га).

В пос. Красногорское Красногородского р-на исследовалось городище — летописный пригород Красный (1464 г.) площадью

около 1 га. В шурфе 3×4 м у западного края памятника зафиксирован культурный слой толщиной до 1,6 м. Выделено пять отдельных прослоек: Б — XVII в., в котором встречены железные замок, булава-спица, подковки для сапог, перекрестие меча, вток от копья, обломок косы, пряжка, костяные проколки и накладка, слюда; В — слой песка, отложившегося при подсыпке вала; Г — слой пожарища 1611 г. (?); Д — тоже слой подсыпки вала; Е — второй половины XV—XVI вв., содержащий перекрестие меча, двушипный наконечник стрелы, два ключа, калачевидное кресало, бронзовые игольник, булаву-спицу, обломок серпа и косы, несколько ножей, скобу, дверной пробой, глиняное грузило, обломок деревянного сосуда, три жернова и много керамики. На посаде, площадью около 7 га, собрана керамика XV—XVII вв.

В д. Вышгородок Пыталовского р-на обследовано городище Вышгородок (1476 г.). На нем собраны оковки от лопат, подкова, керамика XV—XVII вв. Такая же керамика найдена на посаде площадью 5 га.

	Стр.
АРХЕОЛОГИЯ, АРХИТЕКТУРА И КУЛЬТУРА ПСКОВА	
Лабутина И. К. (Псков). О псковском некрополе	3
Большаков Л. Н. (Ленинград). Метрическая система построения композиции Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря и близких по типу храмов Византии и Руси	5
Седов Вл. В. (Москва). Церковь Николая XVI в. в Любятковском монастыре	6
Лагунин И. И. (Псков). К вопросу о реконструкции фрагмента историко-архитектурного ансамбля исторического центра Пскова	9
Лагунин И. И. (Псков). Здания XVII—первой половины XIX вв. в Пскове — памятники архитектуры	10
Ткачева Н. М. (Псков). К вопросу о происхождении памятников древнерусской живописи из собрания Псковского музея-заповедника	13
Алешин А. Б. (Ленинград). Исследование и атрибуция картин Псковского музея в процессе реставрации	15
Лицбах Ю. Е. (Ленинград). Атрибуция иконы «Пророки» из собрания Псковского музея	17
Белецкий С. В. (Москва). Новые сфрагистические находки в Пскове	20
Рождественская М. В. (Ленинград). Литературная легенда о псковском князе Всеволоде-Гаврииле	20
ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ СОСЕДИ	
Артемьев А. Р. (Москва). Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII—начале XVI вв.	23
Джаксон Т. Н. (Москва), Рождественская Т. В. (Ленинград). Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск	24
Седов Вл. В., Петров Д. А. (Москва). Каменные храмы в городах, монастырях и погостах Новгородской земли	27
Седов Вл. В. (Москва). Спасо-Преображенский собор в Ржеве — памятник новгородской архитектуры XVI в.	31
Тарасов С. В. (Минск). Историческая топография древнего Полоцка (новые данные)	33
Малыгин П. Д. (Калинин). К топографии южной части Нижнего городища Торжка XI—XIV вв.	35
Граудонис Я. Я. (Рига). Археологические исследования Турайдского замка	37
Шорин М. В. (Новгород). Археологическое окружение культовых камней как источник для их датировки	39
Жулкус В. (Клайпеда). Земли Литовского поморья в X—XII вв.	41
Вашкявичюте И. Ч. (Вильнюс). К исследованию контактов земгалских и куршских племен	43
Флит Н. В. (Ленинград). Правительственная политика в области просвещения в России в конце XVIII—начале XIX вв. (на материалах Псковской губ.)	44
ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ В I ТЫС. Н. Э.	
Седов В. В. (Москва). Первая волна славянского освоения Северо-Запада	46
Плоткин К. М. (Псков). Этнокультурная ситуация второй половины I тыс. н. э. в низовьях р. Великой	48
Микляев А. М. (Ленинград). Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской обл.	50
Лопатин Н. В. (Москва). Параллели в керамике культуры длинных курганов и древностей типа Тушемли-Банцеровщины	52
Конецкий В. Я. (Новгород). Об исторических судьбах населения культуры длинных курганов в Приильменье	53

	Стр.
Конецкий В. Я. (Новгород). Раскопки сопок у д. Заручевье в бассейне р. Мсты	55
Шадыро В. Н., Дучиц Л. В. (Минск). Древности второй половины I тысячелетия н. э. на северо-западе Белоруссии	56
Бажан И. А., Каргопольцев С. Ю. (Ленинград). Об одной категории раннесредневековых древностей	58
Шмидт Е. А. (Смоленск). О культуре длинных курганов левобережья смоленского течения Западной Двины	59
Енуков В. В. (Москва). Судьбы носителей культуры смоленских длинных курганов	61
Ефимова Н. А. (Рига). Погребальный обряд кургана 22 могильника Яномоле (к вопросу о так называемых больших карганах культуры смоленских длинных курганов)	63
Лесман Ю. М. (Ленинград). Торопецкий могильник культуры длинных курганов	66
Лебедев Г. С. (Ленинград). Памятники уроч. «Священка» на оз. Врево в Верхнем Полужье	67
Булкин В. А., Герд А. С. (Ленинград). К этноисторической географии Белоруссии	69
Озере И. А. (Рига). Основные признаки куршской культуры V—IX вв.	70
Шименас В. (Вильнюс). Об этнокультурной ситуации в V—VIII вв. в низовьях Немана	72
Казакавичюс В. К. (Вильнюс). Могильник Плинкайгалис как памятник аукштайтских племен	73
Урбанавичюс В. Ф. (Вильнюс). Захоронения в воде: находки и интерпретация	75
Васкс А. В. (Рига). К вопросу о культуре штрихованной керамики и ее ареале	76
Васкс А. В. (Рига). О поздней текстильной керамике Восточной Латвии	78
Манюхин И. С. (Москва). Позднекаргопольская культура	80
Тюленев В. А. (Ленинград). Новый тип памятников северо-восточного побережья Финского залива (к проблеме населения южной Карелии во второй половине I тыс. н. э.)	81
ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	
Буров В. А. (Москва). «Ярославли грамоты»	84
Джаксон Т. Н. (Москва). Древнерусские города в исландском географическом сочинении XIV в.	86
Овсянников О. В. (Ленинград). Укрепленные поселения Архангельского Севера XIV—XV вв.	88
Чернецов А. В. (Москва). Посох Стефана Пермского	90
Чеснокова Н. Н. (Сыктывкар). Европейский Северо-Восток в эпоху раннего средневековья	91
Седых В. Н. (Ленинград). Новые исследования в Тимереве	94
Станкевич И. Л. (Ярославль). Изучение поселения Введенское в Ярославском Поволжье	95
Моця А. П. (Киев). Погребальные памятники Среднего Поднепровья IX—XIII вв.	97
Пряхин А. Д., Цыбин М. В. (Воронеж). Исследование Семилукского городища домонгольского времени на р. Дон	99
Цыбин М. В. (Воронеж). О юго-восточной границе Руси во второй половине XII—первой половине XIII вв.	100

ПСКОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1986 ГОДА

Стр.

Седов В. В., Александров А. А., Белецкий С. В., Волочкова О. К., Ершова Т. Е., Закурина Т. Ю., Кильдюшевский В. И., Колосова И. С., Лабутина И. К., Плоткин К. М., Сергина Т. В., Харлашов Б. Н. Археологические раскопки в Пскове	102
Седов В. В., Артемьев А. Р. Работы в Изборске	105
Артемьев А. Р. Обследование псковских пригородов Велья, Черницы, Коложе, Опочки, Красного и Вышгорода	106